

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1976

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1976

В связи с исполняющимся в этом году 70-летием со дня рождения и 45-летием научной и педагогической деятельности крупного советского тюрколога, председателя Советского Комитета тюркологов, академика Андрея Николаевича КОНОНОВА в редакцию были представлены статьи его коллег и учеников, написанные специально к юбилею.

Настоящий номер составлен из этих статей.

А. Н. КОНОНОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, Г. Ф. БЛАГОВА

ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Всесоюзная тюркологическая конференция, созываемая в сентябре 1976 г. в Алма-Ате Отделением литературы и языка Академии наук СССР и Советским Комитетом тюркологов при этом отделении, Отделением истории Академии наук СССР, Отделением общественных наук Академии наук Казахской ССР, обсудит актуальные проблемы тюркского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, археологии и этнографии.

Конференция посвящается шестидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, возродившей к активной экономической, общественной и культурной жизни все народы бывшей царской России, в том числе и тюркоязычные. Только в послереволюционный период начался подлинный расцвет экономики и культуры тюркоязычных народов в братской семье народов Советского Союза, были созданы условия для национально-языкового строительства в нашей стране.

Претворение в жизнь ленинской национальной политики на Советском Востоке поставило перед отечественной тюркологией задачи государственной важности. Особенно остро встала проблема создания для тюркоязычных народов новой письменности: замена арабского письма алфавитом, более соответствующим особенностям тюркских языков, в чем ощущалась крайняя практическая нужда, а также создание новых алфавитов для бесписьменных языков. В 20-е годы советскими тюркологами было многое сделано для разработки фонологических, грамматических, полиграфических, орфографических основ новых алфавитов. Решение проблем, связанных с новой письменностью, в большой степени способствовало ликвидации среди тюркоязычных масс неграмотности — тяжелого наследия прошлого. Для того, чтобы на деле осуществить ленинский принцип предоставления каждому народу возможности пользоваться родным языком в любой сфере общественной жизни, необходимо было создать систему народного образования на родном языке, ибо внедрение грамотности стало одним из главных условий подъема культуры широких народных масс, приобщения их к активной общественной, политической и трудовой деятельности в условиях современного производства. Тем самым перед тюркологами выдвигались неотложные задачи по составлению учебников на различных тюркских языках, учебных пособий по родному языку, подготовке преподавательских кадров для национальных школ. В свою очередь эти задачи повлекли за собой необходимость разработки и упорядочения научной, технической и общественно-политической терминологии и принципов терминотворчества.

Уже при составлении учебников и учебных пособий для ряда тюркских языков и особенно — для младописьменных со всей остротой встал вопрос о том, каким быть литературному языку. Было чрезвычайно важно определить диалектную основу как для вновь создававшихся, так и для старописьменных литературных языков, с традиционной для них архаичностью строя, а также разработать нормы единого национального языка на базе ведущего или нескольких конкурирующих народных диалектов.

Таким образом, глубокие социальные преобразования, происходившие в послереволюционный период, требовали научного исследования современных тюркских языков для последующего применения полученных результатов на практике — при совершенствовании литературных языков, алфавитов, орфографий, терминологии.

Необходимой предпосылкой для сознательного, активного участия лингвистов-тюркологов в решении вопросов национального языкового строительства стало изучение диалектов, поскольку в советский период развитие национальных тюркских языков из народных диалектов происходило одновременно с процессом национальной консолидации.

Решение названных проблем создавало условия для всестороннего развития всех тюркских языков. Тюркские языки в СССР образуют, как известно, вторую по численности (после славянских) группу родственных языков (на тюркских языках в СССР, по данным переписи 1970 г., говорят 32,4 млн. человек), поэтому решение языковых проблем, обеспечивающих полную ликвидацию массовой неграмотности на основе организации народного образования на родном языке, по сути дела являлось одним из факторов общественно-политического, культурного, а в известной степени и экономического прогресса.

Всесоюзная тюркологическая конференция в Алма-Ате приурочена к 50-летию Первого Всесоюзного тюркологического съезда, состоявшегося в Баку в 1926 г. и сыгравшего большую роль в языковом строительстве. Съезд в значительной степени способствовал замене арабского письма латиницей, оказал решающее влияние на развитие тюркологических исследований в тюркоязычных республиках и областях Советского Союза.

В резолюции съезда, вписавшего яркую страницу в историю отечественной тюркологии советского периода, подчеркивалась необходимость углубленного изучения отдельных тюркских языков, диалектов и говоров на основе собирания с последующим изданием языковых материалов, составления научных грамматик и словарей. Вместе с тем первостепенное значение придавалось также задачам теоретическим, перспективным: работе в области сравнительно-исторической грамматики, составлению этимологического словаря, классификации тюркских языков и диалектов; рекомендовалось также продолжать исследование отношений тюркских языков к алтайским и финно-угорским. Резолюция предусматривала также составление библиографии по тюркологии, а также организацию коллективных тюркологических работ (в том числе и в международном масштабе)¹.

Подводя итоги минувшего пятидесятилетия, надо прежде всего подчеркнуть, что тюркология советского периода, развивающаяся на марксистско-ленинской идейной основе, отличается от предшествующего периода новой, марксистско-ленинской методологией, новым подходом к предмету изучения, новым научным содержанием. На Советском Востоке за исторически небольшой срок выросли национальные

¹ См.: «Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля — 6 марта (1926 г.). Стенографический отчет». Баку, 1926, стр. 429.

кадры ученых, объединенных во вновь созданных республиканских академиях наук и различных научно-исследовательских учреждениях; изучением языков, истории, литературы и фольклора тюркских народов СССР в основном стали заниматься ученые — представители тюркских национальностей. В наше время впервые проводится фронтальное изучение языков, литературы и фольклора, истории, археологии и этнографии тюркских народов СССР, что имеет исключительно большое практическое, научное и общественно-политическое значение. Исследуя этно-культурные связи между народами Советского Союза на разных этапах их развития, тюркологи — историки, этнографы, фольклористы, языковеды — на конкретных фактах показывают, как складывалась новая историческая общность — советский народ.

Впервые в истории отечественной лингвистики стали систематически и планомерно (в синхроническом плане) изучаться фонетика, морфология и синтаксис различных тюркских языков. Создано большое количество грамматических описаний как письменных, так и бесписьменных прежде языков, благодаря чему осуществляется нормирование грамматической структуры этих языков. Исследования в этой области все чаще проводятся на широком сравнительном фоне, который создается благодаря привлечению материала из тюркских языков соответствующих подгрупп, из соседних тюркских языков, а также из диалектов изучаемого языка.

В исследованиях по тюркским языкам стали применяться точные методы, в том числе — вероятностно-статистические и теоретико-информационные. Для реализации на ЭВМ и в целях автоматизации исследований составляются алгоритмы морфологического и синтаксического анализа и синтеза, создаются описания, моделирующие отдельные стороны грамматического строя конкретных тюркских языков. Особое место занимают здесь структурно-типологические работы, для которых характерно обращение как к синхронии, так и к диахронии.

Внедрение новой методологии и новых методических приемов в изучение грамматики тюркских языков, включение в научный обиход богатейшего фактического материала обусловило изменения в представлениях и понятиях, относящихся как ко всей тюркской грамматике в целом, так и к ее разделам — морфологии и синтаксису. В области морфологии — это морфологическая структура слова и словообразование, части речи, категория залога, глагольный вид, проблемы морфологической типологии; в области синтаксиса — словосочетание и предложение и принципы их классификаций, соотношение посессивного и номинативного строя, сложное и сложноподчиненное предложения, природа причастных, деепричастных, глагольно-именных конструкций и др.

Углубленное изучение звукового строя тюркских языков осуществляется в экспериментально-инструментальном, сравнительно-историческом и фонологическом аспектах. На этой основе вырабатываются орфоэпические нормы литературно-разговорных тюркских языков.

Развитой отраслью тюркского языкознания стали лексикология и лексикография. Налажен выпуск больших двуязычных словарей, широко развернулась работа по составлению толковых словарей — все это способствует нормализации лексики тюркских языков. Дальнейшее уточнение основных принципов терминотворчества и нормирование терминологии опирается на работу по составлению многочисленных терминологических словарей различного типа. В последнее время успешно развивается одна из наиболее трудоемких и сложных лексикографических отраслей, по сути дела, закладывающая основы сравнительно-исторической лексикологии, а именно — составление этимологических словарей. Про-

должается работа над «Этимологическим словарем тюркских языков» (т. 1, М., 1974), где исследование ведется в общетюркском и межтюркском аспектах; изданы этимологические словари отдельных тюркских языков.

Изучение диалектов и говоров тюркских языков народов СССР также выделилось в самостоятельную область науки — диалектографию и диалектологию. Осуществленное за годы Советской власти фронтальное обследование диалектов и говоров тюркских языков СССР позволило собрать колоссальный фактический материал и заложило основы трех направлений в тюркской диалектологии: а) монографических описаний, б) лингвистической географии и в) диалектной лексикографии. Прежний принцип описания диалекта на основе его отличий от литературного языка все более вытесняется методикой, признающей диалект цельной языковой системой. Диалектологические атласы (как и диалектные словари) составляются пока еще не по всем тюркским языкам, но диалектологи всей страны работают над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» — на этой основе станет возможным решение ряда проблем в сравнительно-историческом аспекте.

Продолжается и такое традиционное для отечественной тюркологии направление исследований, как изучение и издание памятников древней и средневековой тюркской письменности с лингвистическими и историко-этнографическими комментариями. Открыты ранее неизвестные районы тюркской руники — Якутия, Алтай, Средняя Азия, Кавказ. В целях кодификации тюркской руники на территории СССР ведутся работы по составлению «Корпуса древнетюркских (рунических) памятников». Издан и исследован ряд чагатайских памятников. На этой основе все более отчетливо формируются новые самостоятельные дисциплины, имеющие теоретическое и общественно-политическое значение, а именно — история формирования тюркских национальных языков и их периодизация, а также примыкающие к ним историческая грамматика отдельных тюркских языков и история литературного языка. Пока еще нет четко разработанной методики изучения этих проблем на материале тюркских языков. Тем не менее выделению истории литературного языка в качестве самостоятельной дисциплины, что само по себе является принципиально новым для тюркологии советского периода, в немалой степени способствует применение функционально-социального и функционально-стилистического подхода к анализу языка памятников. В связи с этим возрастает значение изучения проблем стилистики как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Начавшееся изучение отнюдь не однозначных и не прямолинейных отношений языка памятников и современных тюркских диалектов позволяет говорить о становлении другой новой для тюркологии дисциплины — исторической диалектологии.

Как и предусматривалось резолюцией Первого Всесоюзного тюркологического съезда, в течение минувших десятилетий разрабатывалась классификация тюркских языков. Эта проблема, однако, все еще не решена по ряду причин — недостаточной изученности фактического материала, в первую очередь сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков, неразработанности, с одной стороны, методики исследования, а с другой — самих критериев отбора языковых признаков, на основе которых должна осуществляться классификация, а также ввиду отсутствия глобального подхода к классификации тюркских языков.

Проделанная в указанных направлениях работа позволила вплотную подойти к выполнению такой фундаментальной задачи, как создание

сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. XXV съезд КПСС нацеливает советских ученых в период развитого социализма на фундаментальные исследования. В своем докладе на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что «нет ничего более практичного, чем хорошая теория»². Создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков важно не только в теоретическом, но и в практическом плане: именно благодаря компаративистским построениям может быть определено исходное состояние развития отдельных тюркских языков и разработана методическая база для написания их истории. Классификация тюркских языков тоже может быть успешно осуществлена лишь на сравнительно-исторической основе: разработки в этой области выявят самый материал, подлежащий классификации, и позволят определить строго обязательные научные критерии ее.

Подготовительным этапом к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков явилась сравнительно-описательная грамматика современных тюркских языков («Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I—IV, М., 1955, 1956, 1961, 1962), в которой теоретически обобщен богатый фактический материал, собранный в послеоктябрьский период в тюркоязычных республиках и областях, и предложена новая система его обработки. Обобщающая монография «Сравнительная фонетика тюркских языков» (Л., 1970) имеет самостоятельное значение как систематизированный источник новейших сведений по основным разделам фонетики различных тюркских языков; в то же время в этом труде сделана попытка восстановить фонологическую систему тюркского языка-основы и проследить пути развития этой системы, то есть решить важные вопросы сравнительно-исторической фонетики тюркских языков на основе применения сравнительного, ареального и типологического методов исследования. Впервые в тюркологии осуществлен метод построения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков и прослежены основные пути развития их синтаксической структуры. Основные синтаксические единицы тюркских языков охарактеризованы также с позиций историко-типологического изучения структуры этих языков. В области морфологии готовится к изданию сравнительно-историческое описание имени и глагола в тюркских языках; в диахроническом плане исследуется состав целого ряда слово- и формообразующих аффиксов. Прочную базу сравнительно-исторической лексикологии заложили такие фундаментальные труды, как «Древнетюркский словарь» (Л., 1969) и «Этимологический словарь тюркских языков» (I, М., 1974), а также разработки в области исторического развития лексики тюркских языков в целом и их западнокыпчакской группы в частности. Все это позволяет специалистам оценивать сравнительно-исторические исследования в советской тюркологии как новую ступень в изучении тюркских языков вообще.

Несколько отстают исследования по проблеме отношений тюркских языков к другим алтайским языкам, хотя и в этой области выпущен ряд работ, в том числе сборник «Проблема общности алтайских языков» (Л., 1971), «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972) и большое количество статей, часто полемических, в периодике. Пока еще нельзя считать окончательно решенным и вопрос о том, каким образом и в какой мере при реконструкции тюркских праформ сле-

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, стр. 57.

дует учитывать материалы других алтайских языков. Тем не менее самая возможность хотя бы приблизительно реконструировать фонетический и морфологический строй тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков на основе совокупности материалов всех этих языков алтайской общности представляется весьма заманчивой уже потому, что при опоре только на данные памятников древнетюркской и средневековой письменности, диалектов и современных литературных языков трудно составить представление о раннем состоянии тюркского языка — до его распада на промежуточные звенья.

Большое число из названных выше работ во всех областях тюркского языкознания выполняется усилиями исследовательских коллективов. Книги и сборники, монографии и статьи по различным вопросам тюркского языкознания и тюркской филологии в целом, ежегодно издающиеся в СССР на русском и тюркских языках, весьма многочисленны. С учетом этого как в республиканских лингвистических учреждениях, так и в Институте языкознания Академии наук СССР создаются частные и общие библиографии и библиографические указатели, в соответствии со своим назначением охватывающие труды по тюркскому языкознанию, издаваемые в стране или в отдельной республике за тот или иной хронологический период.

В целях дальнейшей успешной разработки фундаментальных проблем советской тюркологии необходимо объединение усилий всех советских тюркологов путем координации научных исследований. Этому призван всемерно способствовать Советский Комитет тюркологов, созданный постановлением Президиума Академии наук СССР в 1973 г. при Отделении литературы и языка АН СССР. Существенную роль в выполнении этой задачи играет журнал «Советская тюркология», выходящий в Баку с 1970 г. Вместе с тем стоящие перед советской тюркологией большие и ответственные задачи настоятельно требуют их непосредственного коллективного обсуждения на представительном собрании ученых ответствующих специальностей.

Проблематика, вынесенная на Всесоюзную тюркологическую конференцию, в значительной мере отражает результаты исследований в отдельных областях советской тюркологии. Для лингвистической секции конференции — это подведение итогов развития тюркского языкознания³ и обсуждение неотложных проблем, прежде всего развертывающихся сравнительно-исторических изысканий в области фонетики и грамматики тюркских языков. В связи с этим важное место в обсуждении должны занять вопросы соотношения описательного, исторического, сравнительно-исторического и ареального, а также сравнительно-типологического языкознания, равно как и сопряженная с ними весьма актуальная для тюркского языкознания проблема метода. Уделяется внимание теоретическому осмыслению грамматики тюркских языков с позиций марксистского диалектического метода и системно-структурного подхода к языку в русле понятий и категорий диалектической логики. Предлагается пересмотреть существующее понимание увязки истории языка с историей народа-носителя, прежде всего в области развития звукового и грамматического строя языка, и подчеркивается необходимость разработки специальной методики определения внешних влияний на язык. Выдвигается предложение о комплексном применении различных собственно лингвистических и филологических методических приемов иссле-

³ Картину современного состояния тюркского языкознания в СССР проиллюстрирует приуроченная к конференции выставка республиканских и общесоюзных тюркологических изданий по лингвистике.

дования при «дальней» и «ближней» реконструкциях форм тюркского языка-основы на различных этапах его развития; ставятся на обсуждение вопросы, связанные с методикой сопоставления фактов современных тюркских языков и диалектов с соответствующими фактами древних и средневековых тюркских памятников.

В тематике Всесоюзной тюркологической конференции достаточно широко отражен возросший интерес тюркологов к проблемам ареальных исследований, что объясняется задачами, выдвигаемыми составлением «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» и получаемыми при этом теоретическими результатами. В связи с данной разработкой особенно остро встает вопрос о принятии единой транскрипции: ожидается, что общими усилиями участников конференции будет выработана унифицированная транскрипция для всех тюркских языков.

На обсуждение шести лингвистических подсекций конференции выносятся теоретически и практически важные проблемы частей речи, членов предложения, структуры словосочетаний, простого и сложного предложений; типы словарей, принципы и приемы составления этимологических словарей (межтюркского, региональных и для отдельных языков), двуязычных словарей; применение инструментальных методов в фонетике, фонологические тенденции, теория слога; вопросы совершенствования алфавитов и орфографий; орфографирование топонимов и антонимов; отдельные проблемы глоттогенеза тюркских языков в связи с этногенезом, история отдельных тюркских литературных языков и их периодизация, функционально-стилистическая дифференциация литературных языков, развитие общественных функций литературных языков; диалектология и лингвистическая география, диалектологические атласы отдельных языков и «Диалектологический атлас тюркских языков СССР», методика и практика их составления, диалектные системы тюркских языков, взаимодействие близкородственных и иносистемных языков и их диалектов и принципы исследования его результатов; роль русского языка в развитии и обогащении тюркских языков и т. д.

Творческая дискуссия позволит, опираясь на достижения, полученные при изучении тюркских языков за минувшие полвека, определить и конкретизировать наиболее важные направления развития тюркского языкознания в нашей стране.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Э. А. ГРУНИНА

РОЛЬ ГЛАГОЛОВ *e-* и *tur-* В СЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ИНДИКАТИВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

Наиболее значительную роль в развитии современного индикатива тюркских языков сыграли глаголы *e(r)-* 'быть', 'существовать' и *tur-* 'стоять', 'находиться', 'быть' (в меньшей мере другие глаголы статики *jat-* 'лежать', *jog-||jog-* 'ходить' и др.). Приобретение глаголами *e(r)-* и *tur-* функций служебных глаголов-модификаторов характеризует все тюркские языки в целом, однако относительная хронология вычленения форм этих глаголов как служебных элементов, а также условия появления на их основе аналитических форм индикатива и других наклонений не одинаковы в разных языках. Формы времени, еще сохраняющие в своей структуре следы аналитизма, указывают на то, что в их основе лежала конструкция способа действия (*Aktionsart* — сочетание деепричастия с вспомогательным глаголом) или перифрастические образования (основа времени + вспомогательный глагол). В восточнотюркских языках расширение индикатива шло в основном на базе конструкций способов действия (СД) с глаголами статики, что имело место и в тех языках, где аналитические формы индикатива возникли на базе глагола *e(r)-*. В огузских языках модель СД не получила значительного развития (ср. *-ijog*, но уже *-makta*). В известной степени это компенсируется развитием системы перифрастических форм с глаголом *olmak* 'быть', 'становиться', которые имеют не только модальную специфику, как это отмечается для значительного числа конструкций с *bol-* в других языках.

В древнетюркских памятниках глагол *eg-* в конструкциях СД (с деепричастиями *-a*, *-u*, *-u* и *-ip*) отмечен мало¹. В указанной функции *eg-* сохранился в современном якутском языке. Вопрос о первичном или вторичном характере основы *eg-*, как известно, по-разному толкуется в тюркологии². Следует заметить, что в пользу точки зрения о первичности *e-*, очевидно, говорит существование модальных частиц от этой основы в ряде тюркских языков Сибири, где глагол *e(r)-* не вошел в своих грамматикализованных формах в систему индикатива, то есть там, где функциональное разделение *e(r)-* и *tur-* произошло в весьма раннюю эпоху. Ср. шор. *эбэзе* 'или', 'а то', правда, при наличии вариантов *этпезе* ~ *элебэзе*, в которых, возможно, отразились другие модификации основы *e-*³;

¹ A. von Gabain. *Altürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, § 248.

² Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973, стр. 166; см. также: О. П. Суник. О глаголах «быть» и «стать» в алтайских языках. — В сб. «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 393.

³ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 249.

тувин. частицы *ийин* (она же в составе *ыйнаан* 'видимо', 'вероятно') и *ийик*⁴. Однако среди модальных частиц здесь есть и производные от ег-: *иргин* в значении *ийин* и *эртик*, параллельное *ийик* в сослагательных конструкциях -р *ийик||эртик*, что может свидетельствовать о разной относительной хронологии указанных образований. Основа ег- возрождала возможности е- как глагола СД. Позднейшая контаминация е- и ег- обуславливала параллельное сосуществование форм от обеих основ, что могло иметь место на протяжении всего периода существования ег- как самостоятельного глагола. Параллельное употребление обеих основ подтверждается памятниками, отразившими устную речь (ср. *erdi* ~ *edi*, *erse* ~ *ese* в *Codex Sumanicus* (СС)⁵, *edi* и *edir* в армяно-половецких документах, где преобладает все же форма *edi*⁶; только форма *edi* отмечена у Абу-Хайяна и др.). Устойчивое сохранение основы ег- в древнетюркских памятниках, а затем в среднеазиатском тюрки следует рассматривать, с одной стороны, как проявление письменной традиции; с другой — причину разной степени сохранения е- и ег- следует видеть и в возможном ареальном распределении двух основ (так, в анатолийских памятниках XIII—XIV вв. в противоположность среднеазиатским памятникам той же эпохи нет и следов ег-, что лишний раз говорит об ограниченном проявлении в этом литературном языке влияния восточно-тюркской письменной традиции).

Расширение категории наклонения — времени могло осуществляться на основе всех простых форм вспомогательного глагола, создававших свои подсистемы. Реализация этой возможности и превращение модели сказуемого в грамматический подкласс зависели от сохранения простой формы (подсистема с *edi* в большинстве языков оказалась устойчивой в силу устойчивости -di), а также от относительной устойчивости семантического потенциала основной формы (ср., например, колебания в семантическом потенциале презентно-футуральных форм, в зоне которых и происходило более подвижное обновление и расширение системы индикатива).

Древнетюркская система аналитических форм индикатива, зафиксированная в памятниках, будучи уже организованной по темпоральному признаку, сохраняла следы перифразы: глагол-модификатор был представлен почти всеми простыми формами, хотя и не одинаково по отдельным группам памятников.

Глагол ег- еще в памятниках средневековья сохранял положение самостоятельного глагола: ср. употребление типа *peñün ajtur erdiniz anı kim qımaz ermiştiniz*⁷ 'зачем вы говорите о том, чего вы не делали'. Указанное положение сохранялось и в турецком языке, о чем свидетельствует замечание Ф. Менинского о наличии форм *imiş idüm||imişdüm*, правда, с указанием на очень редкое употребление этой формы и ее замену сочетаниями с глаголом *ol*⁸.

Перифрастическое «прошлое» аналитических форм с *erdi* в древнетюркских памятниках проявлялось в ряде их особенностей. Так, *erdi* сохраняло имперфективность, свойственную форме -di (немаркированное проявление признака в этой форме). Поэтому, например, в сочета-

⁴ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 433.

⁵ A. von Gabain. Das Kommanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I. Wiesbaden, 1959, стр. 68.

⁶ Т. И. Грунин. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, стр. 366.

⁷ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тефсира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 79.

⁸ Francisci à Mesgnien Meninski. Institutiones linguae turcicae cum rudimentis parallelis linguarum Arabicae & Persicae. T. I, II M DCCLYI, 122.

нии *-di erdi* служебный элемент *erdi* выполнял функции: 1) имперфективации и 2) связи двух действий в пределах больше, чем предложение, причем в отношении к признаку последовательности *-di erdi* не обязательно передавал только предшествование, но и одновременность. Ср. *Meni aşnu ol qoldi erdi ezel, anın men qolur boldım emdi tükäl* (QB) 'Сначала он желал меня всегда, теперь же я постоянно стал желать его всецело'⁹; ср. в более поздних памятниках: *Sulejman ol taxt üzä olturdi. Ol tenizgä baqar erdi. Tenizdin bir baliq baş kötärdi erdi* (Рабгузи) 'Сулейман воссел на тот трон. Он глядел на море. Из моря какая-то рыба поднимала голову'¹⁰.

Следы происхождения аналитических форм из перифрастических конструкций проявлялись и в том, что, например, в *-ur erdi* выступали преимущественно основы с неопределенным значением, а в *-miş erdi* — с предельным значением. Внутри аналитических форм с *erdi*, имевших тем самым общий темпоральный признак, простая система восстанавливалась не столько как связанная отношениями следования, сколько — аспекта и модальности: *-ur: -di* (курсивность): *-miş* (стативность), *taşu* (потенциальность). Насколько можно судить по памятникам, аналитические формы с *erdi* были слабо представлены в диалогической речи, то есть подсистема аналитических форм еще была замкнута в себе (тем самым в сфере повествования) и в основном выполняла функцию отношения к ретроспективной оси (пример, который мог бы опровергнуть эту мысль, как нам кажется, должен быть переведен иначе: *ben ebğärgü tüşäyin, — tidi. Qatun joq bolmus erti, anı joylatajın, tidi* (Тон, 30—31) 'У него тогда умерла жена, и он сказал: я отправляюсь домой, чтобы ее оплакать'. У С. Е. Малова *joq bolmus erti* включены в прямую речь: 'Я отправляюсь домой, — сказал он. — У меня умерла жена, и я хочу ее оплакать'¹¹.

Функция «рельефа повествования», столь характерная для аналитических форм в письменном языке с развитой письменной традицией, в языке рунических памятников была представлена еще недостаточно: эту функцию в значительной степени осуществляли простые формы. Недостаточное развитие описательных форм индикатива компенсировалось широтой функционирования деепричастий, особенно *-a, -u, -ı* и *-ur/-yban*.

Существует еще одна возможность образования аналитических глагольных конструкций на основе личной глагольной формы и формы служебного глагола, вычленившейся из парадигмы и превратившейся в модальное слово||частицу. Входя в парадигматику сказуемого, эти конструкции могут создать свою подсистему форм или оказаться вовлеченными в парадигму другой категории. Модальные частицы глагольного происхождения в тюркских языках обычно появляются на базе грамматикализации глагола-модификатора в сказуемой функции. Модальные частицы отражают разные хронологические пласты в существовании личных форм глагола. Их функции обычно связаны с семантическим потенциалом исходного члена парадигмы. Однако, оторвавшись от парадигмы, модальная частица обнаруживает и иные закономерности: она реализует модальные потенции формы, которые могут оставаться невыявленными в парадигме. Например, в модальной части-

⁹ Д. М. Насилов. К вопросу о перифрастических формах в древнетюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 94.

¹⁰ Д. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 89.

¹¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 68.

це *-duq*, отмеченной в некоторых современных уйгурских диалектах, в памятниках среднеазиатского ареала [ср. пример из среднеазиатского Тефсира *bustan bizim ermez ermişdüq* (Боровков, стр. 79) 'сад не был нашим, оказывается'], значение адмиратива и инференциальности выявляют функции формы *-duq*, не выявленные (или не зафиксированные) исторически. Частицы перфектно-презентные по своему происхождению реализуют значения усилительности, предположительности, адмиратива, инференциальности; частицы, вышедшие из презентно-футуральных форм, развивают модальные значения потенциальности, необходимости, предположительности и др. Развертывание семантического потенциала частицы различно по различным языкам и зависит от наличия других средств выражения указанных значений, а также определяется сочетаемостью с определенным типом основ.

Анализ модальных частиц глагольного происхождения, очевидно, может служить одним из приемов в реконструкции более раннего состояния системы личных форм и не зафиксированных в истории возможностей глаголов-модификаторов. Древнетюркские памятники дают такой материал (например, частицы *eripñ*, *erki*, *erikli*, *erken* и др.), который неоднократно привлекал внимание исследователей. Например, в древнетюркском форма *-ipñ* выступает как продуктивная словообразовательная модель глагольного имени с медиопассивным значением, связанная с кругом глаголов определенной семантики. Отмечается еще модальное слово *ipñ* 'возможно' и достаточно широко представлена модальная частица *eripñ*, которая выступает со значением усиления, подтверждения, фиксации продолженного состояния, как кажется, вне его темпоральной отнесенности. Можно согласиться с теми исследователями¹², которые подвергают сомнению значения предположительности и дубитативности, выделяемые обычно издателями рунических памятников. Функция усилительной частицы была связана со значением «продолженного состояния» в этом предикативном имени, а функция дубитативной частицы, которая отмечена в *eripñ*, но уже в более близкое для нас время (в значении 'вероятно', 'очевидно' ее зафиксировал Махмуд Кашгарский), — со значением потенциальности выявления данного состояния. Это позволяет предполагать в *-ipñ* один из элементов дотемпоральной системы предикативных имен в тюркских языках, реконструкция которых составляет задачу сравнительно-исторической тюркологии. Близкую картину, думается, дает и модальная частица *-tir/-dir* (с фонетическими вариантами, отмеченная в большинстве тюркских языков), связанная с древним тюркским аористом¹³. Функция этой частицы, выступающей как глагольная связка и как образование чисто модального характера со значениями усилительности, предположительности, адмиратива и даже инференциальности (пересказывательности, например, в тувинском языке) трудно выводима из значения исторически засвидетельствованного элемента темпоральной системы — презенса ~ аориста *-ur*. Семантический потенциал этой частицы заставлял предположить в ее основе древние перфектно-презентные образования (типа **tur*, **er* и др.)¹⁴, связанные с глаголами определенной семантики. Возможно, рефлекс этого явления наблюдается в современном перфекте от глаголов «стоять», «сидеть», «лежать», «ходить», в которых на базе их перфективного состояния воз-

¹² Д. М. Насилов. К вопросу о модальных словах *äripñ*, *ärki* и *ärkän* в древнетюркских языках. — «Труды Самаркандского государственного университета». Новая серия, вып. 102. Самарканд, 1960, стр. 129.

¹³ Johannes Benzing. Aorist im Türkischen. UJB, XXI/1. 3—4, 1952.

¹⁴ В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 279.

родилось значение презенса [ср. в узбекском *ётибман* 'я лежу' (продолжаю лежать), *турибман* 'стою' и т. д.]¹⁵. Высказанное предположение о возникновении частицы *-tir* < *-tur* должно привести к выводу о том, что развитие в глаголе *tur*- значений «быть», «существовать» и приобретение им функций служебного глагола не столь уж новое явление. Небольшое число осколочных форм от этого глагола, очевидно, связано с повсеместным сохранением им положения самостоятельной лексической единицы, а также той большой ролью, которую этот глагол сыграл в конструкциях способа действия, особенно в восточнотюркском ареале. Значение *edi* в ряде языков Сибири как связки настоящего времени (ср. в алтайском языке *Бу журтта кем уредучи эди? — Бу уредучи мен эдим* 'Кто учитель в этом поселке? — Я учитель в этом поселке')¹⁶, по-видимому, может свидетельствовать о том, что возникновение глагольной связки могло происходить еще до сложения собственно темпорализованной системы личных форм глагола.

Участие глагола *tur*- в конструкциях СД — общетюркское явление, хотя в юго-западных языках оно оказалось ограниченным. Активная роль глагола *tur*- в конструкциях СД в восточнотюркском ареале привела к позднейшей контаминации форм первичного образования с более поздними, возникшими уже как темпоральные образования (презенса ~ аориста). Примером такой контаминации могут служить случаи параллельного употребления в памятниках средневековья форм *tur* ~ *turur*, *dur* ~ *durur* как в функции связки, так и в составе форм перфекта *-miş* и *-urtur*.

Перфект *-urtur* вряд ли следует считать поздним образованием¹⁷, хотя в этом качестве он все же не являлся общетюркской формой¹⁸, учитывая границы современного распространения этой формы (ее нет на северо-западной и юго-западной периферии территории распространения тюркских языков), а также ее положение субъективного перфекта, семантический потенциал которого говорит о более длительной эволюции по сравнению с другой перфектной формой *-qap*, обычно соотносимой с нею как Перфект II¹⁹. Центром ее распространения был ареал, в котором основную роль в сложении индикатива (его аналитических форм) сыграл глагол *tur*-. Очевидно, что отсутствие этой формы в языке древнетюркских памятников следует объяснять диалектной основой этого койне, а материал среднеазиатских памятников XII—XIV вв. рассматривать с поправкой на то, что они отражали как нормы старого литературного языка, так и нормы устного койне, которые и принесли уже сложившуюся форму перфекта *-urtur*, выступавшую в памятниках XIII—XIV вв. еще параллельно с перфектом *-miş*. В среднеазиатских и анатолийских памятниках этого периода *turur* ~ *durur* в формах перфекта следует рассматривать как выражение вторичной перфективации, что особенно явно проявилось в *-miş*. В принципе все параллельные варианты *-miş* и *-miş turur*, например, в Тефсире, значимы (различаются функции субъективного перфекта — Перфекта I и Перфекта II). Таким образом, показатель *turur* ~ *durur*, возникший в результате грамматикализации временной формы, выступая вариантом

¹⁵ А. А. Коклянова. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963, стр. 13.

¹⁶ Е. Н. Чунжекова. Простое предложение в алтайском языке. Канд. дисс. М., 1972, стр. 29—30.

¹⁷ А. von Gabain. Указ. раб., стр. 67.

¹⁸ И. В. Кормушин. Категория времени в алтайских языках (рукопись).

¹⁹ Э. А. Грунина. Формы перфекта в тюркских языках юго-западной группы. — «Вестник МГУ. Востоковедение», 1974, № 2.

более раннего форманта — связки модальной частицы *tur ~ dur*, еще сохраняя свои связи с временной парадигмой в силу активного функционирования в конструкции СД. Показатель *turur* как связка еще мог сохранять свое противопоставление не *erdi*, а *turur erdi* [Ср. *ewine bardī qajūluṭ turur erdi* 'пошел он в свой дом и был опечален' (Боровков, Тефсир, 221). Ср. также *fir'avn wazirlarinqa ajdī bu iki jawlaq žadular turur ermišlār* (там же, стр. 131) 'фараон сказал своим визирям: эти двое сильные чародеи, оказывается'].

Сохранение в одном синхронном срезе форм глагола-модификатора различной хронологии и разной степени грамматикализации подтверждается материалами современных языков. Например, в современном тувинском языке в системе индикатива отмечены разные ступени грамматикализации конструкции СД: *tur-*, превратившийся в аффикс, подчиняющийся закономерностям сингармонизма, отмечен в перфекте *-ыптыр* и настоящем заглазном *-а-дыр*; связь с СД еще прослеживается в форме настоящего актуального *-ып тур* (типа *ап тур мен* 'я беру') и настоящего общего *-ып турар*.

В огузских языках тенденция использования конструкций с глаголом *tur-* как резерв имперфективных форм не реализовалась, и перфект *-ыптур* следует рассматривать как кыпчакское напластование.

В анатолийских памятниках XIII—XIV вв. показатель *-miš durur* отмечен лишь в 3-м лице, ибо перфект *-miš* здесь отражал восточно-огузскую линию его развития (соединение в одной форме свойств Перфекта I и Перфекта II, что характерно для северо-западных кыпчакских языков с одним перфектом *-гап* типа кумыкского). В западноогузском, тем самым и в памятниках среднего периода (XV—XVII вв.), отразилась иная тенденция — к специализации *-miš* как формы субъективного перфекта, что привело к возникновению, для передачи функций Перфекта II, аналитической конструкции: *miš* + модальная частица *-dir < -dur*. В перфекте частица *-dir* реализовывала два свои значения: стативации и предположительности. Значения адмиратива и инференциальности не нашли выражения, так как в огузских языках существовала подсистема с формантом *imiš*, содержащая указанные значения. Та же модальная частица *-dur* в тувинском языке реализует и значения адмиратива и инференциальности (*келген-дир* 'оказывается, он пришел' || 'говорят, он пришел'; *келир дир* 'оказывается, он придет' и т. д.²⁰).

Аналитические конструкции типа турецкого *-miştir* возникают в силу определенных сдвигов в семантическом потенциале отдельных звеньев системы личных форм. Новое образование выступает сначала как вариант одной из реализаций старого элемента. Возникновение в процессе такого функционирования новых соотношений в системе личных форм позволяет говорить о новом члене парадигмы. Поскольку служебный элемент аналитической конструкции сохраняет в ее составе свою многозначность, она выступает функционально неоднородной. Так, например, *-miştir*, с одной стороны, втягивается в систему индикатива как форма, передающая действительный факт и связанная с другими членами системы релевантными для нее признаками — времени и аспекта; с другой стороны, *-miştir* выявляет и значение субъективной модальности — предположительной достоверности, которое, по-видимому, является экспликацией релевантного в системе простых форм признака включенности/невключенности говорящего в событие.

²⁰ Д. А. Монгуш. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963, стр. 110.

Указанные процессы исторически имели место и в случае аналитических конструкций с *idi* и *imiš*. С одной стороны, они тяготели к простым формам индикатива, создавая систему, построенную на темпорально-аспектуальных признаках, с другой стороны, стремились выйти за пределы породившей их системы, организуя на основе своего модального значения особые системы форм, стоящие над наклоном и традиционно выделяемые в тюркологии как соответствующие «модальности». В указанный процесс вовлечены в ряде языков и конструкции с модальной частицей *-dir*. По свидетельству турецких исследователей, в современном турецком языке наблюдается тенденция вовлечения в модель *основа времени + dir* ряда простых форм, то есть здесь можно говорить о становлении новой подсистемы субъективной модальности, в которую, кроме основ *-miš* и *-ijog*, представленных наиболее частотно, вовлекаются также и *-ig*, *-ežek*, *-meli*²¹.

²¹ Muharrem Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, стр. 313.

Л. Т. МАХМУТОВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В МИШАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Мишарский диалект — один из двух основных диалектов, сыгравших важную роль в формировании и развитии татарского литературного языка, относится к кыпчакской группе тюркских языков. Вместе с тем в нем имеется и ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей, присущих языкам огузской группы. Однако в системе времен огузские элементы занимают весьма незначительное место.

Мишарский диалект характеризуется наличием трех простых (прошедшего категорического, прошедших-настоящих или результативных I и II) и четырех сложных (прошедших незаконченных I и II, преждепрошедших I и II) форм прошедшего времени. Формы прошедшего-настоящего или результативного II и преждепрошедшего II в литературном языке не употребляются и являются диалектными. В то же время в мишарском диалекте отсутствуют некоторые формы времен (прошедшего незаконченного на *-ыр иде*, будущего-прошедшего на *-ачак иде*), значения которых передаются в нем с помощью иных средств или форм. Заметим также, что формы времен, общие для мишарского диалекта и литературного языка, не всегда совпадают по объему своих значений и употреблению.

В настоящей статье дается краткое описание форм прошедшего времени в мишарском диалекте, как правило, без привлечения сравнительного материала и этимологического анализа. Подробный анализ этих форм сделан в ряде тюркологических исследований и прежде всего в фундаментальных трудах А. Н. Кононова «Грамматика современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956) и «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.—Л., 1960).

ПРОСТЫЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Прошедшее категорическое время. Прошедшее категорическое время в мишарском диалекте образуется по общей для тюркских языков схеме: путем присоединения к основе глагола аффикса *-ды/-де¹* + аффиксы сказуемости II группы²: *бар-ды-м, бар-ды-ң, бар-ды* и т. д.

¹ Всюду приводится только звонкий вариант аффиксов.

² Условно к аффиксам сказуемости I группы относим: *-мын/-мен, -м; -сың/-сең, -сын/-сен; -; -быз/-без; -сыз/-сез; -лар/-лар*; к аффиксам сказуемости II группы: *-м, -ң, -; -к, -гыз/-гез, -лар/-лар*.

Отрицательная форма: *бар-ма-ды-м, бар-ма-ды-ң* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-ды-м-мы? бар-ды-ң-мы?* и т. д.

Прошедшее категорическое время обозначает действие достоверное, неоднократно и очевидное, происшедшее, как правило, незадолго до момента речи или в недалеком прошлом. Оно может обозначать также действие, происшедшее в сравнительно отдаленном прошлом, участником или очевидцем которого был говорящий. *Базарга кердек ызбасын*³ 'Зашли, чтобы посмотреть избу его'. *Йыртка кергездем машинамы* 'Машину свою я поставил во дворе'. *Аңгармадым, ни сүләдең* 'Не поняла, о чем ты говорила'.

Рассматриваемая форма прошедшего времени в мишарском диалекте может употребляться в значении других форм прошедшего времени.

а) Вместо прошедшего-настоящего I на *-ган* — при описании давно минувших событий, очевидцем которых рассказчик никак не мог быть. Например: *Иван Грузный Казанны алды, татарларны чугындырды...* 'Иван Грозный захватил Казань, крестил татар'...

Это происходит, видимо, потому, что рассказчик воспринимает описываемые им события как достоверные. Однако такое употребление формы прошедшего категорического времени является более или менее типичным только для говора населения, проживающего на территории по течению реки Цны.

Форма на *-ды* в сочетании с модальными словами, выражающими предположение (*ах'р'ы/ах'р'ысы, күрәсең/күрәсен* и др.), также передает значение прошедшего-настоящего I на *-ган*. *Күршегә кереп чыктым, шонда киттеләр күрәсең* 'Заходила к соседке, они, видимо, в тот момент и ушли'. *Чиләгемә З'агук алды ах'р'ысы* 'Ведро мое взяла, видимо, Загида'.

б) Иногда употребляется в значении прошедшего незаконченного I на *-а иде*. *Ник булмый ничә сәәт, дәресләрен бетерминчә йатмады* 'Сколько бы времени (букв.: часов) ни было, пока не сделает уроки, не ложилась, бывало'.

в) В значении настоящего времени, с оттенком категоричности, незамедлительности действия. Это особенно характерно для I-го лица как единственного, так и множественного числа. *Ад'а, киттек* 'Давай, пошли!'. *Без киттек* 'Мы пошли'. *Киттем, сау бул!* 'Я пошла, до свидания'. *Алдыкмы?* 'Взяли?' (в значении: 'берем?').

Поскольку аналогичное явление имеет место и в русском разговорном языке, перевод дается нами также в форме прошедшего времени.

г) Служит для выражения категорического отказа, несогласия совершить какое-либо действие. При этом все высказывание получает иронический оттенок или выражает возмущение, презрение. *Бирдем, көтөнтөр!* 'Отдам, как бы не так!' (в значении: 'не отдам, не жди!'). *Калдырдык ти!* 'Оставили, как бы не так!' (в значении: 'не оставим!').

В мишарских говорах сохранилось сочетание формы на *-ды/-де+йук* (*бардым йук*) со значением будущего категорического времени в отрицательном аспекте (литер. *Һичбер вакытта бармаячакмын* или *барачак тугелмен*), то есть в значении 'никогда, ни при каких обстоятельствах не совершать или не повторять данного действия':

³ Примеры даны в принятой в татарской диалектологии упрощенной транскрипции. Знаки *о-ө, ы-е* обозначают специфичные для поволжско-тюркского вокализма типы гласных фонем: *ә=ä, ү=ü; к, г, х, ң* в соседстве с гласными заднего ряда обозначают заднеязычные, в соседстве с гласными переднего ряда — среднеязычные согласные.

бардым йук
бардың йук
барды йук

бардык йук
бардыгыз йук
бардылар йук

3-е лицо единственного числа может употребляться также безотносительно к определенному лицу или же в значении 1-го лица единственного и множественного числа: *алды йук* — 1) 'никогда не возьмет'; 2) 'никогда не будет взято' (точнее: 'никогда не будет взятия'); 3) 'никогда не возьму (не возьмем)'. *Кизләүгә хазер бер машина да бармий, джаңгыр, джук инде, хазер барды джук!* 'Сейчас к роднику ни одна машина не пойдет, дождь, нет уж, теперь ни в коем случае не поедem!'. *Мыннан сың сезгә айка бастым йук инде* 'После этого уж к вам (никогда) шага не шагну!'

Форма прошедшего категорического времени в сочетании с модальным словом *бар* (*бардым бар*) в мишарском диалекте не употребляется.

Прошедшее-настоящее или результативное время. В мишарском диалекте представлены две формы прошедшего-настоящего или результативного времени: а) форма, в основе которой лежит причастие на *-ган*, и б) форма, в основе которой лежит деепричастие на *-ып*.

Первая из них характерна для кыпчакских языков, вторая же встречается в языках, относящихся к различным группам (казахском, киргизском, карачаево-балкарском, узбекском, новоуйгурском, туркменском, азербайджанском, тувинском, якутском, языке желтых уйгуров)⁴. Как видим, ареал этой формы времени широк, но большинство из перечисленных языков являются либо кыпчакскими, либо в известной степени кыпчакизированными.

Прошедшее-настоящее или результативное время I. В тюркологических исследованиях это прошедшее время называется по-разному: перфективное, неочевидное, результативное и т. д., каждое из которых отражает одно из значений данной формы.

В традиционных мишарских говорах это время широко известно, но выступает не всегда одинаково активно. В некоторых *ч-окающих* и *ц-окающих* говорах в 1—2 лицах обоих чисел употребляется форма прошедшего-настоящего или результативного II. И только в 3-м лице обоих чисел прошедшее-настоящее I занимает в диалекте монопольное положение. Образуется оно путем присоединения к основе глагола аффикса *-ган/-гән* + аффиксы сказуемости I группы: *бар-ган-мын, бар-ган-сын/бар-ган-сың, бар-ма-ган* и т. д.

В отличие от настоящего времени в 1-м лице единственного числа прошедшего-настоящего времени присоединяется только полный вариант аффикса сказуемости.

Отрицательная форма: *бар-ма-ган-мын, бар-ма-ган-сын/бар-ма-ган-сың, бар-ма-ган* и т. д.

Для выражения категорического отрицания служит сочетание *-ган йук*⁵. Например: *барганым йук||мин барганым йук||минем (минең) барганым йук||минем (минең) барган йук* 'я (ни разу, никогда) не ходил'.

⁴ «Языки народов СССР», т. II. — «Тюркские языки». М., 1966.

⁵ Ср. то же самое, например, в узбекском (А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 217), в новоуйгурском (Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 95), саларском (Э. Р. Тенишев. Саларский язык, 1963, стр. 34) и других языках.

Следует заметить, что сочетание *-ган бар* употребляется в значении, противоположном *-ган йук*.

Вопросительная форма: *бар-ган-мын-мы? бар-ган-сын-мы?/бар-ган-сың-мы? бар-ган-мы?* и т. д.

Прошедшее-настоящее время I в мишарском диалекте имеет ряд значений. Основные из них следующие:

1) Результат или следствие прошедшего действия в настоящем. *Син, килен, белми калгансын* 'Ты, невестка, осталась в неведении'. *Утын алып кат'каннар урманнан* 'Дрова привезли из леса'.

2) Действие, происшедшее в прошлом незаметно для говорящего, без его ведома, в его отсутствие или забытое им и т. д.; говорящий судит о действии по его результату или последствию. Это значение очень близко к первому и вне контекста их трудно дифференцировать. *Багасын шындыйгына, багасын йери да киткэн* 'Смотришь — такусенький, смотришь — уже стал ходить'. *Бак, без сүләгәннәрне ул йазган* 'Смотри, то, что мы рассказывали, она, оказывается, записала'. *Дзыкыга киткәнмен* 'Я, оказывается, заснула'.

3) Действие, о котором говорящий рассказывает со слов других. *Күркәм кыз булган, картайгачтан да күркәле иде* 'Говорят, что она была красивой девушкой, да и в старости она была красива'. *Зөлфияң чаклы булганмын мин* 'Я, говорят, была с Зульфией'.

4) Обозначает действие, являвшееся в прошлом обычным, постоянным, характерным для определенного круга лиц. Глагол стоит в 3-м лице единственного числа. В этом значении рассматриваемая форма синонимична прошедшему незаконченному времени на *-а иде*. *Эшләгән туйгыныч, аннан ашаган-эчкән дә йыклаган* 'Обычно работали, бывало, до усталости, потом ели-пили и спали'. *Бәбәкләрне катырып утырган тугып* 'Сидели, бывало, ткали до изнеможения' (букв.: до затвердения глаз — о женщинах в старину).

5) Обозначая действие достоверное, происходившее в неопределенном или далеком прошлом при участии или в присутствии говорящего, употребляется в значении прошедшего категорического времени. *Без инде күп йерләрдә булганбыз, күпне күргәнбез* 'Мы уж во многих местах побывали, многое видели'.

В указанном значении форма прошедшего-настоящего времени I широко распространена во всех мишарских говорах, но наиболее активно — в дрожжановском⁶ и частично в чистопольском. Очень активна эта форма в говоре татар северо-восточной Башкирии⁷.

В рассматриваемом значении прошедшее-настоящее I весьма близко к прошедшему категорическому времени, но все же не совпадает с ним полностью, так как для первой формы «центральным моментом является не само действие, а его следствие или результат»⁸, характеризующие состояние субъекта действия в данный момент. Эта особенность прошедшего-настоящего времени I наиболее ярко проявляется при употреблении его без аффикса сказуемости. Ср.: *мин йокламадым* 'я не спал' и *мин йокламаган* 'я не спал (букв.: я тот, который не спал, я не спавший)'. *Мин утыра-утыра арыган* 'От долгого сиденья я устала'. *Аның тегесен мин күптән укып чыккан инде* 'Ту из них я уже давно прочитала' (букв.: 'я тот, который давно уже прочитал', 'я давно уже прочитавший').

⁶ И в соседних с дрожжановским нагорных говорах среднего диалекта, особенно в нурлат-кайбицком и в говоре подберезинских крышен.

⁷ По материалам экспедиций Т. Х. Хайрутдиновой.

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 110.

Прошедшее-настоящее время I без аффикса сказуемости встречается повсеместно в мишарском диалекте, но особенно широко распространено в ц-окающих (дрожжановском и чистопольском) его говорах⁹.

6) Передает значение предположения, сомнения, неуверенности и т. д. (Анарга) *йез сигзәннарне биргәнбез* 'Мы ему, наверное, около ста восьмидесяти (рублей) дали'. *Кылупны кургәнсез инде* 'Вы уже видели, наверное, клуб'. *Син инде ашагансын?* 'Ты уже ел, наверное?'

7) Изредка выражает значение неожиданности действия. *Бервакыт урныда идем, хал'сез идем, кергән* 'Однажды была в постели, нездоровилось мне, (неожиданно) вошла она'.

Прошедшее-настоящее или результативное время II. Прошедшее-настоящее или результативное время II образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-ып/-еп, -п* + аффиксы сказуемости I группы. Эта форма прошедшего времени употребляется в мишарских говорах только в 1—2 лицах обоих чисел. В 3-м лице она не сохранилась и заменена формой прошедшего-настоящего времени I на *-ган*. Ср.: *бар-ып-мын, бар-ып-сын/бар-ып-сың, барган, бар-ып-быз, бар-ып-сыз, барган-нар*.

Отрицательная форма: *бар-ма-п-мын, бар-ма-п-сын, бар-ма-ган* и т. д. *Сез үдә булмапсыз икән* 'Вас, оказывается, дома не было'. *Эх, йезә беләм икән, онотмапмын* 'Эх, я, оказывается, умею плавать, не забыла'. *Йәшмәпсез бит мине* 'Не позвали ведь меня!' *Ату барыбыз килмәп куйар* 'А то все мы вдруг не придем'.

Видимо, под влиянием литературного языка проявляется все большая тенденция к вытеснению рассматриваемой формы отрицательной формой прошедшего-настоящего I: *барыпсын — бармагансын. Син алай тен буйы йыкламагансын?* 'Ты, значит, всю ночь не спала?'

Вопросительная форма: *бар-ып-мын-мы? бар-ып-сын-мы?* и т. д.

Семантика обеих форм прошедшего-настоящего времени в основном совпадает. Ср.:

1) Результат или следствие прошедшего действия в настоящем. *Ай-ай, күп йазыпсың!* 'Ай-яй, (как) много записала!'. *Син вус'ы инде глухуй булыпсың* 'Ты уж совсем, оказывается, оглохла'. *Жиде йөз грам эрләнбезд бер кен эчендә* 'За день спряли, оказывается, семьсот граммов (шерсти)'.
2) Действие, происшедшее в прошлом незаметно для говорящего, без его ведома, в его отсутствие и т. д. или забытое им; говорящий судит о нем по его результату или следствию. *Үсепсен бик зур* 'Ты, оказывается, очень выросла'. *Ызак йыклапбыз тенәген* 'Вчера мы долго спали, оказывается'. *Берсәк йаткан идем, өшөпмен* 'Немного прилегла было, (да) замерзла'. *Йөслөкләр белән бергә куйыпмын* 'Оказывается, положила вместе с полотенцами'.

3) Действие, о котором говорящий рассказывает со слов других. *Мине цакырыпсыз, мин килдем* 'Сказали, что вы меня приглашали. (вот) я пришел'. *Без мына, «Алтавил», бер вакытларда килепбезд* 'Мы вот, «Шестьдеревень» поселились, говорят, в одно время'.
4) Употребляется в значении прошедшего категорического времени на *-ды/-де*. *Безнен кардәш белән бергә укыпсыңмы?* 'Ты вместе с нашим братом училась?'. *Син монда чыккачмы бик арыклансын?* 'Ты в дороге (букв.: когда выехала сюда) похудела?'. *Бу журналны үзең укыпсыңмы сың?* 'Ты сама читала этот журнал?' *Мин аны ашапмын инде* 'Я уже съела его'.

⁹ Ср. то же самое, например, в новоуйгурском языке (см.: Э. Н. Наджип. Указ. раб.) и в языке желтых уйгуров (см.: Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 28).

5) Передает предположение, неуверенность, сомнение, приблизительность и т. д. *Йез кат барыпмын мин аларга, үзләре генә килмәделәр* 'Я, наверное, раз сто ходила к ним, (они) сами только (ни разу) не пришли'. *Утырыгыз, арыпсыс* 'Садитесь, устали, наверное'.

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

К числу сложных форм прошедшего времени в мишарском диалекте относятся: прошедшее незаконченное I, прошедшее незаконченное II, преждепрошедшее I и преждепрошедшее II.

Прошедшее незаконченное время I. Образуется от основы настоящего времени + спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде*: *бара иде-м, бара иде-ң, бара иде, бара иде-к, бара иде-гез, бара иде-ләр/оара-лар иде*.

В мишарских говорах сохранилась, кроме того, и более древняя форма, совпадающая по значению с предыдущей: *бара-дыр идем-м, бара-дыр иде-ң, бара-дыр иде, бара-дыр иде-к, бара-дыр иде-гез, бара-дыр иде-ләр*. Наблюдения показывают, что она сохранилась даже там, где форма настоящего времени на *-адыр (барадыр)* вышла из употребления.

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса отрицания к основному глаголу: *бармый(дыр) идем, бармый(дыр) идең, бармый(дыр) иде* и т. д.

Вопросительная форма образуется присоединением частицы вопроса либо к основному, либо к вспомогательному глаголам: *барамы идем?/бара идемме? барамы идең?/бара идеңме? барамы иде?/бара идеме?* и т. д.

Прошедшее незаконченное время I выражает:

а) Действие незаконченное, обычное, повторяющееся или связанное с определенным моментом, нередко уточняемым словами *элгәре, элке/элке, ул вакытта, йәж вакытта* и другими, формой на *-гандә/гәндә* и т. п. *Мени бак, ул шунда килә иде* 'Вот, смотри, он (обычно) приходил сюда'. *Камбайн'ур шакытында мактый иделәр* 'Когда был комбайнером, хвалили (его)'. *Элгәре, трассы йукта, Сиргацка бик сирәк бара идек* 'Раньше, когда не было трассы, очень редко ездили в Сергач'. *Мин кат'канда машина Камсамулга бара иде* 'Когда я возвращался, машина направлялась в Комсомольск'. *Ул безгә төрлө истур'йалар сүлидер иде*. 'Он, бывало, рассказывал нам различные истории'. *Бер кулыңа аладыр идең ыланьы, бер кулыңа — бишек...* 'В одну руку, бывало, брала ребенка, в другую — люльку (и шла жать)'.

б) Действие, состояние, ставшие постоянным свойством субъекта. *Минем дәдә биг ыста йырлый иде* 'Мой дядя очень хорошо пел'. *Зур тишмә иде, хват ага иде* '(Здесь) был большой родник, (он) очень сильно бил'.

в) Действие, обусловленное другим действием. *Артларыннан йөгорсаң, йитә идең* 'Если бы побежал вслед за ними, догнал бы'.

г) Желание совершить действие (соотв. литер. *-макчы иде*). *Бер зат ат'а идем, ад'а* 'Я что-то хотела сказать (тебе), идем'.

Прошедшее незаконченное время II. В *ц-окающих* говорах, хотя и значительно реже, употребляется широко распространенная в среднем диалекте и литературном языке другая форма прошедшего незаконченного времени на *-а торган иде*.

В мишарских говорах так же, как и в литературном языке¹⁰, эти две формы семантически друг от друга не отличаются. *Картлар сүли*

¹⁰ Ср.: «Современный татарский литературный язык. Лексика, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 222—224, 230—232.

торган иде 'Старики, бывало, рассказывали'. Көч дэ алар бик иртә тәһра тоһрганнар иде 'Они обычно каждый день очень рано вставали'¹¹.

Преждепрошедшее время I. Форма преждепрошедшего времени I образуется от основы прошедшего-настоящего времени I+спрягаемая форма вспомогательного глагола иде: *барган иде-м, барган иде-ң, барган иде...* и т. д., *барган иде-ләр/барган-нар иде*.

Для выражения категорического отрицания служит сочетание *-ган йук иде* (ср. с *-ган йук*). Например: *барганым йук иде/мин барганым йук иде/минем (миңең) барганым йук иде/минем (миңең) барган йук иде* 'я (ни разу, никогда) не ходил (до этого)'¹².

Вопросительная форма: *бар-ган иде-ме?/бар-ган-мы иде? бар-ган идең-ме?/бар-ган-мы идең? бар-ган иде-ме?/бар-ган-мы иде?* и т. д.

Преждепрошедшее время I выражает нижеследующие значения.

а) Действие однократное, достоверное, совершившееся в неопределенном прошлом, которое, однако, нередко конкретизируется специальными словами или общим контекстом. *Каан кат'асын? — Фирмыга барган иде* 'Откуда возвращаешься? — Ходила на ферму'. *Өчөнчө көн дэ кансәләргә барушышлы сезгә кәргән идем* 'И третьего дня по пути (букв.: идя) в канцелярию заходила (букв.: зашла) к вам'. *Белмим Узинны, бер тирмәнгә барган идем* 'Узени не знаю, однажды (только) я ездил (туда) на мельницу'.

б) Действие, предшествующее другому действию. *Малайым киткинчә алган идек каражатны* '(Эту) кровать мы купили (еще) до отъезда моего сына'. *Кукуруз чәккинчә чыккан иде эшкә* 'Вышел на работу (еще) до посева кукурузы'.

Преждепрошедшее время II. Форма преждепрошедшего времени II представляет собой сочетание формы прошедшего категорического времени+иде; аффиксы сказуемости присоединяются к основному глаголу: *бар-дым иде, бар-дың иде, бар-ды иде* и т. д.

Отрицательная форма: *бар-ма-дым иде, бар-ма-дың иде, бар-ма-ды иде* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-дым иде-ме? бар-дың иде-ме? бар-ды иде-ме?* и т. д.

Преждепрошедшее время II выражает следующие основные значения.

а) Действие однократное, достоверное, совершившееся в неопределенном прошлом. *Алар мында эшләделәр иде* 'Они здесь работали'. *Син кидең идеме Рузанның ыркачасын?* 'Ты надевала (букв.: надела) рукавицы своей Розы?' *Малайдан күңертәп йаздырдым иде* 'Заставил сына переписать'.

Время совершения действия нередко уточняется специально для этого введенными словами или общим контекстом. *Кызым киткән йылны килде иде* 'В год отъезда моей дочери он вернулся'. *Атай-кәбәй, килгәндә йүгешләндәк иде* 'Батюшки мои, когда возвращались, промокли'.

¹¹ В говорах среднего диалекта и реже в литературном языке значение, близкое к значению прошедшего незаконченного времени, передается также сочетанием на *-ыр иде*: *бар-ыр идем, бар-ыр идең, бар-ыр иде* и т. д.

В мишарском диалекте оно выражает: а) действие, обусловленное другим действием: *Ыланым сырхау булмаса, барыр идем* 'Если бы ребенок мой не был больным, я пошла бы (в гости)'. *Кыстама, йараса, ашар иде* 'Не угощай (настоячиво), если бы можно было, ел бы'; б) желание: *Ышкулга барыр идем* 'Хотела бы пойти в школу, пойти бы мне в школу'. *Ачыны ашар идем* 'Хотела бы поесть (чего-нибудь) кислого, поесть бы мне (чего-нибудь) кислого'. Таким образом, в мишарском диалекте форма на *-ыр иде* должна рассматриваться вне системы изъявительного наклонения.

¹² Сочетание *-ган бар иде* употребляется в значении, противоположном *-ган йук иде*.

б) Действие, предшествующее другому действию (редко). *Тәһә сүләшергә тотондык иде, бутаб бетерде* 'Вчера начали, было, разговаривать, все перепутал'.

Как видно из приведенных примеров, преждепрошедшее время II в двух основных своих значениях синонимично преждепрошедшему времени I. В этих значениях оно зафиксировано в *ц*-окающих говорах мишарского диалекта¹³.

в) Может выражать действие, обусловленное другим действием, совпадая по значению с прошедшим незаконченным временем I на *-а иде* и с формой на *-ыр иде* (ср. с литер. *-ган булыр иде*). *Пирвый балам торса, сикездә булд(ы) иде инде* 'Если бы был жив мой первенец, (ему) было бы уже восемь лет'. *Без шол (şol) тагы тиз життек иде, анда тордок* 'Мы бы еще быстрее доехали, (да) там задержались'. *Нәк сың әтмәдең, ңәй куйып ңыңтым иде* 'Почему же не сказала, вышла бы, поставив чай'.

В последнем значении преждепрошедшее II встречается и в некоторых *ч*-окающих говорах, однако здесь оно имеет эмоциональную окраску — гласный первого слога произносится обычно как долгий. *Алдым иде, килеп өлгөрмәсә!* 'Так-таки взял бы, если бы не успел прийти'. *Су төбәнә киттем иде, ңәчемнән эләктереп алмаса* 'Так бы и ушла под воду, если бы не схватил меня за волосы'.

г) Употребляется в значении *-а язу* 'чуть не'... *Айаг асты бозлавык, йыгылдым иде, агачка тотонды кына калдым* 'Под ногами гололедица, чуть не упала, (но) ухватилась за дерево (букв.: но осталась, только ухватившись за дерево)'. *Кулыннан тәлиркәсә тешеп китте иде, куйып элгерде әлдә* 'Чуть не выпала из рук тарелка, хорошо еще успела поставить'.

Вторая часть предложения может отсутствовать (*йыгылдым иде* 'чуть не упала').

Таким образом, формы прошедшего времени в мишарском диалекте могут быть охарактеризованы в основном как кыпчакские. Исключение составляют лишь общетюркская форма прошедшего на *-ды* и, по-видимому, древнеузская — на *-ды иде*.

¹³ Эта одна из древних форм прошедшего времени, зафиксированная во многих письменных памятниках, характерна и для нагорных и закавказских говоров среднего диалекта (см. работы Л. Заляя, Н. Бургановой, Л. Арсланова), а также для ряда современных тюркских языков: турецкого (А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 240), гагаузского (Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 202), крымско-татарского (Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 247), а также киргизского (Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 11); встречается в одном из узбекских говоров, а также ограничено употребляется в якутском языке (Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 128—129).

А. фон ГАБЕН

МЕСТОИМЕННЫЕ ОСНОВЫ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном уйгурском языке местоимения выступают в различных вариантах. В основном падеже используются: *mān, mañ, men, mǎ, sān* и т. д.; *bu, bo, tu, to, mā, mi*; *bul, bol* (в литературном языке); *u, o, ul, ol* (в литературном языке), *šu, šü, šul* (в литературном языке), а также местоимения: *biz, bez, bz; bizlār, siz, sez, sz; sizlār, silār, slār, slä, sler, sle*. Все эти варианты большей частью являются формой именительного падежа подлежащего, однако иногда они служат также для выражения неопределенного падежа (*kasus indefinitus*). Имеются и другие формы, относящиеся только к 1-му лицу: *meniñ, meneñ, miniñ, mineñ; maña, maḡa, maḡan, māñā, meniñḡa; mini* (винительный падеж); *meniñ-dā, meniñdin, miniki, menike; menim, minem, mini* 'мой'.

Официальные грамматики и словари¹ фиксируют лишь ограниченное число этих форм, отбрасывая многие варианты. Однако для лингвиста каждая отдельная форма представляет интерес, если она позволяет выявить, например, тенденции в образовании основ, или же вскрыть характерные черты падежей. С этой целью нами были привлечены две работы С. Е. Малова об уйгурском языке², а также четыре тома «Materials to the Knowledge of Eastern Turki» Г. Ярринга, использованные в «Eastern Turki-English Dialect Dictionary»³. Ранее нами уже было установлено удивительное многообразие местоименных форм в древнетюркском языке⁴, что позволило выдвинуть два основных положения.

1) В древнеуйгурском языке существовало принципиальное различие между формами именительного падежа *mān, sān, bo, o, šo*, с одной стороны, и основами косвенных падежей — с другой. Последние были образованы с помощью:

- а) «местоименного» *n*,
- б) аффикса местного падежа,
- в) аффикса винительного падежа и т. д.

2) Именительный падеж обладает широким гласным *ā* или *o*, в то время как основы косвенных падежей имеют большей частью соответствующий узкий гласный *i* или *u*. Это предположение, выдвинутое сначала

¹ *А. N. Nadžib. Modern Uigur. Moscow, 1971; Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.* Эти работы Э. Н. Наджипа привлекаются лишь в отдельных случаях.

² *С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь. М.—Л., 1954; его же. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961.*

³ *G. Jarring. Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964.*

⁴ *A. v. Gabain. Die Pronomina im Alt-türkischen. — ZDMG, 100, 1950, стр. 581—591.*

лишь теоретически, впоследствии было подтверждено текстами, написанными письмом брахми — единственной графикой из всех применявшихся в древнетюркском языке, в которой различались *о* и *и*, *ö* и *ü*, *ä* и *e*.

Остановимся на данных древнетюркского языка (приводятся только зарегистрированные формы). Родительный падеж в древнетюркском языке образовывался при помощи $+^u\eta$, винительный — при помощи $+i$;

а) формы с основой на $+n$; именительный падеж (см. выше):

män+in	man+ga	min+i	min+tä		
sän+in	san+ga	sin+i	sin+tä	sin+garu	
bizn+in	bizin+gä	bizn+i	bizin+tä		
sizn+in	sizin+gä	sizn+i	sizin+tä		
sizlärn+in	sizlärin+gä	sizlärn+i			
mon+un	mun+ga	mun+i	mun+da	bun+ča	mon+tay
	mun+yar			mun+a!	~ min+a!
bolarn+iñ		bolarn+i			
an+iñ	an+ga	an+i	an+ta	an+tin	an+ča
				an+tay	un+a!
	an+yar				

Родительный падеж включает те же гласные, что и именительный, так как он был образован с помощью словообразовательного форманта, подобного аффиксу $+l\bar{i}y$;

б) формы местного падежа:

mintä+dä ~ mindi+dä
sintä+dä ~ sinti+dä
munta+da ~ muntu+da
anta+da, anta+da+ta (!); anta+ča;

в) формы винительного падежа:

mini+tin
sini+dä, sini+tin
bizni+dä; bizni+täg; bizni ara
sizni+dä; sizni+din
munī+täg; munī+layu ~ moni+layu
anī+täg;

г) формы экватива:

munča+da; munču+layu
anča+ta; anču+layu; anča+yinča;

д) формы с формантом $+d\bar{i}r+$:

mun+dır+tin
an+tır+din; an+dır+an ~ antran.

Таким образом, широкому гласному в *män*, *sän*, *bo*, *o* соответствует такой же гласный в родительном падеже; в остальных падежах — узкий гласный *i* или *и*. Подобное чередование гласных не наблюдается в местоимениях множественного числа: *biz*, *siz* и в основе *an+*, служащей заменителем основы *o*. В вопросительных местоимениях в древнетюркском и в тюркском языке эпохи средневековья (Кашгари) существовали наряду с вопросительным словом *ganju* еще *gañu* и *gaуu*; в основе здесь, видимо, лежит палатальное *n*, так как в некоторых диалектах оно превратилось в *gaуu*, в других — в *ganju*:

qanju ~ qaju ~ qanu
qaju+sı, qaju+lar, qaju+yaru, qanju+da, qaju+tin

qanī 'где? откуда?', qan+ta, qan+dīn, qan+ča

qač, qačan, qačan

qaltī

nā, nāñ, nākā, nādā, nāčā, nāčākā, nāčātā. nāčük, nātäg, nälük, nägü

nägül, nägülük;

nānča (под сомнением)

nāmā, nāmā+dā, nāmā+n

kim, kim+kā, kim+ni

Интерес представляет форма qanī, сходная с формой винительного падежа, но семантически относящаяся к местному падежу.

Возможно, +ī образует вокатив, и это слово выражает эмфатический вопрос.

Формы с *n* в инлауте нельзя относить к местоименным корням на +n+, так как их *n*, видимо, входит в состав корня. Если эти вопросительные слова почти не образуют местоименных корней, то, очевидно, они не могут быть отнесены к местоимениям, и поэтому мы называем их нейтральным термином «вопросительное слово».

Данные современного уйгурского языка.

Нами и здесь приводятся только зарегистрированные формы. Варианты ng ~ η ~ ηη ~ ηq не представляют интереса для нашего исследования.

Формы родительного и винительного падежей имен существительных образуются с помощью аффиксов +niñ и ni. Но по традиции, восходящей к древнетюркскому языку, с местоимениями употребляются еще и старые аффиксы +°η и +ī.

а) Формы, имеющие корень, оканчивающийся на -n:

men+in	man+ga	min+i	mān+dā	mān+din		men+im 'мой'
men+en	mān+gā					min+em
min+en						min+i
sen+in	san+ga	sen+i	sān+dā	sān+din		
	sān+gā					
mun+un	mun+ga	mun+i	mun+da	mun+din	mun+ča	mun+day
						muni'
						mun+daq
						muna!
						munaq
						mānā!
						mandaq
						māna!
						bun+day
un+iñ	un+ga	unī	un+da	un+din	an+ča	an+daq
en+iñ	an+ga		an+da	on+din		an+daq
				an+din		anaq
				an+nir		
šun+un	šun+ga	šun+i	šun+da		šun+ča	šun+daq
						šun+day
						šunaq

б) Формы, основой которых служит родительный падеж:

meniñ+ya, meniñ+dā, meniñ+din

seniñ+yar, seniñ+dā, seniñ+din

sizniñ+dāk

munuñ+dun, munuñ+dāk

aniŋ+ya, uniŋ+dä, uniŋ+din, uniŋ+ki
eniŋ+da

šuniŋ+ga.

- в) Формы, основой которых служит мнимый винительный падеж:

meni+ki
mini+ki
seni+ki
bizni+ki
sezni+ki
uni+din, ani+kin, ani+ki
oni+din, ane+kin.

- г) Формы, основой которых служит экватив:

munday+ča
munday+či
anday+ča
anday+či
šunče+liq, šunday+ča
šunčiliq.

- д) Другие формы:

1-е лицо: ma+ya, ma+yan
2-е лицо: sa+ya
дат. пад. mun
исходн. пад. andi
apaŋiča, aŋača ~ aŋŋiča 'до того, тем временем'
apača 'столько, настолько'
apačiliq ~ aŋkačiliq ~ apaŋiçalıq 'до того, тем временем'.

Вопросительные слова в современном уйгурском языке:

qaj, qajsı, qajda, qajdin, qajday
qanı 'какой?', 'где?', qanča qandaq
qane qanči qandaq
qač, qačan, qač+ti+din
kim
kem
čim
nā, nāgā, nādā, nādin, nečā, nāččā, ničük, nālārdā, nalārdin
ne, negā neče
ni
nemā, nemāgā.

Составные местоимения в современном уйгурском языке:

- а) синонимичные указательные местоимения:

mavu, mušu, mušunday, mušārgā
ašu, avu, ušul, ušbu, ušul
šubu.

Э. Н. Наджип приводит также указательное местоимение с ta+:
tana⁵. У С. Е. Малова даны tavu+da⁶;

- б) указательные или вопросительные местоимения с существительным:

bijil 'в этом году', baldir 'в прошлом году';
со словом jan 'сторона, бок': bijin, bindā, indā, gajan?
со словом jār: bijergā, mijerni ~ mājārni, öjergā, öjerni,
šuvārdā, qajerdā, qajerdin, qajerni, qajerlik;

⁵ А. Н. Nadžib. Modern Uigur, стр. 100.

⁶ С. Е. Малов. Уйгурский язык.

näjärdin ~ nārdin, näjärgä ~ näjägä ~ nä:rgä ~ nä:rdä ~ mušärgä,
 näjaq,
 nämiškä;

в) образования, возникшие из вопросительных местоимений и вспомогательного глагола:

närsä ~ nersä, nemärsä, nemiš,
 kimärsä ~ kimäsä.

Правила современного уйгурского языка.

В качестве основы многих косвенных падежей выступает не форма именительного падежа, а расширенная основа форм: mān, sān, biz, siz, bu, u, šu, но не bizlār, sizlār, функционирующих как существительные.

Часто встречаются формы, образованные от местоименного корня на *n*. Родительный падеж в единственном и множественном числах дает:

+ya, +din, +däk
 +yar

и +ki.

От формы, совпадающей с формой падежа, образуются только формы на +din, +ki, +kin. Это, видимо, сокращенный, по аналогии с узбекским языком, родительный падеж на +niŋ.

Некоторые формы, как в одном из диалектов древнетюркского языка, имеют варианты *ŋ* ~ *γ* (maŋa, saŋa).

Утрата конечных фонем, как in в +niŋ > ni (meni+ki), имеет место также и в muŋa > mun, andin > andi. Возможность дальнейших образований от форм экватива на +ča и +täg показывает, что эти формы близки к словообразовательным элементам.

Другие формы искажены сложным аффиксом +yača.

В современном уйгурском языке вопросительные слова также не образуют местоименных основ. От местоимения основы вообще не образуются. Только двойной аблаут отличает его от существительных. Наличие у местоимения трех вариантов, различающихся гласными, связано, возможно, с некоторыми семантическими различиями: оно может зависеть от более сильной эмфазы вопроса или восклицания.

Современный уйгурский и древнетюркский языки

Многообразие местоименных форм в современном уйгурском языке свидетельствует об имевшемся в древнетюркском языке различии между именительным и неопределенным падежом (Kasus indefinitus). В современном языке это различие, правда, несколько ослаблено, потому что теперь вполне можно сказать mān bilān. Здесь форма падежа субъекта стала формой неопределенного падежа.

Поиски основ для косвенных падежей привели в древнетюркском языке к выбору формы местного падежа, реже — формы винительного падежа (каждая из которых способна замещать другую), а в современном уйгурском языке — формы родительного падежа. Этот выбор вполне понятен, если учитывать определительный характер родительного падежа.

Образование местоименных основ наблюдается не только в древнетюркском и в современном уйгурском языках, но и в якутском, где, например, винительный падеж от min 'я' — mijigin и от bu 'этот' — manī. Это указывает на образование соответственно основ на +igi+ и +n+. Здесь проявляется весьма древняя тенденция, утраченная большинством тюркских языков. Как и в древнетюркском языке, в современном уйгурском языке вопросительные местоимения не могут быть включены в категорию местоимений, так как они не образуют местоименных основ. Что касается вопроса о чередовании гласных в основах, то в языке древне-

тюркских памятников оно было функционально обусловлено, хотя и представляет собой несвойственное тюркским языкам явление. По иному обстоит дело в современном уйгурском языке: чередование *ä—i* достаточно часто встречается и в неместоименных основах. На наш взгляд, можно говорить об определенной звуковой закономерности в отношении местоимений: так как наряду с *män, säp, mändä, mändip* (отметим соседство двух согласных в последних двух формах) имеются также формы *тепiң, тепi, тiпi* и т. д., можно говорить и о своеобразном аблауте в современном уйгурском языке, связанном с гласным *i*, который превращает, например, форму *апiң* в *епiң*: регрессивная ассимиляция вызывает переход более открытого *ä* перед *i* в более закрытое *e* или даже в *i*.

*Перевод с немецкого
Н. Залялиевой*

Х. Г. НИГМАТОВ

ВКЛЮЧЕННОЕ ТРЕТЬЕ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

В течение длительного времени исследователи, сознательно или интуитивно, подходили к интерпретации и классификации языковых фактов с позиций формальной логики, одним из важнейших положений которой является закон исключенного третьего (закон непротиворечия). Сущность этого закона, как известно, состоит в том, что одно из утверждений по отношению к какой-либо вещи **А** может быть истинным (или ложным): **А** есть **В**, или **А** не есть **В**. Если истинным является первое утверждение, то второе будет непременно ложным, или наоборот, третье — исключено.

Однако эта, казалось бы, тривиальная истина отражает лишь внешние данные объекта изучения и игнорирует внутренние связи и отношения вещей (явлений), исключает противоречия в мышлении¹, дает предельно абстрактное понятие о субстанции вне ее развития и вне ее многосторонних и всеобщих связей со всеми явлениями объективного мира. Однако теоретическим путем нельзя устранить противоречия, многосторонние связи и отношения объекта изучения, в том числе и единиц различных уровней языка. С утверждением системно-структурного подхода к изучению языковых фактов незыблемые устои закона исключенного третьего формальной логики в лингвистике начали расшатываться; языковые факты, многозначность и полифункциональность грамматических форм и категорий не укладывались в однозначные, механицистские рамки дилеммы *да — нет* и требовали иного подхода для раскрытия их сущности. Теория бинарных оппозиций, учение о привативном характере оппозитивности морфологических форм и категорий, быстро завоевавшие умы многих лингвистов и ставшие объектом оживленных дискуссий, нанесли существенный удар по устоям этого обязательного закона формальной логики применительно к грамматическому строю языка². Признание неоднородности грамматических категорий (Д. А. Штелинг), многозначности (Е. И. Шендельс), противоречивой двойственности содержания и функции значимых единиц языка (С. Н. Иванов), наличие противоречий в каждом звене языка (Т. П. Ломтев), повышение интереса к содержанию анализу языковых фактов настоятельно требовали отхода от

¹ Ср.: «Иногда такие логики (логики-формалисты, логики-метафизики. — Х. Н.) готовы даже признать, что предмет в согласии с диалектикой может сам по себе быть внутренне противоречивым. В предмете противоречие есть, а в мысли его быть не должно» (Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. М., 1974, стр. 232).

² Поскольку в данной статье затрагиваются общеизвестные и неоднократно дискутировавшиеся вопросы языкознания и тюркологии, ссылка на научную литературу дается лишь в самых необходимых случаях.

законов формальной логики при интерпретации грамматических явлений; сложный и противоречивый характер объекта изучения диктовал необходимость применения диалектических методов познания — методов диалектической логики.

Правомерность и перспективность применения методов диалектической логики при анализе фактов тюркских языков были обстоятельно изучены С. Н. Ивановым, использовавшим эти методы для исследования ряда грамматических категорий староузбекского и турецкого языков.

Существенное различие между диалектической логикой и логикой формальной заключается, как известно, в том, что первая рассматривает вещь в ее развитии, в ее движении, исходит из наличия реальных противоречий в ней и их отражения в нашем мышлении³, а вторая игнорирует развитие и противоречие в вещи; первая требует содержательного анализа определяемого понятия, вторая выдвигает лишь формальные требования определения понятия⁴, первая является логикой теоретического знания, а вторая — логикой выводного знания. Поскольку в каждом звене языка, в каждой его единице, равно как во всей языковой системе, содержатся неантагонистические противоречия, диалектический метод познания ищет пути разрешения их. Согласно диалектической логике, специфическим законом мышления при разрешении неантагонистических противоречий является закон включенного третьего. «Наше познание не может раскрыть и познать противоречие, лежащее в основе изучаемого предмета, сразу же, как только оно с ним столкнется; в связи с этим сам процесс познания противоречий протекает противоречиво; сначала реальное противоречие расчленяется в нашей абстракции на противоречивые стороны; обе стороны берутся вначале абстрактно, в их противопоставлении одна другой, — так, словно они в действительности существуют изолированно друг от друга. После того, как обе противоречивые стороны *познаны в их противопоставлении одна другой и взаимно-изоляция*, наступает момент, когда раскрывается их внутренняя связь и взаимозависимость, *их взаимный переход друг в друга*, короче говоря, их единство (курсив всюду наш. — Х. Н.)»⁵. И вот это единство, в котором противоположности сходятся, синтезируются теза и антитеза, выступает третьим по отношению к двум неантагонистически противопоставленным полярностям.

Понятие включенного третьего, перенесенное в языковую плоскость, способствует устранению многих противоречий, существующих в современном языкознании.

Как известно, бинарные оппозиции занимают важное место в системе языка и мышления⁶. Оставляя открытым вопрос об обязательной или необязательной сводимости взаимоотношений языковых элементов к бинарным, с определенной долей уверенности можно сказать, что значения или функционирование, «смысловые взаимоотношения любого многочленного ряда можно свести к бинарным признакам»⁷, то есть к полярно противопоставленным элементам. Во включенном третьем⁸ эти

³ «Диалектика и логика. Законы мышления». М., 1962, стр. 175.

⁴ «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962, стр. 66.

⁵ «Диалектика и логика. Законы мышления...», стр. 181.

⁶ См.: И. Б. Хлебникова. Оппозиции в морфологии. М., 1969.

⁷ Е. И. Шендельс. О грамматической полисемии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 50.

⁸ Термин *включенное третье* введен в диалектическую логику акад. Б. М. Кедровым как антипод исключенного третьего и в этом отношении весьма удачен. Из-за отсутствия в языкознании универсального термина, хотя бы приблизительно вскрывающего содержание интересующих нас явлений, мы применяем этот диалектический термин к языковым фактам, полагая, что он вполне удовлетворительно объясняет их.

полярности сходятся; через него осуществляется взаимосвязь элементов микросистемы и им обеспечивается ее единство. Благодаря этому данная микросистема может включаться в другие ряды оппозиций.

В нашей статье мы перечислим некоторые элементы морфологической системы тюркских языков, выступающие в определенных оппозициях как единство противоположных сторон.

1. Наиболее наглядно включенное третье выступает в оппозициях частей речи. Противопоставление знаменательных частей речи и частиц речи общеизвестно. Данный вопрос принимает совершенно иной характер, когда речь идет о таких знаменательно-служебных элементах, как послелого-имена, послелого-наречия, послелого-деепричастия, наречия-союзы, местоимения-союзы, наречия-частицы, вспомогательные глаголы и т. д., то есть о таких элементах, которые обладают свойствами как знаменательных, так и служебных слов. Например, послелого-имена в служебном использовании сочетаются с главным словом изафетной связью, принимают аффиксы принадлежности, изменяются по падежам⁹, однако лексической самостоятельностью не обладают. Такие служебно-знаменательные слова выступают в качестве включенного третьего между полярно противопоставленными группами собственно знаменательных и собственно служебных слов и обеспечивают их единство. Благодаря разрешению противоречия между знаменательными и служебными словами и достижению их единства становится возможной оппозитивность служебных и знаменательных слов как единого целого с несамостоятельными значимыми единицами языка — морфемами. Оппозиция *слово: морфема* общепризнана, но когда речь идет о послелогах-частицах, семантико-функционально соприкасающихся с морфемами, возникают споры и сомнения. В оппозиции *слово: морфема* послелого-частицы выступают в качестве включенного третьего, в котором противопоставление служебных слов (несвязанных, свободных морфем) и связанных морфем снимается, противоположности сходятся и становится возможной функциональная замена синтетической формы аналитической — послеложно-падежной.

В системе функциональных форм глагола отчетливо выделяются именные формы глагола (тюркские причастия и имена действия), выступающие включенным третьим в оппозиции *имена: глаголы*, и деепричастия — суть гибридные глагольно-наречные образования, выступающие включенным третьим в оппозиции *наречия: глаголы*, в которых снимается противопоставление глаголов и имен, наречий и глаголов.

Такие же элементы, выступающие включенным третьим, можно найти в оппозициях: *имя существительное: местоимение* (имена типа *нэң* 'вещь'; 'что-нибудь'; *өз* 'сердцевина' и возвратное местоимение; местоимения типа *мэн* 'я' и т. д.), *имя существительное: имя прилагательное* (*көни* 'праведный', 'праведность'); *имя числительное: имя существительное* (нумеративы и собирательные числительные), *имя прилагательное: имя числительное* (т. н. порядковые числительные) и т. д.

Язык наряду с номинативной имеет и экспрессивную функцию. В системе частей речи междометия, частицы и звукоподражания выступают включенным третьим в оппозиции номинативных и экспрессивных средств языка¹⁰.

⁹ А. Н. Кононов. Послелогои в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов, А. Н. Самойлович — грамматист. — «Советская тюркология», 1963, № 5, стр. 41—42.

II. Рассмотрим некоторые элементы, реализующиеся в качестве включенного третьего в системе словоизменения глагола. Ранее нами была предпринята попытка показать, что в каждом залоге тюркского глагола наряду с чисто словообразовательным (лексическим) и грамматическим (словоизменительным) значениями имеются также лексико-грамматические типы значения¹¹. Эти лексико-грамматические типы значения, являясь синтезом словообразовательной и словоизменительной функций каждого залога, обеспечивают единство его разнородных сем и на основании этих лексико-грамматических значений каждый залог включается в два ряда оппозиций, из которых определяется его сущность. Однако каждая залоговая форма, будучи противопоставлена по тем или иным признакам другой, противопоставляется одновременно и основному залогу — исходной форме глагола, способной лексическими и грамматическими средствами выражать все значения всех залогов. Таким образом, в форме основного залога снимаются противопоставления залогов, и она выступает включенным третьим в каждой конкретной залоговой оппозиции, обеспечивая единство залогов как различных форм одной категории. Ни одно из вероятных значений понудительного, возвратного, взаимного и страдательного залогов не является для основного залога ни обязательным, ни невозможным. Таким образом, в основном залоге залоговые значения выступают в наиболее «чистом», не осложненном другими обязательными оттенками виде (**всевозможные** отношения действия к субъекту и к объекту, **всевозможные** объектные связи глагола).

В системе времен индикатива формы прошедших времен, выражающие реальные (совершившиеся до момента речи) действия, противопоставлены будущим временам, выражающим идеальные (совершающиеся после момента речи) действия. В этой оппозиции тюркский аорист (форма настоящего-будущего времени) выступает как включенное третье, ибо он может выражать как реальное (совершающееся в момент речи), так и идеальное действия. Сосуществование в тюркском аористе значений реального и идеального действий всецело нейтрализует индикатив по отношению к признаку выраженности реальности/идеальности действия и обеспечивает его единство как определенной микросистемы форм. Поэтому попытки некоторых лингвистов исключить из системы форм индикатива формы будущих времен (Е. Курилович), равно как и отрицание объективности существования настоящего-будущего времени, несостоятельны, так как даже при рассмотрении будущих времен как формы отдельного (желательного, предположительного и т. д.) наклонения в системе времен индикатива остается форма, выражающая и реальные, и идеальные действия, следовательно, способная иметь наряду с временным значением модальные значения желания, предположительности, категоричности и т. д. Так что нейтральность индикатива по отношению к выраженности реальности/идеальности действия не изменяется.

Что касается отрицания объективности существования форм настоящего-будущего времени, то такое мнение несостоятельно и искажает языковую действительность, так как среди непрошедших времен форма настоящего времени является единственным элементом, способным выражать реальные действия. Форма настоящего-будущего времени, выступая как включенное третье в оппозиции прошедших и будущих времен, обеспечивает их единство и является той необходи-

¹¹ См.: Х. Г. Нигматов. Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

мой формой, обозначающей вневременную относительную точку, которая позволяет измерять бесконечное время.

В системе наклонений тюркского глагола прежде всего противостоят индикатив, нейтральный по отношению к выражению реальности/идеальности действия и имеющий развитую систему временных форм, и повелительно-желательное наклонение, выражающее только идеальное действие и не имеющее временных форм. В этой оппозиции включенным третьим является условное наклонение, которое, выражая идеальное действие, имеет также форму настоящего и прошедшего времен. Благодаря этому снимается противоречие между формами модальности (наклонений) и времени и достигается их единство.

III. Такие же формы или элементы значения форм, выступающие как включенное третье, существуют и в системе оппозиций именных словоизменительных форм (в частности, таковой является сема «собирательность», присутствующая в значениях форм и единственного и множественного чисел, значение аффикса принадлежности 3-го лица, выражающего как реальную принадлежность, так и чисто грамматические отношения между словами, функционирование косвенных падежей при сильноуправляемых глаголах, когда противопоставление падежей частично снимается). Думается, что и перечисленного достаточно, чтобы убедиться в реальности существования включенного третьего в системе морфологии.

Как явствует из вышеизложенного, понятие включенного третьего является диалектическим, противоречивым и относительным. Явления (формы или оттенки значения), выступающие как полярные в одной оппозиции, могут являться включенным третьим в другой оппозиции (например, послелоги-частицы в оппозиции знаменательных и служебных слов выступают как полярные, но в оппозиции *слово: морфема* — как включенное третье). Благодаря этому достигается непрерывная взаимосвязь различных единиц языка, непрерывность языковой системы, взаимодействие ее различных уровней и сторон. Во включенном третьем отражается то неясное и колеблющееся, которое, по словам академика Л. В. Щербы, должно больше всего привлекать внимание лингвиста¹².

Включенное третье играет немаловажную роль в историческом развитии языка. Переход полнозначных слов путем все большего абстрагирования лексического значения в служебно-знаменательные элементы, а из них — в собственно служебные и далее, возможно, в аффиксы; переходы из деепричастий в наречия, из именных форм глагола в имена прилагательные и имена существительные — общеизвестны. В процессе развития одна из именных форм глагола — форма на — (=) F/Қ, выступающая включенным третьим в оппозиции *имена: глаголы, дала*:

- 1) имя действия на — (=) F/Қ;
- 2) имена существительные со значением орудия действия;
- 3) имена существительные со значением места совершения действия;
- 4) имена существительные абстрактного значения;
- 5) имена прилагательные с пассивным значением;
- 6) имена прилагательные с активным значением.

Этот перечень легко может быть продолжен. Каждому исследователю тюркских языков ясно, какая роль принадлежит в развитии синтаксического строя тюркских языков именным формам глагола (именам дей-

¹² Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. — В кн.: «Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I, М., 1958, стр. 35—36.

ствия и причастиям) и деепричастиям. Общеизвестно, что из временных форм тюркского глагола различным изменениям подвергаются прежде всего формы настоящих времен, выступающие включенным третьим в оппозиции временных форм глагола.

До сих пор мы говорили о включенном третьем в оппозициях двух полярностей, образуемых различными формами и категориями. Однако включенное третье может быть и среди значений одной многозначной формы, если различные оттенки значений этой формы полярно расходятся. Таковыми являются лексико-грамматические типы значения каждого залога тюркского глагола по отношению к его чисто грамматическому и чисто словообразовательному значениям. Системы значений дательного и исходного падежей, как это убедительно показал и интерпретировал С. Н. Иванов, объединяются вокруг полярно противопоставленных значений *объект* → *действие* и *действие* → *объект*. Однако в функционировании дательного и исходного падежей имеются и такие типы значений, которые характеризуются отношением *объект* ↔ *действие*, выступающим у каждого из этих падежей в отдельности как включенное третье в системе внутрипадежных значений форм.

Существование в системе языка включенного третьего обусловлено привативным характером оппозиций морфологических элементов. Однако оно не выводится из одного ряда оппозиций. Включенное третье является только тогда, когда грамматическая форма включается минимум в два ряда оппозиций. Таким образом, включенное третье, возникая в результате привативных оппозиций, одновременно исключает возможность определения сущности грамматической формы из одной привативной оппозиции.

Можно предполагать, что изучение взаимодействия единиц различных уровней языка (словообразования и словоизменения, лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса и т. д.), а также взаимоотношений различных значений одной полисемантической формы приведет к новым теоретическим и практическим выводам.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что применение методов диалектической логики оправдано только при условии содержательного анализа изучаемой формы или категории. Что касается внешней, формальной стороны этих явлений, то к ним диалектическая логика неприменима и там требования формальной логики должны быть полностью удовлетворены.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. В. ДМИТРИЕВА

МОНГОЛИЗМЫ В ТЮРКСКОЙ РАСТИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

Невозможность применения метода фонетического анализа для определения тюрко-монгольских взаимозаимствований отметил еще Б. Я. Владимирцов, объяснявший это общностью фонетических систем указанных групп языков на протяжении всей истории их развития. Наиболее надежным в этом отношении он считал морфологический и отчасти семантический анализ¹. Аналогичной точки зрения придерживаются Э. В. Севортян² и Г. Д. Санжеев³, считая морфологический анализ применимым в данном случае лишь для определения второобразных основ, то есть на уровне аффиксальных (~ суффиксальных) элементов.

Пока еще нет специальных исследований тюрко-монгольских (общих или взаимозаимствованных) фитонимов и фитонимическая терминология не разработана. Однако в имеющихся работах по тюрко-монгольским языковым параллелям фитонимический материал частично все же используется и формируются некоторые предварительные выводы⁴.

Из всех зафиксированных случаев тюрко-монгольских совпадений фитонимов и фитонимической терминологии следует выделить заимствования из неалтайских и алтайских (кроме тюрко-монгольских) языков. Тогда остаются тюрко-монгольские параллели, обусловленные общим происхождением и взаимозаимствованием. При выделении их мы руководствуемся характером оформления второобразных основ (оформление корня-основы аффиксами), степенью распространенности и составом языков, в которые они вошли, фонетическим обликом, характером семантической модели, высказанными ранее мнениями ученых.

Монголизмы в большинстве случаев выделяются по оформлению (монгольские словообразовательные аффиксы *-гай*, *-гана*, *-га*, *-гыр*, *-сун*,

¹ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВРАО, XX, вып. II—III. СПб., 1911, стр. 169.

² Э. В. Севортян. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — «Вопросы языкознания», 1971, № 6, стр. 63.

³ Г. Д. Санжеев. К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках. — «Лингвистический сборник». Ташкент, 1971, стр. 33.

⁴ См., например: С. Садыков. Тюрко-монгольские параллели. — В сб. «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1969, стр. 110—129; А. А. Булакаева-Баранникова. Сопоставительные материалы по лексике современных татарского и бурят-монгольского языков. — «Сборник трудов по филологии. Бурят-монгольский НИИ культуры», вып. III. Улан-Удэ, 1958, стр. 162 и след.; Д. Г. Дамдинов. О сельскохозяйственной терминологии бурятского языка. — «Вопросы литературного бурятского языка». Улан-Удэ, 1963; *его же*. О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках. — «Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева». М., 1974, стр. 51—63.

-л и другие сохраняются при заимствовании в тюркские языки), а также по сравнительной ограниченности употребления их в тюркских языках (в основном — в якутском, хакасском, тувинском, алтайском, казахском).

С. Калужинский отмечает, что основная масса монголизмов проникла в якутский язык не ранее конца XII—XIII вв., когда еще не было четкого выделения отдельных монгольских наречий, языков и диалектов. Судя по источникам, несколько отличался от других тогда только язык ойратов, а остальные языки и диалекты выделились, видимо, позже⁵.

Исходя из изложенного, нами к монголизмам в тюркской растительной лексике отнесены следующие названия:

1) як. *дабарахай* ~ *лабархай* 'древесная смола', 'сера' <п.-мо. *dabir-γai*, монг. *дабархай* ~ *дабиркай*, бур. *дабирхай* 'древесная смола' > эвенк. *дабиркай* id 'деготь', 'сера' (СТМ)⁶;

2) казах., уйг. *долана*, кирг. *долоно*, тув. *долоана*, башк. *дунала*, тат. *дўланā*, тат. том. *тулана* (Абд.)⁷, тат. бараб. *даулан* (Дм.)⁸, узб. *дўлана* 'боярышник', як. *дологоно* ~ *дологон* ~ *долохоно* ~ *долукуна* ~ *долокуна* ~ *дōлүкүнэ* 'боярышник', 'шиповник' (Зам.)⁹, *dolana* 'кизил' <п.-монг. *dolγana* ~ *doluni*, монг., бур. *дологоно*, калм. *dolāno* ~ *dolan*¹⁰ 'боярышник'; ср. тур. *dinul*, шор. *tolan* ~ *tolana*, тел. *tolono* <монг. (R. KWb, 94)¹⁰ *dolaγana* 'боярышник' (Räs. EW, 139)¹¹; чув. *şalan* 'шиповник' ~ алт. *толоно* и другие 'терновник', 'боярышник' (Benz.)¹²;

3) казах. *қалақай* 'крапива' <п.-мо. *халаγai* ~ *халахай*, монг. *халага* ~ *халгай* (УНТКМ)¹³, бур. *халāхай* id > уд. *халахай*, ма. *хала-* 'обжигаться', 'обваривать, ошпаривать', чж. *hāhlüwen* 'горячий'; ностр. *қайла* 'горячий', 'жечь': с.-х. *qī-* 'сжигать', 'жарить' ~ и. е. *kel* 'горячий' ~ драв. *kāl-* 'гореть', 'жечь' ~ алт. *k'iala-* 'гореть', 'горячий', 'разжигать' (И.-Св. Опыт, 332)¹⁴;

4) кир., казах., ног., ккалп., тат., башк., узб., алт. *қарағай*, уйг. *қаригай*, хак. *харагай* 'ель', 'сосна', 'лиственница'; тат. бараб. *қарағай* 'сосна', 'кедр' (Дм.); ср. тел., леб., койб., саг. и другие *қарағай* 'сосна' (вероятно <мо., РСл., II)¹⁵; ир. *карагай* <мо. *qagaγai* <тюрк. *қарағай* (Doerfler, I, 406); <мо. (Räs. EW, 235). Вероятно, это название, образованное от общеалтайского прилагательного *қара* 'черный',

⁵ С. Калужинский. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. — «Труды Института языка, литературы и истории» 3(8). Якутск, 1961, стр. 15, 21.

⁶ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (составлен сотрудниками сектора алтайских языков под редакцией и при участии В. И. Цинциус), I. Л., 1975.

⁷ А. М. Абдрахманов. О составе и развитии некоторых групп лексики томско-тюркских говоров. — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», XX, вып. 2. Томск, 1962.

⁸ Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар. Материалы и исследования. Л., 1969 (машинопись, ЛО ИЯ АН СССР).

⁹ Замахшари. Мукаддимат ал-адаб (по статье: А. К. Боровков. Названия растений по бухарскому списку «Мукаддимат ал-адаб». К изучению узбекской ботанической терминологии. — В сб. «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971).

¹⁰ G. J. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

¹¹ M. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

¹² J. Benzing. Zum tschuwaschische Worte şalan 'Hackenrose'. — «Ural-Altaische Jahrbücher», 24 (1952).

¹³ «Улсын нэр томъёоны комиссын мэдээ» № 59—60. Улаанбаатар, 1965.

¹⁴ В. М. Илич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (в-К). М., 1971.

¹⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.

‘темный’, ‘густой’, проникло в тюркские языки из монгольских, так как оно распространено в тех тюркских языках, где исторически чаще функционируют монгольские заимствования. Оформлено это название монгольским по происхождению словообразовательным аффиксом *-гай*;

5) алт. *köveŋ* ‘хлопок’ < мо. *köbün* id. (Räs. EW, 285);

6) як. *кулусун* ‘ситник’ (травя), алт. *қулузун* ‘бамбук’ < мо. *qulusun* id. (Räs. EW, 299); ср.-мо. *qulusun*, монг. *xuludze*, орд. *xulusu*, халх. *xullvs*, калм. *xulsn* id. (P. Intr. Mong., 131)¹⁶;

7) алт. *маңғыр* ~ *маңыр*, тув. *маңғырзын*, хак. *маңырсын* ‘чеснок’ < мо. (Räs. EW, 256) *maŋirsun* id. > тунг. *manghun* id. (Räs. EW, 327; R. SKE, 140¹⁷), п.-мо. *mangir* ~ *manggisu*(n), монг., бур. *мангир*, даг. *маңгирс*; эвенк. *маңеһун* ‘дикий чеснок’, кор. *манил* ~ *манир* ‘чеснок’ (P. Vergl., 35¹⁸; R. SKE, 140; STM);

8) казах., карак. *мойыл*, кирг. *мойул*, башк., тат. тюр. *муйыл* (Бург.)¹⁹ ‘черемуха’ < мо. *mojil* id. (Räs. EW, 340; P. Vergl., 36, 140); ср. п.-мо. *moilsu*(n) ~ *moisu*(n), монг. *мойл*, бур. *мойһон* id.;

9) хак. *поҗап*, тел. *поҗоп*, сой. *погā* ‘зелень’, ‘овощи’ < мо. *поуурап* id., ср. ма. *poixon* id. (Räs. EW, 354);

10) алт. диал. *сала*, хак., як. *салā* ‘ветвь’, ‘прут’ < п.-мо. *salaya* ‘ветвь’, ‘сук’, монг. *салаа*, бур. *һалаа* ‘развилина, разветвление’, дунс. *сала* ‘ветка’; ср. бур. *һалаа* ‘стебель’ (R. KWb., 309; Räs. EW, 397); хак., кыз. *салā* ~ *сала* ‘палец’ (Räs. EW, 397);

11) тоф. *suqai* ‘кустарник, имеющий красную кору’ < п.-мо. *suqai* ‘крепкое дерево, похожее на иву, с красным стволом’, монг. *сүхэй* ‘тамариск’, бур. *һухай* ‘красная ива’, ‘тамариск’, калм. *суха* ‘кустарник с красной корой’ (Ряс.²⁰; Döerfer, I, 347²¹);

12) як. *сыбар* ~ *сымар* ‘чаша’, ‘мелкий, но густой лес’ < монг. *sibir*, калм. (R. KWb., 362) *šiwr* id. (> рус. Сибирь) (Räs. EW, 414);

13) як. *чөгөчөк* ~ *чөңчөк* ~ *чоғочох* ‘пень’, ‘корень’ < п.-мо. *tögü-çeg*, монг. *tögçög*, бур. *tjgэсэг* ~ *tjгсүл* ‘обуглившийся пенный’ (Калужинский, 75²²), эвенк. *тууучэк* ‘пень’, ороц. *тэңэ(н)* ‘комель’ (дерева) < мо. (STM); ср. фин. *tyvi* ‘комель’ (Ряс., 48)²³;

14) алт. *чычырана*, тув. *чыжыргана*, кирг. *чычырғана* ‘облепиха’ < п.-мо. *çiçağana*, монг. *чацаргана*, бур. *шасаргана* (Räs. EW, 110);

15) узб. *шуақ*, сой. *шық* ‘полынь’ < п.-мо. (R. KWb., 352) *sibaу*, калм. *šawv* ~ тунг. *soaxta* id. (Räs. EW, 93);

16) казах. *ырғай* ‘жимолость’, як. *ыарға* ‘кизил’, тар. *ирғай* ‘кустарник’ < мо. *irğaj* ‘ирга’, ‘кустарник’, калм. *jağxv* ‘ирга’ (Räs. EW, 166).

Приведенные выше названия можно считать бесспорными монголизмами в тюркских языках. К таковым, вероятно, относятся также²⁴:

17) тув. диал. *ағы* ‘сочная трава’, сой. *ағы* ‘полынь каменная’ < мо. *agi*, халх. *agi* ‘вид полыни’ (Räs. EW, 9) < очевидно, тюрк. *ақ* ‘белый’;

¹⁶ N. Poppe. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.

¹⁷ G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.

¹⁸ N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960.

¹⁹ Н. Бурханова. Үсемлек атамалары (өстәмә бүлек). — «Диалектологик сүзлек», III. Казан, 1958.

²⁰ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

²¹ G. Döerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I—III. Wiesbaden, 1963—1967.

²² St. Kalužynski. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprachen. Warszawa, 1961.

²³ М. Рясänen. Об урало-алтайском языковом родстве. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1.

²⁴ Приношу искреннюю благодарность Г. И. Кара за консультацию по приведенным выше и ниже монголизмам.

18) карач.-балк., кумык., тат. *нарат* 'сосна' < мо. *paḡad* (мн. число от п.-мо. *paḡasu* (п), монг. *нарс* (ан), бур. *нарга* (н) id. (Räs. EW, 350);

19) алт., башк., тат., чув. *сақсаул*, карач.-балк. *сақсаул*, узб. *сақсовул*, казах. *сексейил*, кирг. *сөксөйл*, туркм. *сазақ*, уйг. *зақ* < мо. *saḡsa-uy* 'быть ветвистым, торчащим', *saḡsaḡar* 'ветвистый', но бур. *сагсүл*, очевидно, < рус., а уйг. *зақ* < п.-мо. *žay*, монг. *заг* 'саксаул' (Räs. EW, 396; ст.-узб. *saksaul* < калм. *zayzām*! < мо. *žay*);

20) казах. *самырсын* 'лиственница' < монг. *samur*, калм. *samr* (R. KWb.) 'кедровый орех'.

Конечно, данный список монголизмов может быть пополнен по мере привлечения новых групп тюркской растительной лексики. Мы исследовали, главным образом, названия наиболее распространенных у тюркских народов деревьев и кустарников, травянистых и злаковых растений и их частей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>гольд.</i>	— гольдский (= нанайский),	<i>ороч.</i>	— ороцкий.
<i>даг.</i>	— дагурский,	<i>п.-мо.</i>	— письменно-монгольский (= старописьменный монгольский),
<i>дунс.</i>	— дунсянский,	<i>саг.</i>	— сагайский (диалект хакасского языка),
<i>и.-е.</i>	— индоевропейские языки,	<i>сой.</i>	— сойотский (= тувинский),
<i>ир.</i>	— иранский, иранские языки,	<i>ср.-монг.</i>	— среднемонгольский,
<i>койб.</i>	— койбальский (диалект хакасского языка),	<i>тар.</i>	— таранчинский (говор уйгурского языка),
<i>кор.</i>	— корейский,	<i>тел.</i>	— телеутский (диалект алтайского языка),
<i>кыз.</i>	— кызыльский (диалект хакасского языка),	<i>т.-ма.</i>	— тунгусо-маньчжурские языки,
<i>леб.</i>	— лебединский (диалект алтайского языка),	<i>уд.</i>	— удейский,
<i>ма.</i>	— маньчжурский,	<i>ульч.</i>	— ульчский,
<i>мо.</i>	— монгольские языки,	<i>халх.</i>	— халхасский (диалект монгольского языка),
<i>монг.</i>	— монгольский,	<i>чж.</i>	— чжурчженский,
<i>нан.</i>	— нанайский,	<i>эвен.</i>	— эвенский,
<i>нег.</i>	— негидальский,	<i>эвенк.</i>	— эвенкийский.
<i>орд.</i>	— ордосский (диалект монгольского языка),		
<i>орок.</i>	— орокский,		

Д. КАРА

МОНГОЛЬСКИЙ „дэрэсун“ — ТЮРКСКИЙ *jez*

Одним из характернейших представителей флоры центрально-азиатских степей является *чий* или *дэрисун*. Об этом растении упоминали в своих записках многие путешественники. Н. М. Пржевальский писал о нем:

«Другое, еще более важное для обитателя пустыни, растение принадлежит к семейству злаков и называется монголами *дырисун*, киргизами — *чий*; научное же его имя *Lasiagrostis splendens*... Подобно саксаулу, дырисун распространен по всей Внутренней Азии... Растет дырисун отдельными кустами и достигает до 5—6, иногда даже до 7—9 футов вышины. Каждый такой куст, у своего основания, представляет кочкообразную массу до 1—3 футов в диаметре. Отсюда весною выходят новые побеги; старые же стебли, обыкновенно объединенные скотом, торчат подолгу. ... Для домашнего скота описываемое растение составляет превосходный корм. Кроме того, из чрезвычайно крепких, почти как проволока, стебельков дырисуна китайцы делают летние шляпы и метелки; киргизы же плетут прочные циновки, которыми обставляют бока своих войлочных юрт или кибиток... У монголов такого обыкновения нет»¹.

Об этом же растении известный исследователь Г. Н. Потанин еще в прошлом веке сообщал: «Дэрису здесь достигает колоссального роста, всаднику по плечо; очень много *Stipa* (по монг. *хилагана*) и агэ (*Artemisia maritima* Bess)»². Говоря о природе Кукунорского края, он отмечал: «Вся поверхность степи от перевала до озера песчаная, поросшая травой *дэрису*, сильно вытравленной»³. Там же дано и общее описание этого растения: «*Lasiagrostis splendens*, Kunth., широнг. в Саньчуани *турусы*. Монголы зовут это растение *дэрисун* или *дэрису*, а заросли его *тункэ*; киргизы как отдельные особи, так и заросли из *дэрисуна* зовут *чий*. Дэрисун растет обширными зарослями на низких местах...; такие места служат убежищем для мелкого скота в зимние бураны и избираются для зимовки с баранами; *тункэ* заменяют кочевникам теплые хлевы и конюшни. Тонкие, ровные и крепкие, как проволока, стебли растения идут у киргизов на приготовление циновки; они выдергиваются осенью, в августе; в засохшем состоянии получают соломенный цвет; ...в северных частях киргизской степи эти циновки, которые киргизы тоже не зо-

¹ Н. М. Пржевальский. Третье путешествие в Центральной Азии. СПб., 1893, стр. 37—38.

² Г. Н. Потанин. Тангут-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. I. СПб., 1893, стр. 146.

³ Там же, стр. 405.

вут иначе, как «чий», уже, на юге степи шире. Такими циновками одевается обыкновенно нижняя цилиндрическая часть киргизской юрты... Эти же циновки употребляются при катании войлоков. Китайцы из дэ-рисуна плетут ковши, уполовки и другую утварь⁴.

В монгольском языке слово *дэрэсүйн* известно с XIII в. В этой форме оно встречается и в «Сокровенном сказании» (§ 249), *үндүр дэрэсүйн-үй нэмүрэ* 'укрытие из высокого чия', которое делают гангуты, разводящие верблюдов. В тибетском сборнике изречений XIII в. Сакья-пандиты («Субхашитаратнанидхи») говорится: *дэрэсүд-и камтудкабасу бэр гэр-үйн ниругун тэскүй-э бэркэ* 'Если даже соединить много (стебельков) дэрисуна, трудно (представить, что они могут) поддержать бревно (крыши) дома'⁵. Здесь монгольское слово соответствует тибетскому *рци-ркьянэ*; в связи с этим Дж. Е. Боссон цитирует словарь Чойчжидагвы, в котором данное тибетское словосочетание объясняется как «сорт травы» и далее приводит слово *рци'у* — «*Panicum italicum*» из словаря Даса и *рци-ргод* — *дэр-су* — «*Stipa splendens*» из словаря Ишидорчжи⁶.

Определить точное ботаническое значение названий растений не всегда удается, порой одно и то же название может получить различное толкование. В нашем случае пятиязычный словарь Ути Цинвэньцзянь дает следующие ряды соответствий:

маньчж. *хонтоба* — тиб. *рци-ргод* — монг. *чигирсүй* — туркм. *чай* от — кит. *махуанцао* (4003); то же тибетское словосочетание соответствует и маньчж. *дэрэсу*, монг. *дэрэсүй* и туркм. *чыг* (3996), а монг. *чигирсүй* имеет еще следующие соответствия: маньчж. *чжичжири орко* — тиб. *сньюг-рцва* [*смыюг* 'камыш'] — туркм. *ақ мысыл* — кит. *бао* (3994), далее маньчж. *дэрхи орхо* — тиб. *рци-ргод* — монг. *чигирсүй эбэсүй* — туркм. *бөйрә от* — кит. *сицао* — маньчж. *нисиктэ* — тиб. *дэ-пхо'и мчжуг-ма* — *ғурғуул-ун сэгүл* — туркм. *нэфиз от* — маньчж. *дэбэйэ орхо* — тиб. *рци'у* — монг. *дэбэй-э эбэсүй* — туркм. *қамуш от*. Кроме того, слово *дэрэсүй* фигурирует и в сочетании *көкөгэ-йин дэрэсүйн* — маньчж. *гийархун йаса* — тиб. *кху-бьюг-рцва* — туркм. *қуш көз* — кит. *шисунта* (4012—4013).

По Ковалевскому *дэрэсүй(н)* 'степной ковыль' соответствует тиб. *чжаг-ма*, а *жэрлиг дэрэсүйн* 'дикий дэрэсун' — тиб. *чжаг-ргод* 'хвош' (Ковалевский, III, стр. 1769—1770); другое значение — «степной ковыль, из которого делаются шляпы», монг. *сули* отождествляется с тиб. *рци-ргод пхран-мо* (Ковалевский, II, стр. 1399).

Из этих сопоставлений становится совершенно ясным только то, что речь идет о разных, но тем не менее сходных в чем-то растениях: некоторые из них имеют одну общую черту — они одинаково удобны для изготовления циновок и т. п.

Монгольское название растения *дэрэсүйн*, упомянутое и Н. М. Пржевальским, и Н. Г. Потаниным, известно также в живых монгольских языках и диалектах:

калм. *дэрсн* (Рамстедт), бур. *дэрэс (!)*, разговорная форма *дэрһэ(н)* 1. бот. 'чий' (вид степного ковыля); 2. атрибут книжн. 'соломенный' (о шляпе) (К. М. Черемисов, Бурятско-русский словарь. М., 1974), халх. *дэрс(эн)* 'чий блестящий' и *дэрсэн хор* 'ковыль опьяняющий' (Лувсандэндэв. Монгольско-русский словарь. М., 1958; см. также: Я. Цэвэл. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улан-Батор, 1966, стр. 229), ордос. *дэрүсүй*

⁴ Н. Г. Потанин. Указ. раб., стр. 399—400.

⁵ Будапештская рукопись, л. 26а, стихи 84 cd, изд. Лигети.

⁶ J. E. Bosson. A Treasury of Aphoristic Jewels. Bloomington, 1969.

~ *дэрэсү* ~ *дэрэс* «*lasiagrostis splendens*» (Мостарт), баарин. *дерес* 'тростник, камыш' (Чингэлтэй), даг. *дерес* 'тростник' (Муромский), *дэрэзу* 'циновка' (Ивановский), *дересе* 'Stipa (род. камыша, из которого плетется утварь)' (Мартин; см. Калужинский в RO XXXIII, 1970, стр. 122), мгр. *дьересе* 'род высокого злакового растения, распространенного в степи' (Де Сметт и Мостарт).

Из монгольского заимствовано маньчжурское *дэрэсу* 'род ковыля, похожего на тростник, *дархува* с тонким и белым стеблем, из которого плетут шляпы' (Захаров, стр. 809—810; велярная форма *дарасу*, стр. 794).

Монгольское слово *дэрэсүн* отчетливо расчленяется на три морфемы: корень *дэрэ* + словообразующий суффикс *сү* + номинальный *н*. Суффикс *сү/сүй* чаще всего именной, *дэрэ* — также именная морфема, принадлежащая, по всей вероятности, к кругу таких древних тюркских элементов монгольского языка, как *укэр*, *бирагу*, *кураган*, *арийа*, *икирэ*, *бора*, *уран*, *обэр*, *сэрэ-удури* и т. п., в которых вместо тюркского *z* стоит *p* (см. тюрк. *okuz*, *buzaу*, *qozу*, *azyу*, *ikkiz*, *boz*, *uz*, *öz*, *sāz*-, *uduz*-).

В этом же случае старомонгольской формой сохранен двухсложный корень, перешедший из древнего тюркского «диалекта». Нами же в источниках обнаружена пока только односложная тюркская форма редко встречающегося слова *jez*, о котором Дж. Клосон пишет следующее: «*йёз*, вид растения..., обнаружено только в нижеприведенных примерах в тюркском, ..., уйг. *йез*... ТТ УП 24, ..., Махмуд Кашгари *йёз* — араб. *ал-қайсұм* 'божье дерево', — *Artemisia abrotanum*, растение тоньше (*адаққ*) и красивее камыша (*ал-қасаб*); занавеси и параваны (*ал-қирām ва'л-сутра*) делаются из него кочевниками» (ED, 982). (В «Древнетюркском словаре» слово читается *jiz* и переводится 'тростник'). Оно встречается и в дунхуанской рукописи собрания Штейна (Британский музей, Ms Or. 8212:109, стк. 1146, текст готовится к изданию П. Циме и Д. Кара): *йиз-чй йлгйльг оот* 'огонь (или пламя) размером с чия' (следующее сопоставление, стк. 1149, гласит: *қыл-ча тәнглиг* 'подобный волосу').

Монгольское *дэрэсүн* также обогащает число слов с соответствием монг. *д* ~ тюрк. **d* ~ *j* ~ *ž*, как, например, *дегесүн*, *деленг*, *дағари*, *дайир*, *дйүри*, *дайин*, *домағ*, *далда*, *долийа* и т. п., тюрк. *jip*, *jälin*, *jaугу*-, *jaууг*-, *jü:z*, *jaуу*, *jotak*, *jaš*-, *jalуа*- и т. п.

Таким образом, вопреки «ботаническим» разночтениям, приводившимся выше, нет сомнения в том, что монгольское *дэрэ-сүн* связано с тюркским корнем *je:z* ~ **dere*.

Что же касается современного соответствия семантики монгольского *дэрэсүн* и т. п. и тюркского *сүу* 'чий блестящий' и т. п., то тюркское слово (зафиксированное в памятниках и в нескольких современных тюркских языках, и как заимствование, встречающееся в среднемонгольском, новоперсидском, хиндустанском, английском и русском языках) также употреблялось в разных значениях — 'травянистое растение' → 'циновка' и т. п. (см.: Дёрфер, ТМЕ, III, № 1155 и Клосон, ED, 404). Любопытно, что уже Махмуд Кашгари дает одно из вторичных значений слова: «плетеный занавес..., сделанный кочевниками из божьего дерева» (см.: Клосон. Указ. раб.). Это то же самое «божье дерево», что и *je:z*, то есть, по всей вероятности, чий блестящий, или похожее на него травянистое растение.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. Е. МАРТЫНЦЕВ

ОБ ОСОБЕННОСТИ СТРОФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ СТИХОВ ЮНУСА ЭМРЕ

Образцы тюркского *аруза*, анализируемые с целью обнаружения в языке возможностей для освоения арабо-персидского стихосложения, рассматриваются обычно как уже канонизированные тексты, где имеющиеся отклонения от нормы только подтверждают сложившиеся правила¹. При этом редко принимается во внимание вероятность существования доканонических текстов, некоторые черты которых могли бы дать новые данные о развитии *аруза*.

В этом плане представляют интерес особенности рифмовки в стихах Юнуса Эмре (малоазийского поэта конца сельджукской эпохи), не укладывающиеся в рамки нормативной поэтики.

В произведениях, написанных многостопными размерами, Юнус Эмре всегда пользовался дополнительной внутренней рифмой, позволявшей представить бейты в виде четверостиший. Например:

CVI	<i>Ben yürürem yana yana</i>	a
	<i>Aşk boyadı beni kana</i>	a
	<i>Ne âkılâm ne divâna</i>	a
	<i>Gel gör deni aşkneyledi²</i>	x

‘Я брожу, страдая и сокрушаясь,
Любовь обагрила меня кровью.
Я не разумный, не сумасшедший.
Приди, взгляни, что сделала со мною любовь’.

Подобная форма порождает вопрос о жанровой природе произведений Юнуса Эмре.

Для тюркоязычного стихосложения характерны два жанра, имеющие одинаковый способ рифмовки. Это — **мюстезад газель** как формальная разновидность жанра газели со схемой рифмовки:

_____	a
_____	a
_____b_____	b
_____b_____	a

¹ И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI в. М., 1971; Х. Усманов. К характеристике ритмического строя тюркского стиха. НАА, 1968, № 6, стр. 93—103.

² Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyya ve Divan. Abdülbâkî Gölpınarlı. Önsöz—Lügat—Açılama. İstanbul, 1965. Римскими цифрами обозначены номера газелей. Транскрипция издания сохранена без изменений.

и кошма, где в первом четверостишии возможна рифмовка:

_____x	_____a	_____a
_____a или	_____a или	_____b
_____z	_____a	_____a
_____a	_____b	_____b

а во втором обязательно:

_____↓ b	_____↓ c	_____↓ c
_____b	_____c	_____c
_____b	_____c	_____c
_____a	_____b	_____b

Возможность использования Юнусом Эмре формы мюстезад газель вызывает серьезные и обоснованные сомнения. В первых бейтах, где рифмуются только строки, он нередко применяет схему *a b a b* или *a a x a*:

XLIX	<i>Eger gerçek aşikisan</i>	a
	<i>Boynundagi menşur nedür</i>	b
	<i>Hak yolına sadıkisan</i>	a
	<i>Yanlı şonu tezvîr nedür</i>	b
	‘Если ты действительно любишь, Суетные заботы к чему? Если ты верен пути истины, Ложь и заблуждения к чему?’.	
CXVIII	<i>Gözüm seni görmek için</i>	a
	<i>Elüm sana irmeg için</i>	a
	<i>Bugün canum yolda kodum</i>	x
	<i>Yarın seni bulmag için</i>	a
	‘Мои глаза — чтобы видеть тебя, Мои руки — чтобы коснуться тебя. Я сегодня отправился в путь, Чтобы завтра найти тебя’.	

Зачастую рифма при постоянном монориме используется непоследовательно, то есть рифма в одном, а иногда в двух бейтах (или четверостишиях) опускается:

XCI (четвертый бейт)	
<i>Gördüm gökün melekleri</i>	
<i>Herbiri bir işdeyimiş</i>	
<i>Hak çalabun zikrin ider</i>	
<i>İncîl u hem kur'an benem.</i>	
‘Я видел небесных ангелов, Каждый из них занят своим делом. А мой (удел) — повествующие об истинном боге (и) Священное писание и Коран’.	

Необходимо отметить, что аналогичные строфические формы использовал также Султан Велед:

Sini nise severem
Yüz cân gibi dilerem.
Ola ki kolay gele
Sinün olavam bir gün³.
 ‘Я так тебя люблю.
 Я жажду, как сотня душ.
 И случится, с божьей помощью, что
 Когда-нибудь я стану твоим’.

³ «Sultan Veled'in türkçe manzumeleri». Yayınlanan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu. İstanbul, 1958, стр. 32.

Подобные нарушения схем рифмовки не были характерны для средневековой поэзии с ее строгой иерархией жанров и литературным этикетом⁴.

Было бы заманчиво объяснять возникновение подобных строфических форм влиянием народной поэзии. В. А. Гордлевский, например, упоминал народные песни со схемой рифмовки *aaхb* и определял подобные конструкции как «искажение основного типа строфы, забытой в устах простолюдина»⁵. Однако в нашем случае говорится об авторской поэзии, что исключает подобную трактовку, к тому же наблюдение В. А. Гордлевского относится к тому периоду, когда в турецкой народной поэзии под влиянием книжной литературы, или независимо от нее, уже мог начаться процесс разрушения традиционных форм. Поэтому мнение В. А. Гордлевского, вероятно, не может быть применено к произведениям сельджукской эпохи, хотя в целом нельзя исключить возможность использования Юнусом Эмре приемов народной поэзии. Например, о сознательном применении им форм народного стиха писал Ст. Рымкевич⁶. Существует точка зрения, что Юнус Эмре находился под влиянием Ахмада Есеви⁷ и мог поэтому вводить в свои произведения его приемы строфического оформления. Однако Ахмад Есеви последовательно придерживался народной строфики и принципов силлабического стихосложения.

По-видимому, отмеченные нарушения традиционных строфических форм в равной степени могут быть объяснены либо несоблюдением норм жанра мюстезад газель, либо влиянием народного стихосложения. Характерно, однако, что, пользуясь одиннадцатисложником, Юнус Эмре не прибегал к четверостишиям, строфически оформляя стихи только как бейты:

CXLIV *Aşık oldum erene irmegile
Hakkı buldum er yüzine görmegile*

*Ere irdüm erde buldum maksudum
Bulmadum taşradan sormagıla*

*Her yire bakdumisa er oturur
Gönlin aldum yüz yere şürmegile.*

‘Я стал любящим, придя к сподобившемуся,
Я обрел истину, глядя в лицо сподобившемуся,

Я слился со сподобившимся, я нашел в нем желаемое.
Я не мог найти (этого), ища в других местах.

Куда бы я не посмотрел, (всюду) присутствует сподобившийся (муж).
Я получил его сердце, обойдя сотни мест’.

Приведенный отрывок имеет традиционную для газели схему рифмовки: *aa ba ca* и т. д. Это относится и ко всем одиннадцатисложным стихам Юнуса Эмре, где не удается усмотреть какое-либо влияние народной силлабической поэзии, что, с одной стороны, дает основание говорить об общей ориентации на *аруз* стихов Юнуса Эмре, а с другой — оправдывает предположение об использовании Юнусом Эмре не предусмотренных поэтической нормой форм рифмовки:

1. Стихи, написанные симметричными стопами, особенно шестнадцатисложники, где чаще всего появляется внутренняя рифма, вероятно, вос-

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 112—113.

⁵ В. А. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней. — «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 79, стр. 15.

⁶ St. Rymkiewicz. Beitrag zur Entwiklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur. R. O. T., XXVII, z. I. Warszawa, 1963, стр. 49.

⁷ C. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968, стр. 357—558.

принимались Юнусом Эмре как монотонные ряды. Здесь уместно было бы упомянуть «рифмовый коэффициент», о котором писал В. М. Жирмунский, связывая повышение ритмообразующей потенции рифмы с ее количественным отношением к стихотворной строке⁸. Вводя внутреннюю рифму, Юнус Эмре резко выделял паузу в середине строки и клаузулу, не обозначенную рифмой в нечетных строках, что способствовало восприятию бейта как ритмического и композиционного единства. Однако нерегулярность внутренней рифмы и присутствие ее лишь в отдельных бейтах даже в рамках одного произведения показывают, что она не являлась обязательным атрибутом композиции, существование которой можно было бы предположить.

2. Стихи Юнуса Эмре, вероятно, не обладали достаточно четким ритмическим рисунком, то есть противоречие между метром и эмпирическим стихом было настолько велико, что, с учетом только условных признаков аруза, текст, по-видимому, не всегда мог восприниматься как поэтический. В этом случае внутренняя рифма служила дополнительным сигналом его поэтической принадлежности и участвовала в создании эмпирической реальности стиха, помимо абстрактного конструкта.

Следует также подчеркнуть насыщенность религиозной символикой и высокую информативность поэзии Юнуса Эмре по сравнению с более поздними образцами тюркского аруза, что, видимо, в известной степени также обуславливало большую свободу в построении текстов ради достижения необходимой выразительности.

⁸ В. М. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923, стр. 39.

Н. АЙЗЕНШТЕЙН

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛИТЕРАТУРНЫМ ПАМЯТНИКОМ АНАТОЛИЙСКИХ СЕЛЬДЖУКОВ «ЖИТИЕ БАХАЭДДИНА ВЕЛЕДА»

(ИЗ «ЖИЗНЕОПИСАНИЙ СВЯТЫХ» А. ЭФЛЯКИ)

Историю Османского государства, как и историю турецкой литературы, по традиции принято начинать с XIII века. Известно также, что Иконийский султанат, то есть сельджукское государство в Малой Азии, просуществовал до начала XIV в. Мнения ученых сходятся на том, что турки-османы унаследовали от сельджукидов Рума многое — государственный строй, формы правления, отдельные институты и т. д. И именно сельджуки составили основной этнический, общественно-политический и культурный пласт при формировании турецкой народности.

Возникает вопрос: почему турецкое и европейское литературоведение не видит в литературном наследии сельджуков органическую часть турецкой литературы?

Причина этого прежде всего заключается в том, что письменная литература сельджуков была персоязычной. Следовательно, в истории турецкой литературы, точнее в ее предыстории, был этап (сельджукский), когда письменная литература существовала на чужом персидском языке. Нечто подобное имело место и в некоторых литературах Дальнего Востока¹.

После падения сельджукского государства сельджукская литературная традиция в Малой Азии продолжала еще какое-то время существовать, затем постепенно сошла на нет, и письменная литература тюрк-османов начала формироваться, можно сказать, заново. Литературным языком становится так называемый староанатолийский (огузский язык). Вероятно, поэтому памятники сельджукской литературы именуются турецкими учеными «местными источниками по истории анатолийских сельджуков»², «произведениями на персидском языке, написанными в Анатолии»³ и т. д.

Однако следует сказать, что турки-османы все же унаследовали сельджукскую литературную традицию, хотя и не сразу. Литература тюрк-османов в XIII в. была еще, видимо, не подготовлена к восприятию и усвоению более высоких эстетических ценностей, что произошло уже

¹ См.: Н. И. Конрад. О второй части II тома «История всемирной литературы» (рукопись. Личный архив ученого).

² М. Ф. Köprülü. Anadolu'da Selçuklar tarihinin yerli kaynakları. Belleten, 1943, cilt VII.

³ A. V. Ateş. V—VIII (XII—XIV) Asırlarda Anadolu'da yazılmış farsça eserler. — «Türkiyat mecmuası», cilt VII—VIII, стр. 2.

позднее — в XIV—XV веках. И потому истоки турецкой литературы восходят не только к устной тюркоязычной (огузской) литературной традиции, но и к персоязычному наследию анатолийских сельджуков.

В этой связи весьма справедливым представляется утверждение советского ираниста А. Н. Болдырева, что персидский язык «подготовил почву для возникновения в более позднее время новых литературных языков, в том числе и турецкого»⁴.

Особое место в эпоху средневековья занимает такой жанр, как «жития святых», широко распространенный и в христианских, и мусульманских странах.

«Жития святых» имели вполне определенную функцию. «Основная цель „житий“ — путем возвеличивания „чудотворцев“ привлечь к монастырям новых богомольцев...»⁵. Этот тезис был сформулирован применительно к русской житийной литературе. О «пропагандистской» функции «житий» говорит и турецкий ученый М. Ф. Кёпрюлю⁶.

Во всех странах у житий была ярко выраженная религиозная направленность; они выполняли конкретную социальную внелитературную функцию. Однако это были в то же время и художественные произведения, имевшие определенное эстетическое значение. Следует отметить, однако, что создавались они на разном художественном уровне — рядом с подлинными шедеврами существовало множество второстепенных, подражательных произведений с разным соотношением житийной части и реального жизненного содержания.

Все это дает основание подходить к памятникам житийного жанра как к специфическому художественному жанру со своей характерной структурой и соответствующими компонентами.

В последнее время в отечественном литературоведении намечается интересный, на наш взгляд, аспект изучения агиографических сочинений, основанный на литературной функции житий. Его сторонниками прослеживается отражение в произведениях подобного жанра нравственных, духовных, эстетических идеалов средневековья, воплощение в образах святых представлений об идеальном, по понятиям того времени, человеке.

Именно в этом аспекте мы и рассматриваем произведение А. Эфляки.

Сведения об авторе книги «Жизнеописания святых ордена вертящихся дервишей» А. Эфляки очень скудны. Известно лишь, что он был одним из образованнейших людей своего времени. Особенно он преуспел в «науке о звездах» и потому получил прозвище *Эфляки* (от *фелекийет* — космогония, астрономия). «Может быть, он и не турок», — писал о нем В. А. Гордлевский⁷. К ордену *мевлеви* Эфляки, видимо, имел самое прямое отношение и свою книгу начал писать по указанию настоятеля мевлевийской обители шейха Улу Ариф Челеби в городе Конии в 1318 г.

Еще недавно город Кония, красота которого приводила в восторг даже византийцев, был столицей сельджукского государства.

В 1243 г. в Малую Азию вторглись монгольские племена, и это положило конец самостоятельному существованию Иконийского султана. Однако Кония еще долго продолжала оставаться центром сельджукской культуры и литературы. В традициях сельджукской литературы, на наш взгляд, написано и сочинение Эфляки.

⁴ А. Н. Болдырев. Литература Ирана. — В кн.: «Краткая история литератур Ирана. Афганистана, Турции». Л., 1971, стр. 22.

⁵ См.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966, стр. 25.

⁶ М. Ф. Köprülü. Указ. раб.

⁷ В. А. Гордлевский. Государство сельджуков в Малой Азии. М.—Л., 1942, стр. 10.

В отличие от других произведений подобного рода, как мусульманской, так и христианской литературы, в книге Эфляки выведены лица реально существовавшие. Среди них — основатель ордена мевлеви, «султан улемов» Бахаэддин Велед, великий поэт и мыслитель Джелалэддин Руми, его сын поэт Султан Велед и др. Всего сочинение Эфляки включает девять жизнеописаний.

Примечательно само начало книги: «Историки и летописцы („да ниспошлет им всевышний успокоение!“) повествуют и рассказывают так...»⁸. Подобным вступлением автор жития как бы отделяет себя от историков и летописцев, но вместе с тем и апеллирует к ним, подчеркивая тем самым достоверность и документальность своего сочинения.

Каждое жизнеописание состоит из отдельных миниатюр. Все они начинаются словами: «рассказывают», «сообщают». Реже автор дает им название — «рассказ». В этом, по-видимому, неосознанном назывании художественного жанра или приема проявляется тот этап создания житий (и не только житий), когда были весьма сильны связи литературы с устной традицией. И действительно, «Житие Бахаэддина Веледа», например, состоит из воспоминаний, рассказов родных и близких к Баха Веледу людей. Конечно, здесь, возможно, сказалось в известной мере и влияние арабской литературной традиции. Некоторые исследователи связывают подобную композицию с влиянием «Диалогов» Платона.

Содержание миниатюр — это эпизоды из жизни святого, рассказы о его благочестии, о сотворенных им «чудесах», а иногда — назидания, поучения.

Одна из особенностей книги Эфляки — тяготение к сюжетности — как в жизнеописаниях, так и в отдельных миниатюрах. Правда, элемент сюжетности не везде выступают с достаточной четкостью, иногда они как бы растворяются в мистических описаниях и эпизодах.

Открывается книга житием Бахаэддина Мухаммеда сына Хатиба Ахмеда из Балха, ведущего свой род от халифа Абу-Бекра. В дальнейшем он именуется Баха Веледом. Это отец Джелалэддина Руми. Житие Баха Веледа — одна из наиболее впечатляющих и завершенных частей в сочинении Эфляки. Автор придал этому житию ярко выраженную беллетристичность. Легендарная фигура святого обрисована здесь реальными жизненными красками, а характерные приметы времени, проповедь суфизма, отголоски антифеодалных настроений придают словесной ткани произведения красочность и полифоничность.

В житии ясно прослеживаются сквозной сюжет и довольно четкая композиция. В произведении присутствуют также все признаки житийного жанра: и т. н. «чудеса», и сбывающиеся прорицания, и мистика, и т. п. Важной особенностью этого сочинения является его откровенная ориентация на сельджукидов Рума. Об этом говорят и сама логика повествования, и содержание отдельных рассказов, и непосредственные высказывания Баха Веледа. Это обстоятельство — один из очевидных аргументов для определения национальной принадлежности памятника.

Начинается житие серией миниатюр, близких по стилю к сказке. В них повествуется о женитьбе ученого мужа из Балха Джелалэддина Хусейна Хатиби из знатного рода Абу-Бекра на принцессе, дочери правителя Хорасана, о рождении у них сына Бахаэддина. Рассказывается и о том, как юный Бахаэддин, преуспев во всех науках, удостоился, как было угодно пророку, титула «султана улемов».

⁸ A. Eflâkî. Ariflerin menkibeleri. Istanbul, 1953.

Вскоре в столице Хорасана — Балхе распространяется молва об учености, мудрости и благочестии Бахá Веледа, «султана ученых». И жители Балха — его знать, а больше простой люд — стали стекаться на его проповеди. Не случайно А. Эфляки очень часто упоминает о проповедях Бахá Веледа. Этот суфий, видимо, в совершенстве владел ораторским искусством, и его слово оказывало большое воздействие на людей. Эфляки рассказывает, что однажды Бахá Велед своей проповедью будто бы даже воскресил мертвого.

Слушателей Бахá Веледа потрясали не только его блестящие импровизированные толкования отдельных положений и сур Корана, не только изображаемые им картины «страшного суда» и уготованной грешникам кары — это соответствовало догмам ортодоксального ислама. Проповеди Бахá Веледа нередко обличали сильных мира сего, обвиняли их в неправедности и несправедливости. Он не щадил и самого султана Хорасана. Суфий Бахá Велед отстаивал идею равенства всех людей перед богом и обращался к земным владыкам, как равный к равным: «Эй, султан призрачной страны! Если ты не знаешь, то знай, я такой же султан, как и ты! Тебя величают султаном эмиры, меня — ученые мужи»⁹.

Подобные публичные выступления привели к тому, что в Хорасане у Бахá Веледа появляются опасные враги: имамы, кадии, ученые и философы. Султану доносят: «Бахá Велед окончательно подчинил себе народ Балха», «Бахá Велед заодно с беднотой и со всяким сбродом». В огромной популярности «султана ученых» султан Хорасана узрел для себя реальную опасность. К Бахá Веледу был послан гонец, передавший ему слова султана о том, что «двум падишахам находиться в одной стране невозможно»¹⁰, на что последовал красноречивый ответ: «Мы — суфии, нам страны и султанаты не потребны». Бахá Велед решает покинуть Балх. Как раз в это время в городе начались народные волнения. Только один человек в Балхе мог погасить искры народного недовольства — это Бахá Велед. И грозный султан Хорасана обращается со смиренной просьбой к «султану улемов»: «утихомирить народ» и отказаться от своего намерения. «Иначе поднимется мятеж», — вынужден признать хорезмшах.

Но Бахá Велед непреклонен в своем решении. Он оставляет Балх, как некогда пророк, покинувший Мекку и отправившийся в Медину. Так начинаются многолетние странствия Бахá Веледа, ученого, пророчателя и «чудотворца», которые приводят, наконец, его к конечной цели — в Малую Азию, государство сельджуков.

Страстные проповеди Бахá Веледа вызывают у правителей разных стран смятение и страх. Прославленного ученого мужа и проповедника пытаются задобрить, задарить. Но Бахá Велед последователен и в своих проповедях, и в своем поведении. «Подношения султанов — вещь недозволенная и сомнительная», — неоднократно заявляет он. С этими же словами Бахá Велед отвергает и подношение самого халифа — три тысячи золотых монет на золотом блюде.

Интересен прием, с помощью которого автор сочинения по-своему комментирует этот смелый, даже дерзкий поступок. Ссылаясь на некую историческую хронику, он дает халифу уничтожающую характеристику: «Говорят, не было среди благородных халифов другого такого тирана, насильника и бесшабашной головы»¹¹. И читатель, таким образом, как бы заранее подготавливается к той страстной обличительной проповеди,

⁹ А. Eflaki. Указ. соч., стр. 10.

¹⁰ Там же, стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 14.

с которой Бахá Велед обрушивается на халифа: «Эй, халиф из рода Аббаса, жаль, что ты не правоверный халиф! Так ли следует жить?»¹².

Бахá Велед наделен в житии даром провидения. Свои прорицания он обращает к султанам тех стран, куда забрасывает его судьба, пророчит им страшные беды. «На тебя пойдут татарские войска, — говорит он хорезмшаху, — они захватят Хорасан и заставят народ Балха вкусить горечь вина смерти. Они перевернут весь мир»¹³. Такое же страшное пророчество тяготеет и над халифом. Бахá Велед провидит и грядущую гибель сельджукской династии. И все предсказания Бахá Веледа, конечно, сбываются. Они настигают неправедных правителей, словно перст божий, в полном соответствии с суфийским учением о добре и зле. Неправедность порождает зло, а зло должно быть наказано — такова его основная концепция.

Идеи социальной справедливости и всеобщего равенства восходят, как известно, к ранним суфийским учениям, когда суфии жили не в ладах с правителями. Но в XIII веке суфизм уже эволюционировал в сторону сближения с ортодоксальным исламом. В эту эпоху было, вероятно, не так уж много проповедников, заходивших в своих обличениях так далеко, как это делал Бахá Велед. Это понимали и современники «султана ученых».

Когда Бахá Велед со своей свитой ученых и мюридов попадает в Багдад, стража задает ему вопрос: откуда они и какого племени? И Бахá Велед, как истинный суфий, изрекает в ответ: «Мы явились от бога и к богу идем. Ни у кого, кроме него, нет ни силы, ни власти. А пристанища у нас не было, и впредь его у нас не будет»¹⁴. Это приводит стражу в замешательство. Дерзкие речи возмущают и повелителя правоверных. Тогда посылают за самым уважаемым шейхом Багдада. Тот, выслушав посланцев, дает следующее разъяснение: «Так мог сказать только Бахá Велед. В наш век никто подобных слов не говорит и не пользуется подобным языком»¹⁵.

В житии Бахá Веледа отчетливо прослеживается связь с суфийским учением о равенстве всех людей, восходящая к пантеизму, учением о божественной сущности всего, в том числе и человека, учением о добре и зле, о возмездии за неправедность и несправедливость.

Бахá Веледу присуще трагическое мировосприятие. Его преследуют мысли о гибели государств, правителей народов — гибели мира. Но это не только следствие особенностей мировоззрения суфия. Это реакция на трагизм самой действительности — гибель странам и народам несет Чингисхан со своим воинством. Таким образом, историческая реальность оказывается как бы спроецированной в прошлое для подтверждения прорицания «султана ученых». И в том, что легенда приписывает Бахá Веледу, великому праведнику, предсказание грядущего страшного бедствия — монгольского нашествия, также проявляется «заданность» суфийской концепции.

За идейным содержанием жития стоит не только «святой» Бахá Велед, но и сам автор — Ахмед Эфляки, мыслящий так же, как и его герой.

¹² А. Efláki. Указ. соч., стр. 14.

¹³ Там же, стр. 11.

¹⁴ Там же, стр. 13—14.

¹⁵ Там же.

Все повествование Эфляки строится на едином композиционном принципе — антитезе. Прием контраста призван придать слову, образам, идее произведения силу и убедительность: Бахá Велед — «султан ученых», и как антитеза противостоят ему султаны — правители стран и народов. Бахá Велед — праведник, «святой», а сильные мира сего не праведны и грешны. Бахá Велед — заступник народа, правители — тираны и притеснители. В повествовании прослеживается и еще одна антитеза: правители — народ.

Так, на контрастах построены и смена эпизодов, и само повествование. После серии сюжетных рассказов с пророчествами о нашествии Чингисхана следуют эпизоды, показывающие жестокость монголов. Эти натуралистические описания близки по характеру к документальным записям, хронике. И это тоже делается для контраста. Именно таким образом автор раскрывает свою гуманистическую концепцию, свой протест против нашествия врагов и тирании.

Протест против тирании проходит через все произведение красной нитью. Иногда это лишь одна фраза, слово, но автор придает им взволнованное и тревожное звучание. Например, рассказ о Джелалэддине, шахе Хорезма, о его неудачном походе в сельджукское государство, автор заключает словами: «Тиран повержен. Народы мира вернулись к жизни. И каждый снова стал рабом всевышнего...»¹⁶.

Интересно отметить, что образ Джелалэддина Хорезмшаха получил у Эфляки иную трактовку, чем у его современников и писателей нового времени (например, у Намык Кемалю). Из истории известно, что последний шах Хорезма Джелалэддин (1220—1231) вначале возглавил борьбу против монгольских захватчиков, но затем сам стал на путь завоеваний, что и привело его к гибели. Правда, некоторые историки объясняют второй период деятельности Джелалэддина недальновидностью его политики¹⁷.

В житии Бахá Веледа заключены две так называемые объективные идеи. Первая из них — резко отрицательное отношение Бахá Веледа к феодальным правителям и даже к самому халифу, сочувствие народным восстаниям. Эта идея воспринимается как некая антифеодальная оппозиция, облеченная в традиционную для средневековья религиозную форму. Другую объективную идею на современном языке можно было бы назвать политической ориентацией автора на сельджукскую династию, на сельджукидов Рума. Именно страна Рум, Малая Азия занимают все помыслы Бахá Веледа. Не случайно автор вкладывает в его уста слова: «Всевышний желает, чтобы нашей родиной была страна Рум и землей нашей — столица Кония»¹⁸.

Только в Малой Азии Бахá Велед находит свой идеал праведного, мудрого правителя и благоденствующий народ. Это сельджукский султан Алаэддин и его подданные. Только здесь странствующий суфий находит себе окончательное пристанище, и здесь пускает корни его учение.

В подобном прославлении сельджукидов можно было бы усмотреть характерное для средневековой литературы восхваление правящей династии. Однако ко времени появления «Житий» А. Эфляки династия Сельджукидов уже сошла с исторической сцены, но сельджукская литература продолжала существовать. И, конечно, такой панегирик в

¹⁶ А. Eflaki. Указ. соч., стр. 13.

¹⁷ «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.». Л., 1958.

¹⁸ А. Eflaki. Указ. соч., стр. 19.

честь сельджукидов Рума мог создать только представитель сельджукской литературы, недовольный окружающей его действительностью.

В заключение хотелось бы привести слова французского ученого Жана Поля Ру: «Мне кажется, что в ближайшем будущем мы должны будем отвести турецкой литературе место более высокое, чем она занимала до сих пор. А для этого нужно только сделать общим достоянием всего лишь несколько наиболее интересных произведений»¹⁹.

Как мы полагаем, к числу именно таких произведений относится памятник сельджукской литературы «Жизнеописания святых» А. Эфляки.

¹⁹ J. P. Roux. La Turquie. Paris, 1953, стр. 140.

М. И. БОРГОЯКОВ

ГУННСКО-ТЮРКСКИЙ СЮЖЕТ О ПРАРОДИТЕЛЕ-ОЛЕНЕ (БЫКЕ)

Как известно, в III в. до н. э. на территории Монголии и Южного Забайкалья образовался военный союз *хунну*, ядро которого составили двадцать четыре племени. Большинство исследователей считают, что гунны в своей основе представляли объединение тюркских племен, возможно, с включением также этнических групп монгольско-тунгусского и кетского происхождения. А. П. Дульзон полагал, что господствующая группа гуннов, соседствовавшая с китайцами, говорила на енисейском (кетском) языке¹.

Количество племен, составивших основу хуннского союза в степях Монголии и Южного Забайкалья, соответствует упоминаемому в тюркском предании об Огуз-хане числу его внуков (24), каждый из которых стал главой племени, названного по его имени².

Возможно, в этом предании нашел отражение хуннский период истории тюркских племен.

Существует предположение, что тотемным животным шаньюйского рода гуннов был бык³. Родоначальником другой группы гуннов считался, по-видимому, олень или волк, на что указывают отрывочные сведения древних авторов и более поздних преданий о происхождении тюрко-монгольских родов.

По сообщению историка Приска, этот «свирепый род» расселился на дальнем берегу Мэотийского озера (то есть на берегу нынешнего Азовского моря). У Иордана приводится следующая легенда о гуннах: «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, **представлялся указующим путь**. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое до тех пор считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась Скифская земля, олень исчез. Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще

¹ А. П. Дульзон. Гунны и кеты (К вопросу об этногенезе по языковым данным). — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук», 1968, вып. 3, стр. 137—142.

² См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1-я. М.—Л., 1952, стр. 85—86; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази. М.—Л., 1958, стр. 50—51.

³ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 83—84.

и другой мир, и приведенные в восхищение Скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее не ведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который узнали, следуя указанию оленя. Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе»⁴.

Из этой легенды следует, что олень, указавший путь гуннам, был в их представлении тотемным животным-родоначальником и его образ связывался с названным озером. Е. Ч. Скржинская пишет, что сюжет об олене (иногда это бык или корова), следуя за которым гуннские охотники перешли Мэотийское болото или Киммерийский Боспор, был широко распространен и повторялся у ряда писателей V—VI вв. (Евнапий, Созомен, Прокопий, Агафий, Иордан)⁵. «Я нашел и такое известие, — писал последний, — что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу...». Е. Ч. Скржинская отмечает, что древние авторы, хорошо представляя фантастичность сказания об олене, в попутных замечаниях выражали скептическое отношение к этому вымыслу⁶.

Далее укажем, что в решающий момент битвы на Каталаунских полях, известной в истории как «битва народов», гуннский вождь Атила обратился с воодушевляющей речью к своим воинам: «...Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен... **Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам**, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных?»⁷.

Е. Ч. Скржинская замечает, что слова Атилы свидетельствуют о том, что гуннский вождь имел в виду глубоко почитаемого прародителя гуннов — тотемное животное (олень, бык, а может быть, и волк), которое, согласно преданию, указало путь в Европу, много столетий остававшийся им неведомым.

Гуннские предания (или мифы), естественно, не могли исчезнуть бесследно. Они продолжали жить в мифах многих народов Евразии, в том числе тюркских. В том же предании об Огуз-хане, получившем широкое распространение среди тюркских народностей, проводником выступает волк. Согласно этому преданию, на рассвете в шатер Огуз-кагана проник луч, подобный солнечному. Из того луча возник сивошерстный, сивогривый большой волк и произнес: «Теперь двигайся с войском, Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу». Следуя на запад по пути, указанному волком, Огуз-каган побеждает своих врагов⁸.

Сюжет о «волке-вожатом» очень близок преданию о происхождении самнитского (древнеиталийского) племени гирпинов (*гирпус* 'волк'). Гирпины пришли на завоеванную ими территорию, ведомые волком («волк, подойдя к нему, стал его спутником и вожатым») ⁹.

⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 90—91.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 271—272 (комментарии).

⁷ Там же, стр. 106.

⁸ А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 37, 46; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 82—84.

⁹ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, стр. 95.

Столь близкое совпадение сюжетов вряд ли можно объяснить типологическим сходством. Сюжет о волке-вожатом из предания об Огузе, видимо, весьма древен и существовал еще в эпоху скифов и гуннов.

В. А. Гордлевский отмечает, что сказания о волке, традиционные для тюрко-монгольских племен, могли быть занесены в Европу кочевниками из Азии. Они оказали влияние и на средневековый европейский эпос. Ал. Веселовский, анализируя предания об Аттиле, обнаружил в них два эпических течения: более старое — гунно-гетское, преломившееся в восприятии мадьяров, «наследников гуннов», и более новое — итальянское (латино-христианское). Для гуннов, гетов и мадьяров Аттила — герой, родившийся в результате сверхъестественного зачатия — от света¹⁰... (Ср.: в предании об Огузе сивогривый волк возникает из луча, подобного солнечному). С другой стороны, согласно преданию, рождение Огуз-кагана связывается с быком. Налицо явное переплетение (смещение) двух древних сюжетов.

Следует также отметить, что гуннская легенда об олене в известной мере перекликается с киргизским преданием о Рогатой матери-Оленихе — прародительнице рода *буга*, записанным еще Ч. Валихановым (XIX в.). Этот древний сюжет использовал Ч. Айтматов в повести «Белый пароход». Изложим его содержание (по А. Алимжанову).

Кара-Мурза и Асан (герои предания), охотясь за оленями в горах Ала-Мышкы, увидели в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьими рогами. Они убили мальчика и схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно рыдала. Предание гласит, что, проклятые рогатой девочкой, Асан и Кара-Мурза не имели потомства. Предводитель Мирза-Кул, к которому привели прекрасную девочку, отдал ее замуж за своего внука Яман-Кула. По преданию, эта родоначальница по имени Муюзбайбиче (Рогатая мать) прославилась своей необыкновенной мудростью. Утверждают, что впоследствии она утратила украшавшие ее рога. Вымыв как-то голову, она приказала служанке вылить воду в такое место, которого не касалась нога человека. Служанка из любопытства, или же не найдя соответствующего места, выпила эту воду и от этого зачала сына, назвав его после рождения именем Джелден ('от ветра')... По сообщению Ч. Валиханова, современные ему киргизы продолжали свято чтить память Рогатой матери и в тяжелые моменты своей жизни приносили ей жертвы, обращаясь к ней с молитвой. Она считается покровительницей озера Иссык-Куль, и дух ее витает над Иссык-Кульской долиной¹¹.

В религиозных представлениях многих народов Евразии важное место занимал образ быка (или коровы, оленихи). Из тюркской мифологии известно, например, что легендарным предком тюркских огузских племен был Огуз-каган (Бык-каган), рожденный Ай-каган от быка. *Огуз* или *буга* (в различных фонетических вариантах) являлся культовым животным-тотемом, название которого стало этнонимом¹². Наиболее убедительное, с нашей точки зрения, объяснение этимологии собирательного этнического имени *огуз* дает А. Н. Кононов, считая его исходной основой *о(о)к* 'род', 'племя' + афф. множ. ч. — *(у) з*. Эта ос-

¹⁰ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. VI, вып. 4, 1947, стр. 330.

¹¹ См.: А. Алимжанов. Трагедия на лесном кордоне. — «Литературная газета» от 8 июля 1970 г.

¹² Различные версии этимологии этнонима *огуз* см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 82—84.

нова находится в прямой связи со старотюркским словом *ög* 'мать', и к этой же основе восходят слова *огул* 'потомство', 'сын' и *огуш* 'сородич'¹³. Корни этого понятия («первопредок», «род») уходят, по-видимому, в глубокую древность.

Пугу (другое название быка. — М. Б.) как одно из поколений племени *теле* упоминается в истории Танской династии (VII—VIII вв. н. э.). Отмечается, что обычай у этого племени в основном те же, что и у *тулю*¹⁴. Этот этноним сохранился у современных киргизов (*бугу*), он бытует также у хакасов (*пуга*): был улус *Пугалар аалы*, то есть «улус рода *Пуга*». Представители этого рода свое происхождение возводили к племени *пугу* (*бугу*). В прошлом у хакасов бытовали мужские имена *Пуга*, *Хара Пуга* и т. д. В енисейской рунической надписи (№ 50 по С. Е. Малову) *Буға* встречается в качестве собственного имени: «Буға эр аты» 'Геройское имя Буға'. Это же имя фигурирует в уйгурских памятниках XII—XIV вв. и в хакасском фольклоре. Культ быка был известен предкам западных бурят. Так, например, ленские буряты считают себя потомками мифических сыновей быка-первопредка *Буха-Нойона*, *Эхирита* и *Булагата*. В бурятской мифологии говорится, что, «задевая небо своими широкими раскидистыми рогами, божественный бык спустился на землю, породил на берегу Байкала двух героев-близнецов, предков бурятского народа, Эхирита и Булагата, а затем встретил своего извечного врага — Черного быка Тайджи-хана. После тяжелой схватки побежденный Черный бык с ревом удалился. Буха-Нойон лег отдохнуть на этом месте и окаменел навеки¹⁵».

Археологические данные свидетельствуют о том, что культ быка у различных племен и народов восходит к глубокой древности. По сообщению М. Д. Хлобыстиной, в Хакасии центральными образами Окуневского искусства (II тыс. до н. э.) выступают женщина-мать и ее тотемный супруг — бык. Роль быка как ведущего тотема на ранних стадиях развития скотоводческих обществ определялась реальной экономической обстановкой эпохи ранней бронзы, когда именно крупный рогатый скот составлял основу хозяйства, костяк стада. Это положение сложилось еще в эпоху энеолита, когда, по-видимому, и утвердилась идея почитания быка. По словам автора, иконографические изображения женщин в сочетании с фигурами быков указывают на связь этих изображений с культом плодородия, с идеей благополучного продолжения рода. Неизменно повторяется образ окуневских стел-мegalитов — лицо женщины, увенчанное бычьими рогами¹⁶. В представлении людей окуневской культуры бык ассоциировался, с одной стороны, с образом Солнца, с другой — с понятиями «вода», «река» и «плодородие», игравшими исключительную роль в жизни древних народов, особенно кочевых. «Нет почти ни одного племени, — пишет М. И. Шахнович, — у которого вода не считалась бы матерью всего живого, целебной, очистительной силой плодородия¹⁷». «Нет воды — нет жизни», — говорили в старину. Поэтому в сознании древнего человека образ быка связывался с источником воды, дающим жизнь. В отдельных случаях понятия «бык» и «река» совмещались в представлении древних — бык обитал в воде, в реке. Отзвуки этого представле-

¹³ Различные версии этимологии этнонима *огуз* см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 84.

¹⁴ Н. В. Кюннер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 40.

¹⁵ А. П. Окладников. Олень золотые рога. М.—Л., 1964, стр. 118—119.

¹⁶ М. Д. Хлобыстина. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства. — В сб.: «Первобытное искусство». Новосибирск, 1971, стр. 170—171.

¹⁷ М. И. Шахнович. Первобытная мифология и философия. Л., 1971, стр. 168—169.

ния можно обнаружить в хакасском эпосе. В поэме «Хан-Кичегей» одноименный богатырь борется с быком-чудовищем, обитающим в большой реке:

Черная великая (большая) река вздулась,
Взволновалась, вышла из берегов.
В момент тот из Черной большой реки
Черный бык вышел.
Рога Черного быка —
Рога-меч, рога-копье.
На Черный хребет (он),
Мыча и ревя, идет...¹⁸.

Одно из древних киргизских преданий повествует о том, что «кыргызы (цзилицисы) ведут свое происхождение с той поры, как сорок девушек земли Хань вступили в брачный союз с мужчинами *усы*... (Народ) *усы* также получил свое имя от названия реки и проживает к востоку от цзилицисы, к северу от реки Цянь-Хе (Кем, то есть Енисей)... все (*усы*) омываются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник»¹⁹. Очевидно, их родоначальником также считался бык (или корова, олень), и представление о нем также связывалось с водной стихией.

Традиционная связь быка с водными объектами ярко проявляется в религиях народов Востока²⁰. Известно, что хакасы (качинцы) и некоторые другие тюркские народы в определенное время года приносили жертву реке: обычно кидали в воду черного бычка, чтобы задобрить «духов» или «хозяина» реки.

Таким образом, имя быка (коровы или оленя) постепенно превращается в этноним, а затем в топоним (гидроним). Это происходит, очевидно, еще в догуннский период, когда бык (или олень) был тотемным животным, давшим название племени, что получило отражение в гуннской мифологии, зафиксированной древними авторами.

Основываясь на данных некоторых письменных источников, а также на бытующих в фольклоре различных тюрко-монгольских народностей мифологических сюжетах и обрядах, можно в какой-то мере реконструировать религиозные представления гуннов и выявить их родство с далекими предками некоторых современных тюркоязычных народов.

¹⁸ См. сб.: «Алтын Арыг» (на хак. яз.). Абакан, 1958, стр. 196—197.

¹⁹ Е. И. Кычанов. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. — «Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук», т. V, вып. I. Фрунзе, 1963, стр. 59—60.

²⁰ См.: Б. Андрианов. Бык и змея (У истоков культа плодородия). — «Наука и религия», 1972, I, стр. 49.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. Н. ДЖАНАШИЯ

О ДИСТРИБУЦИИ ПРОДУКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАУЗАТИВА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Академик А. Н. Кононов, говоря о ближайших задачах советской тюркологии, указывает на необходимость совершенствования методов и приемов описательного исследования грамматики тюркских языков¹.

В связи с этим представляется небезынтересной дальнейшая разработка правил выбора показателей при образовании второобразных каузативных форм глагола в турецком языке.

Как известно, формы каузатива образуются путем присоединения к исходной основе одного из семи показателей, часть которых выступает в фонетически обусловленных вариантах. Эти показатели рассматриваются нами как алломорфы единой морфемы каузатива.

В плане содержания противопоставление некаузатив — каузатив можно интерпретировать как различие между «делать что-либо» и «вызывать это действие» или «быть его причиной»².

У разных авторов правила выбора показателей различны. Предлагая свои правила дистрибуции, они не вскрывают слабых сторон старых правил, вызвавших необходимость разработки новой схемы. Однако, чтобы возможно полнее оценить существующие схемы, необходимо подробно разобраться в их достоинствах и недостатках.

Поскольку правила Ю. Немета и Ж. Дени, хотя хронологически и относительно старые, имеют, в определенном смысле, некоторые преимущества перед остальными правилами, представляется целесообразным рассмотреть их после предложений других авторов, ибо предлагаемая нами схема выведена из их двух схем.

Начнем со схемы В. А. Гордлевского: «А. От односложных основ — *-дыр, -дир, -дур, -дёр*: ... Б. От многосложных основ с конечными согласными — *-дыр, -дир, -дур, -дёр*: ... В. От многосложных основ с конечным гласным — *-т*: ... Многосложные с конечными согласными звуками *Р* и *Л* образуют причинительный залог приставкой *-т*: ... Некоторые первообразные основы представляют особенности: А. Иногда односложные

¹ А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского Комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 8.

² Т. Я. Елизаренкова. Опыт синхронического анализа палийского глагола. — «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 142; см. также: А. Г. Шанидзе. Глагольная категория акта и контакта на примерах грузинского языка. — «Известия Академии наук СССР», т. V, вып. 2, М., 1946; Н. Н. Джанашия. Некоторые вопросы морфологии турецкого глагола. — «Труды Тбилисского государственного университета», т. 116. Тбилиси, 1965; *его же*. Исследование по морфологии турецкого глагола. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1970, стр. 12—13; Б. А. Серебренников. О залоге в финно-угорских и тюркских языках. — «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 68—70; ср. однако: И. В. Кормушин. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 65.

основы (преимущественно с конечными шипящими и зубными) образуют причинительный залог приставкой *-ыр, -ур, -ур, -ўр* (реже *-ар, -ер*). Б. Иногда при односложных основах употребляется приставка *-ыт...*³.

В этой схеме нет последовательности уже между первыми двумя правилами. Если *-дыр* и т. д. образуют «причинительный залог» от односложных и многосложных основ с конечными согласными, то нет необходимости это положение фиксировать в двух отдельных пунктах; логичнее совместить их в одном пункте. Далее, исходя из арабского письма, В. А. Гордлевский не выделяет фонетических вариантов (*-tx⁴r*), употребляющихся при строго определенных условиях. Но (*-dx⁴r*) употребляется как при односложных, так и многосложных основах, а это значит, что распределение алломорф не зависит от количества слогов и поэтому последнее не может выражать функцию определителя правил распределения. В пункте Б отмечается, что от многосложных основ с конечными гласными «причинительный» залог образуется посредством примыкания *-т*. Это, конечно, правильно. За этим следует также верное утверждение, что *-т* выступает показателем той же формы для многосложных глаголов с конечными согласными звуками *Р* и *Л*. Вряд ли можно возражать против того, что, если в двух случаях наблюдается одинаковая картина, то их следует подвести под одно общее правило.

Во втором пункте А говорится, что «иногда» односложные основы (преимущественно с конечными шипящими или зубными) образуют «причинительный залог» посредством «приставок» *-ыр, -ур, -ур, -ўр* (реже *-ар, -ер*). Однако при формулировании правила едва ли оправдано исходить из принципа, опирающегося на «иногда».

Высказанное здесь замечание относительно шипящих и зубных звуков также не внесет необходимой ясности, ибо можно привести не один односложный глагол, даже с конечным шипящим или зубным, от которых указанные аффиксы не образуют нужной нам формы. Из сказанного следует, что использование этих аффиксов вовсе не зависит от качества конечных согласных. То же самое следует сказать и о втором пункте Б, также построенном на принципе «иногда» и требующем уточнения. Дело в том, что это кажущееся исключение в действительности представляет собой строгое правило и образует интересующую нас форму не «иногда», а от определенного числа глаголов, вне зависимости от количества слогов.

Одна из более поздних схем построена значительно последовательнее и состоит из пяти пунктов⁴: 1) *-dir, -dir, -dūr, -dur* при гласных и звонких согласных, *-tir, -tir, -tūr, -tur* при глухих согласных: а) от большинства односложных основ (за исключением ряда основ на *ç, ğ, ş, t, y*); б) от многосложных согласных основ (за исключением основ на *l, r*); 2) *-t* — для многосложных гласных и многосложных согласных основ на *l* и *r*; 3) *-ir, -ir, -ūr, -ur* — для большинства односложных основ, оканчивающихся на *ç, ğ, ş, t, y*; 4) *-ar, -er* — фонетический вариант аффикса *-ir, -ir ...* — встречается в ограниченном числе односложных глаголов; 5) *-it, -it, -ut, -ūt* — для ограниченного числа основ, оканчивающихся чаще на *k*.

Начнем с того, что (*-tx⁴r*) и (*-dx⁴r*) следовало разместить по отдельным пунктам в силу того же принципа, на основе которого выделены другие пункты. В подпункте «а» пункта I говорится, что суффиксы, перечисленные в этом пункте, употребляются при **большинстве** односложных основ, за исключением **ряда** основ на *ç, ğ, ş, t, y*, и дается примечание

³ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 34—35.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 114.

«см. ниже». Ниже же в пункте 3 отмечается, что суффиксы этого пункта употребляются при **большинстве** односложных основ, оканчивающихся на *ç, ğ, ş, t, y*. Однако правила, построенные на подобных положениях, всегда нуждаются в уточнениях. К тому же, когда критерием решения вопроса становятся такие определения, как «ряд» и «большинство», по-видимому, лучшим способом уточнения является приведение полного списка соответствующих глаголов, тем более, что подобный метод, уже использованный Ж. Дени, принес вполне приемлемые результаты.

Согласно схеме американских авторов, распределение интересующих нас алломорф выглядит следующим образом⁵: 1) $-x^4r$ — в основном для коренных глаголов; 2) $-dx^4r$ — как для корней, так и для основ; 3) $-x^4t$ — для корней и для основ, а чаще всего — после каузативных основ.

Данная схема, безусловно, заманчиво проста, однако она, к сожалению, имеет множество неточностей. В ней исходными пунктами являются корни и основы. Однако, если, например, каузатив от корней могут образовывать суффиксы всех трех разрядов, то это обязательно означает, что распределение не зависит от данных корней и основ. Кроме того, в этой схеме вовсе не фигурируют алломорфы: $(-tx^4r)$, $(-x^2r)$, $(-t)$.

Следующая схема принадлежит Г. Д. Гылыбову и состоит из пяти пунктов⁶: 1) $-dir, -dîr, -dur, -dûr, -tir, -tîr, -tur, -tûr$: а) для односложных корней, оканчивающихся на гласные и звонкие согласные, б) для односложных корней, оканчивающихся на глухие согласные, в) для многосложных корней, оканчивающихся на звонкие согласные, за исключением $-l$ и $-r$, г) для многосложных корней, оканчивающихся на глухие согласные; 2) $-t$ — для многосложных основ, оканчивающихся на гласный и на согласные $-l, -r$; 3) $-ir, -îr, -ur, -ûr$ — для большинства односложных основ с конечными *ç, ğ, ş, t, y*; 4) $-ar, -er$, являясь фонетическим вариантом $-x^4r$, употребляется для нескольких односложных глаголов; 5) $-x^4t$ — для нескольких односложных глаголов с конечным *k*.

Противоречия имеются и в этой схеме. Начнем с того, что $(-tx^4r)$ и $(-dx^4r)$ следовало выделить в отдельные пункты. Далее, сфера влияния указанных суффиксов представлена слишком дробно — четыре правила вместо двух. Нуждается в уточнении и правило относительно $-x^4r$, ибо если оно исходит из количества глаголов, то излишне ссылаться на группу определенных согласных, ибо от глаголов с тем же окончанием каузатив может образоваться и посредством других суффиксов. Нет смысла также говорить о количестве слогов, если от этого не зависит правило распределения, как это происходит с $(-x^2r)$, так как, помимо всего прочего, это приводит к разрастанию правила, становящегося при этом трудно усваиваемым, тем более, что оно не соответствует реальной картине.

Схема, предложенная А. Н. Кононовым в 1956 г., отличается от его же схемы 1941 г. лишь первым пунктом⁷.

Значительно больше противоречий в схеме Г. Кислинга: 1) $-t$ — для многосложных основ с гласным окончанием; 2) $-t$ — для основ с конечными *l* и *r*; 3) $-t$ — для вторичных каузативных форм на *r*; 4) $(-dx^4r)$ после *f, p, ş, ç, k, h, s*, естественно $(-ti^4r)$: а) после односложных основ с гласным окончанием, б) после многосложных глаголов (без определенной закономерности), в) после возвратных и взаимных глаголов, г) в

⁵ C. F. Voegelin and M. E. Ellinghauzen. Turkish Structur. JAOS, 63, 1943, стр. 53.

⁶ Г. Д. Гылыбов. Турска граматика. София, 1949.

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 201.

виде вторичного каузатива после *-t*; 5) *-ar, -er* — после редких, но часто употребляемых глаголов; 6) *(-x⁴t)* — от различных односложных основ⁸.

Отметим, что разделение сфер влияния (*-t*) на три пункта ничем не оправдано. Пункты 2 и 3 фактически не отличаются друг от друга — в обоих случаях решающим фактором является наличие *r*, а не вхождение его в состав каузативного суффикса. Морфологический состав и количество слогов не связаны с правилами распределения. Что же касается пункта 6, то он вообще вне всякой критики.

М. Эргин в своей схеме выделяет следующие показатели: 1) *-r*; 2) *-t*; 3) *-di⁴r, -ti⁴r*; 4) *-dar, -der*; 5) *-ar, -er*; 6) *-gir, -gür*; 7) *-z*⁹. Из этой схемы видно, что автор не разграничивает разные хронологические срезы языка и, кроме того, наряду с данными литературного языка привлекает и показания диалектов.

В отношении *-r* М. Эргин отмечает, что он употребляется при некоторых глаголах с согласным окончанием и чаще всего с конечными *ç, ş, t*.

Касаясь правила употребления *-t*, М. Эргин пишет, что этот суффикс выступает в многосложных глаголах с гласным окончанием, чаще при глаголах с конечными *r* и *l* и частично при глаголах с *k, q, p, ç, m*. Автор заключает, что для суффикса *-t* не существует строгого правила распределения.

Относительно распределения следующих суффиксов *-di⁴r, -ti⁴r* автор пишет, что они употребляются при односложных глаголах с гласным окончанием и при всех глаголах с согласным окончанием. Что касается четвертого ряда суффиксов, то он не используется в современном турецком языке и поэтому здесь не рассматривается.

Пятый ряд суффиксов М. Эргин иллюстрирует всего тремя примерами: *kop-ar, çik-ar, gid-er*.

Остальные два пункта (о суффиксах *-gir, -gür* и *-z*) относятся к области истории языка и нами не рассматриваются.

Как нетрудно заметить, правила распределения в изложении М. Эргина характеризуются теми же недостатками, что и правила других авторов. Главным из этих недостатков является отсутствие строгой последовательности как в формулировке правила распределения суффиксов каждого отдельного ряда, так и в определении взаимоотношений между рядами.

Теперь остановимся на упомянутых выше и еще не рассмотренных нами схемах.

Схема Ю. Немета выглядит следующим образом: 1) *-a²r, -i⁴r* — от *düşmek, çikmak, pişmek*; 2) *-t* — от основ, оканчивающихся на гласные и согласные *l, r, n*; 3) *-di⁴r* — от основ с согласным окончанием, реже после *l, r, n*.

Данная схема представляется весьма простой. Под влиянием арабского письма автор не выделяет *-ix⁴t*. Далее, в его схеме вовсе отсутствует *-x⁴t*. Как известно, *-t* образует каузатив от многосложных глаголов с конечными гласными и согласными *r* и *l*. Ю. Немец не принимает во внимание количество слогов, играющее в данном случае решающую роль. Что же касается глаголов с конечными *-n*, то, по данным современного языка, они образуют каузатив с помощью *-dir*. Некоторые изменения следует внести в пункт I данной схемы и вывести из него два пункта: для *-x²t* и для *-x⁴t*. Однако тот факт, что, излагая правило распределения указанных алломорф, Ю. Немец не прибегает к определению качества конечных звуков и количества слогов, а просто перечисляет глаголы (и то

⁸ H. J. Kissling. Osmanisch-Türkische Grammatik. Wiesbaden, 1962.

⁹ M. Ergin. Türk dil bilgisi. София, 1966, стр. 199—203.

в первом пункте схемы), является самым ценным достоинством схемы Ю. Немета¹⁰.

Ж. Дени предлагает следующую схему¹¹: 1) $-di^4r$ — от всех односложных основ и тех многосложных основ, которые оканчиваются согласными, за исключением l и r ; 2) $-t$ — от многосложных основ, оканчивающихся на гласные или согласные l и r . Помимо этого, Ж. Дени выделяет нерегулярный тип образования с $-x^4r$, $-x^2r$ и реже с $-x^4t$; 1) $-i^4r$ — для глаголов: *aşmak, ısmak, ölçmek, içmek, batmak, bitmek, pişmek, çökmek, değmek, düşmek, şişmek, sızmak, taşmak, doğmak, doymak, duymak, kaçmak, geçmek, göçmek, gitmek, yatmak, yoğmak, sinmek, şaşmak*; 2) $-x^2r$ — от глаголов *çıkma, kopma*; 3) $-it$ — от глаголов *akmak, ürkmek, sarmak, sarkmak, dağıtmak, kokmak, korkmak*.

Преимуществом схемы Ж. Дени перед схемой Ю. Немета следует считать тот факт, что, определяя правила дистрибуции для $-x^2r$, $-x^4r$, $-x^4t$, он приводит полный список соответствующих глаголов. Однако схема Ж. Дени уступает схеме Ю. Немета в том, что нерегулярные случаи приводятся им в конце схемы, тогда как Ю. Немец совершенно справедливо делает это в самом начале. И все же схема Ж. Дени в остальной своей части, как и вообще в целом, страдает уже известными нам недостатками. Под влиянием арабского письма Ж. Дени не различает $-tx^4r$ и выделяет лишь $-dx^4r$.

Слабой стороной всех рассмотренных выше схем следует считать недостаточную последовательность в изложении алломорф в общей схеме определения правил их распределения. Выбор оптимального варианта изложения имеет в данном случае немаловажное значение.

Приведем предлагаемую нами схему.

Схема распределения алломорф морфемы каузатива

I	($\infty - x^4r$)	<i>aşmak, batmak, bitmek, doğmak, doymak, duymak, düşmek, geçmek, göçmek, içmek, kaçmak, pişmek, şişmek, ısmak, üşmek</i>
II	($\infty - x^2r$)	<i>çökmek, gitmek, göçmek, çıkmak, kopmak</i>
III	($\infty - x^4t$)	<i>akmak, azmak, kokmak, korkmak, sarmak, sarkmak, sarsmak, ürkmek</i>
IV	($\infty - zir$)	<i>emmek</i>
V	($\sim - tx^4r$)	от глаголов с глухим согласным окончанием
VI	($\sim - t$)	от многосложных глаголов с конечными гласными или согласными r, l
VII	($\sim - dx^4r$)	от глаголов со звонким согласным окончанием и односложных глаголов с гласным окончанием

¹⁰ J. Nemeth. Türkische Grammatik. Berlin—Leipzig, 1917, стр. 92.

¹¹ I. Denny. Grammaire de la langue turque (Dialecte osmanli). Paris, 1921, стр. 368—372.

Предлагаемая нами схема получена в результате ряда перестановок и частичного изменения ранее установленных правил. В этой схеме морфологически обусловленные алломорфы заняли первые четыре места, а фонологически обусловленные алломорфы — последующие три в зависимости от ослабления ограничения сферы их влияния.

Поскольку первые четыре правила представлены списками глаголов, то порядок их изложения может быть любым. Каждый же последующий ряд алломорф исключает поле действия предыдущего ряда. Однако в последних трех рядах выбор лучшего варианта последовательности рядов обеспечивает максимальное упрощение правил дистрибуции, их однозначность и отсутствие каких-либо исключений.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Э. Р. ТЕНИШЕВ

АКАДЕМИК А. Н. КОНОНОВ — УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

В октябре текущего года исполняется семьдесят лет со дня рождения и сорок пять лет научной и педагогической деятельности крупнейшего советского тюрколога-востоковеда Андрея Николаевича Кононова.

А. Н. Кононов пришел в науку в начале 30-х годов, в то время, когда в стране разворачивалась грандиозная работа по подъему экономики, науки и культуры народов Советского Востока. Отечественное востоковедение в тот период представляла целая плеяда блестящих ученых. Достаточно назвать имена С. Е. Малова, А. Н. Самойловича, Н. К. Дмитриева, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, сыгравших особенно большую роль в становлении А. Н. Кононова как ученого.

Широкая востоковедная подготовка, полученная А. Н. Кононовым в Ленинградском институте живых восточных языков (впоследствии Ленинградский восточный институт), определила многосторонний характер его научных интересов — исследования в области грамматики тюркских языков, изучение тюркских письменных памятников и текстология, история тюркских языков и алтаистика, историография тюркологии и востоковедения.

Многообразие объектов изучения и исторический подход к ним — существеннейшие особенности исследовательской деятельности Андрея Николаевича Кононова.

В такой области лингвистики, как грамматика, он основное внимание уделил исследованию турецкого и узбекского языков, имеющих богатую письменную историю. «Грамматика современного турецкого языка» (написанная в соавторстве с Х. Джевдет-заде), вышедшая в свет в 1934 г., положила начало более чем сорокалетней работе А. Н. Кононова в области турецкой грамматики и тюркской грамматической системы в целом. Несколько позднее была издана «Грамматика турецкого языка» (1941 г.) — полное описание фонетики и грамматики турецкого языка с историческим освещением ряда строевых элементов, — наглядно раскрывающая метод лингвистического анализа ученого, плодотворно примененный им и в дальнейших исследованиях.

В 1956 г. появилась фундаментальная «Грамматика современного турецкого литературного языка». Пятнадцать лет, отделявшие две упомянутые грамматики, были заполнены поисками наиболее оптимального решения ряда вопросов турецкой грамматики, среди которых следует особо выделить явление прономинализации (функциональное сближение именных частей речи с местоимениями), впервые зафиксированное и детально разработанное А. Н. Кононовым.

Академик А. Н. КОНОНОВ
(К 70-летию со дня рождения)

Одной из наиболее существенных особенностей «Грамматики современного турецкого литературного языка» является дальнейшее углубление анализа семантической стороны грамматической формы, естественно ведущего к отысканию средств наиболее полного морфологического выражения грамматической категории, что восходило к представлениям А. А. Шахматова. Используя данный прием, А. Н. Кононов убедительно показал, что внешнее сходство существительных и прилагательных, прилагательных и наречий не может свидетельствовать о недифференцированности их как частей речи. Наличие системы словообразования, присущей каждому из названных разрядов слов, подтверждает раздельность их существования. В этой работе ученый обосновал необходимость отказа от признания доминирования синтаксической стороны и высказал мысль о достаточной морфологической выраженности частей речи.

Раздел морфологии данного труда содержит интереснейшие экскурсы в область истории и этимологии отдельных формантов, сочетающиеся с наблюдениями в области динамики языковых процессов. С такой же полнотой разработан и раздел синтаксиса — детально освещены в нем словосочетания и структура сложного предложения, в особенности предложения с бессоюзным подчинением. «Грамматика современного турецкого литературного языка», по масштабности своей сопоставимая лишь с известной грамматикой Ж. Дени, несомненно, является вкладом в теоретическое изучение основных проблем турецкой грамматики середины XX в.

Грамматические концепции А. Н. Кононова были в дальнейшем конкретизированы в его работах по грамматике узбекского языка. Главная из них «Грамматика современного узбекского литературного языка» (1960 г.) явилась обобщающим трудом в области исследования тюркской грамматики: в ней углублено историческое освещение структурных элементов, уделено большое внимание «второму центру» предложения — развернутым членам с причастиями и именами действия.

Много внимания уделяется А. Н. Кононовым исследованию средневековых письменных памятников и их публикации.

В 1948 г. вышел из печати сводный текст «Махбуб ул-кулуб» («Возлюбленный сердце») — последнего по времени написания произведения великого узбекского поэта Алишера Навои. Это прозаическое сочинение представляет собой важный источник для постижения особенностей творчества и мировоззрения поэта, изучения современной ему эпохи. Значение этого сочинения заключается еще и в том, что по нему можно судить о языке прозы Навои и литературном чагатайском языке вообще.

К работе над сводным текстом этого произведения А. Н. Кононов отнесся со свойственной ему ответственностью и тщательностью, затратив на нее восемь лет. В основу текста были положены два старейших, наиболее полных списка, сопоставлявшихся еще с шестью списками и семью рукописями произведения: всего пятнадцать вариантов. Труд чрезвычайно кропотливый, требующий почти ювелирного искусства.

Спустя десять лет, в 1958 г., Андрей Николаевич Кононов опубликовал еще один сводный текст, принадлежащий перу узбекского историка Абу-л-Гази, — «Шеджере-и теракиме» («Родословная туркмен») — исключительно ценный источник для историков и лингвистов. Старое издание его давно стало библиографической редкостью. Книга А. Н. Кононова «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского» включает критический текст сочинения, составленный на основе одного, наиболее полного списка, сопоставленного с шестью другими,

перевод, историко-филологический комментарий, очерк грамматики языка и указатели. В грамматическом очерке подчеркивается, что язык сочинения—чагатайский, однако отличающийся меньшим количеством арабских и персидских включений. Вывод этот сохраняет свою актуальность по настоящее время, ибо до сих пор еще не выработано единого мнения о различении «чагатайского» и «староузбекского» языков.

В 1962 г. А. Н. Кононов совместно с В. М. Жирмунским подготовил к изданию и снабдил обширным филологическим комментарием русский перевод текста средневекового огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута», сделанный В. В. Бартольдом.

В настоящее время А. Н. Кононов продолжает текстологическую работу: редактирует русский перевод «Словаря тюркских языков» Махмуда Кашгари и, как заместитель председателя редакционной коллегии и ответственный редактор, участвует в подготовке к изданию сочинений В. В. Бартольда.

Принцип, используемый А. Н. Кононовым при издании старого текста, заключающийся в выборе в качестве основы старейшего и наиболее полного списка во имя «сохранения воли автора», во всех отношениях оправдывает себя и должен быть широко применен в тюркской текстологии.

История письменно-книжных литературных языков, как известно, тесно связана с историей народно-разговорных языков, и это используется в сравнительно-исторических исследованиях. Андреем Николаевичем Кононовым немало сделано и в области сравнительно-исторической тюркологии и алтаистики. Им опубликован прекрасный этюд о показателях собирательности-множественности в тюркских языках, написаны статьи о происхождении глагольного отрицания и словоизменительных формантах глагола, предложена серия убедительных этимологий слов, принятая историками и этнографами.

А. Н. Кононов — убежденный сторонник необходимости широкого привлечения алтаистического материала в сравнительно-тюркологических штудиях. Его выступления по данной проблеме полемически заострены: «Наличие общих лексических и фонетико-грамматических признаков в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках является фактом, который невозможно оспаривать. Важен сам факт наличия общих элементов в лексике, фонетике и грамматике этих языков, которые объединяются под титулом «алтайские языки». Восходят ли эти общие элементы к языку-основе или они возникли в результате многовекового взаимодействия носителей этих языков — наука пока не знает. В этих условиях наличие в «алтайских» языках общих элементов следует воспринимать как непосредственную действительность, которая должна быть использована для установления древнего состояния фонетики и морфологии тюркских и других «алтайских» языков.

Есть еще одна область тюркологии, постоянно привлекающая внимание Андрея Николаевича Коконова, — история тюркологии и востоковедения. Знание истории науки, несомненно, способствует и успешному решению актуальных для сегодняшнего дня задач. В течение тридцати лет ученым был создан ряд работ по истории изучения турецкого языка в Турции и в России (до XX в.), о становлении и развитии тюркологии в Ленинграде (1917—1957 гг.), о деятельности восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955), о востоковедении в Ленинградском университете, востоковедении в Академии наук СССР, тюркской филологии в СССР (1917—1967 гг.), о состоянии современного тюркского языкознания (к 250-летию Академии наук СССР) и другие.¹

¹ Подробнее об этом см. в публикуемой ниже статье Б. В. Лунина.

Полными почтительного уважения словами пишет Андрей Николаевич Кононов о тюркологах-востоковедах: В. В. Радлове, П. М. Мелиоранском, А. Н. Самойловиче, С. Е. Малове, А. П. Поцелуевском.

Под руководством А. Н. Коконова в Ленинграде было проведено семь всесоюзных тюркологических конференций, посвященных памяти выдающихся русских и советских тюркологов. Под его редакцией издано шесть тюркологических сборников, отражающих важнейшие результаты работы этих конференций.

В 1972 г. Андрей Николаевич Кононов опубликовал книгу «История изучения тюркских языков в России. Дookтябрьский период», а в 1974 г. вышел в свет «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дookтябрьский период», созданный по инициативе, под руководством и при непосредственном участии А. Н. Коконова: им были написаны обширное введение, целый ряд статей о тюркологах, осуществлено общее редактирование.

За сорок пять лет педагогической деятельности А. Н. Кононов составил и прочитал многие теоретические и специальные тюркологические курсы лекций, имевшие важное значение для подготовки молодых ученых. В числе теоретических курсов следует отметить такие, как «Грамматика турецкого языка в научном освещении», «История турецкого языка», «Памятники древнетюркской письменности», «Введение в тюркское языкознание». Семинары по чтению и разбору древнетюркских и старотурецких текстов, которые ведет А. Н. Кононов, отличаются содержательными и глубокими комментариями, экскурсами в историю науки, подробными библиографическими справками. А. Н. Кононов — автор учебных пособий по турецкому языку.

Ученики А. Н. Коконова работают в научных учреждениях и высших учебных заведениях многих городов страны. Он внес большой вклад в дело воспитания и подготовки национальных кадров тюркологов для тюркоязычных республик и областей СССР.

А. Н. Кононов — талантливый организатор науки. Много лет он возглавлял кафедру тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, избирался деканом этого факультета, руководил Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР, был председателем Ученого совета и заведующим тюрко-монгольским кабинетом отделения.

В настоящее время Андрей Николаевич Кононов возглавляет недавно созданный Советский Комитет тюркологов, призванный координировать все научные исследования в области тюркологии, ведущиеся в стране.

А. Н. Кононов — член редколлегий многих научных периодических изданий, редактор большого числа монографий и сборников по тюркологии. Неоднократно он представлял советскую науку за рубежом: на международных конгрессах востоковедов в Лондоне и Париже, на съездах Турецкого лингвистического общества в Анкаре, международном конгрессе востоковедов в Москве.

Андрей Николаевич Кононов — человек исключительного трудолюбия, исполненный чувства высокой преданности долгу, обаятельно простой в обращении с людьми.

Труды А. Н. Коконова получили широкое признание у научной общественности, упрочили авторитет советской тюркологии в мировой науке. В 1958 г. Андрей Николаевич был избран членом-корреспондентом, а в 1974 г. — действительным членом Академии наук СССР. Он удостоен высоких правительственных наград: двух орденов Трудового Красно-

го Знамени, орденов Дружбы народов и «Знак Почета», медалей. А. Н. Кононов награжден золотой медалью Блумингтонского университета (Великобритания) за алтаистические исследования, избран почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, почетным членом Академии наук Венгерской Народной Республики, Венгерского востоковедного общества, Турецкого лингвистического общества, Польского товарищества востоковедов, членом-корреспондентом Финно-угорского общества (Финляндия).

А. Н. Кононов проводит большую и полезную работу по координации тюркологических исследований в нашей стране по объединению усилий тюркологов на главных научных направлениях, играющих решающую роль в дальнейшем успешном развитии советской лингвистической науки; им в настоящее время готовится монография по сравнительно-исторической морфологии турецкого языка и тюркских языков в целом.

Планы Андрея Николаевича Коконова на будущее обширны и многообразны. Коллеги и ученики Андрея Николаевича желают ему крепкого здоровья и осуществления всего задуманного.

Б. В. ЛУНИН

АКАДЕМИК А. Н. КОНОНОВ — ИСТОРИОГРАФ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Давней доброй традицией отечественного востоковедения стало издание материалов и исследований историографического характера. Эта традиция берет начало с публикаций П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, С. К. Булича, а позднее — трудов В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского и многих других видных ученых. У истоков советской востоковедческой историографии стоял И. Ю. Крачковский. Эта работа продолжается его последователями и в наши дни.

Среди историографических трудов по востоковедению и, в частности, тюркологии, изданных в нашей стране в последние годы, особое место занимают многочисленные работы академика Андрея Николаевича Кононова. Виднейший советский тюрколог, он внес значительный вклад и в востоковедческую историографию. В его лице востоковедение обрело ученого, чьи общепризнанные исследования по тюркской филологии счастливо сочетаются с изысканиями в области истории востоковедения в нашей стране, и прежде всего в истории отечественной тюркологии.

Первая статья А. Н. Кононова, посвященная этой теме, была опубликована в начале 50-х годов¹.

За ней последовали историографические публикации о восточном факультете Ленинградского государственного университета.

Широкую известность получил в свое время фундаментальный обзор деятельности восточного факультета Петербургского университета, составленный В. В. Бартольдом и охватывавший период до 1905 года².

В 1955 году исполнилось сто лет со дня открытия этого факультета, вписавшего блестящие страницы в историю отечественной науки и долгое время являвшегося ведущим центром научного востоковедения и подготовки кадров в этой области.

В статьях А. Н. Кононова, написанных по случаю данного юбилея, дано краткое освещение предыстории и истории организации факультета, прослежено его дальнейшее развитие. Воздавая должное крупным за-

¹ А. Н. Кононов. Из истории отечественной тюркологии. — «Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР», т. VI. М., 1953, стр. 269—275; *его же*. Из истории изучения турецкого языка в России до XX столетия. — «Тезисы докладов по секции востоковедческих наук на научной сессии Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова». Л., 1953, стр. 4—9.

² В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета. 1855—1905. — «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV. СПб., 1909, 206 стр.

слугам факультета и его деятелей в дореволюционный период, А. Н. Кононов отметил и «недостатки русского дореволюционного востоковедения — прежде всего недостатки методологического характера, а также отсутствие должного внимания к насущным проблемам современного Востока, в особенности к изучению народных движений в странах Востока»³.

Великая Октябрьская социалистическая революция «поставила новые задачи перед востоковедением», заимствуя «у старого востоковедения его строго продуманную технику исследования — филологический метод... советское востоковедение развивалось на новой методологической основе»⁴.

Дальнейшая история факультета рассмотрена А. Н. Кононовым в тесной связи с общим развитием востоковедения и востоковедных научных учреждений и организаций в советское время.

Обзор вековой деятельности факультета А. Н. Кононов завершил характеристикой основных его задач на будущее, включающих изучение восточных языков, восточных литератур, истории стран Востока и подготовку молодых ученых⁵. Особо подчеркивалась при этом необходимость расширения преподавания языков народов Юго-Восточной Азии, Индонезии и Африки и дальнейшего углубленного изучения социально-экономической истории и народно-освободительных движений в странах Востока.

В капитальном коллективном труде «История Академии наук СССР» А. Н. Кононову принадлежат обстоятельные очерки о месте, роли и истории развития востоковедения в системе Академии за период с 1724 по 1917 гг., в т. ч. со времени введения нового устава Академии, восстанавливавшего гуманитарные науки в их правах, и до Великой Октябрьской социалистической революции⁶.

По мнению автора, успехи, достигнутые отечественным востоковедением в обозреваемый период времени, полностью подтверждают обоснованность утверждения В. В. Бартольда о том, что «в XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»⁷.

В 1960 г. А. Н. Кононов подготовил к XXV Международному конгрессу востоковедов в Москве специальный доклад⁸ в лаконичной, но вместе с тем в предельно насыщенной важнейшими фактами форме, излагающий историю востоковедения в СССР. Воздавая должное уже сделанному в этой области, А. Н. Кононов указал в то же время на вопросы, еще требующие глубокого изучения. Он призывал, в частности, к более полному и широкому исследованию истории «учебных, научно-исследо-

³ А. Н. Кононов. Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955). — «Вестник Ленинградского университета. Серия истории языка и литературы». Вып. 2. Л., 1957, № 8, стр. 5—22; *его же*. Крупнейший центр советского востоковедения. — «Вестник высшей школы». М., 1956, стр. 32—35; *его же*. Столетие восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955). — «Советское востоковедение». М., 1956, № 2, стр. 83—90; *его же*. Восточный факультет Ленинградского университета. — В кн.: «Востоковедение в Ленинградском университете». Л., 1960, стр. 3—31.

⁴ А. Н. Кононов. Восточный факультет..., стр. 15.

⁵ Там же, стр. 21—22.

⁶ А. Н. Кононов. Востоковедение (1724—1802). — В кн.: «История Академии наук СССР», т. I. М.—Л., 1958, стр. 406—410; *его же*. Востоковедение (1803—1860 и 1860—1917). — В кн.: «История Академии наук СССР», т. II. М.—Л., 1964, стр. 218—227, 621—634.

⁷ А. Н. Кононов. Востоковедение (1803—1860 и 1860—1917). — В кн.: «История Академии наук СССР», т. II, стр. 634 (ср.: В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 232).

⁸ А. Н. Кононов. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 31 стр.

вательских востоковедческих учреждений, а также научных обществ и объединений востоковедов дооктябрьского периода»⁹, таких, в частности, как Московский университет, Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и др. Как подчеркивал А. Н. Кононов, особое внимание при этом должно быть обращено «на тематику научного исследования, на планы и программы преподавания языков, истории и литературы народов Востока, цели и задачи научных объединений и обществ»¹⁰. Автор призвал историков включить в сферу исследований и востоковедные журналы дореволюционного периода, указывая на необходимость создания очерка по истории отечественной востоковедной периодики и ее библиографии.

А. Н. Кононов упоминал также имена многих отечественных востоковедов, «ждущих еще своих биографов, несправедливо забытых», о научной деятельности которых «совершенно необходимо создать монографии»¹¹.

В заключение А. Н. Кононов приводил перечень наиболее актуальных вопросов истории отечественного востоковедения и убежденно писал: «Изучение и популяризация истории отечественного востоковедения имеют не только важное научное, но и воспитательное значение. Выбирая новый путь, нельзя забывать путь пройденный, дабы не оставить без должного внимания то хорошее и полезное, что было в прошлом, и не повторить того, что было в прошлом плохого и ненужного»¹².

По существу это была программа дальнейшей работы советских историографов отечественного востоковедения¹³.

Перу А. Н. Кононова принадлежит также ряд работ, специально посвященных истории отечественной тюркологии как одной из важнейших областей востоковедения¹⁴.

В 1960 г. А. Н. Кононов опубликовал статью, посвященную исследованиям ленинградских тюркологов за сорок лет Советской власти¹⁵. Автор убедительно показывал, что в послеоктябрьский период «возникла и развилась по существу новая тюркология, отличная от старой по методологии, тематике и охвату материала»¹⁶.

В том же году была напечатана статья А. Н. Кононова по истории русской тюркологии до XIX века, являвшаяся фрагментом капитального труда по истории отечественной тюркологии¹⁷.

Главное место среди публикаций А. Н. Кононова по историографии отечественной тюркологии, несомненно, принадлежит его монографии по истории изучения тюркских языков в России в дореволюционный период¹⁸.

⁹ А. Н. Кононов. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 4.

¹⁰ Там же, стр. 8.

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² Там же, стр. 24.

¹³ См. также: А. Н. Кононов. О некоторых вопросах дальнейшего развития тюрколого языкознания в СССР. — «Вестник Академии наук СССР». М., 1959, № 5, стр. 140—141.

¹⁴ А. Н. Кононов. Тюркское языкознание в Академии наук. — «Вопросы языкознания». М., 1974, № 3, стр. 46—50 и др.

¹⁵ А. Н. Кононов. Тюркология в Ленинграде (1917—1957). — «Ученые записки Института востоковедения», т. XXV. М., 1960, стр. 278—290.

¹⁶ Там же, стр. 290.

¹⁷ А. Н. Кононов. К истории русской тюркологии (до XIX в.). — В кн.: «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник статей в честь академика Иосифа Абгаровича Орбели». М.—Л., 1960, стр. 202—214.

¹⁸ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, 272 стр.

«Давно задумав написать книгу по истории изучения тюркских языков в России, — пишет А. Н. Кононов, — я в течение многих лет собирал сведения об отечественных тюркологах и материалы об их трудах по тюркским языкам»¹⁹.

Книга А. Н. Кононова явилась результатом большого и кропотливого труда. В работе использована обширная литература, архивные и другие многочисленные источники.

Книге предпослан краткий очерк предистории русской тюркологии (до начала XVIII века), затем следует описание зарождения научной тюркологии в России (начало XVIII века), развития тюркского языкознания в Академии наук (XIX—начало XX в.). В особую главу выделен очерк, посвященный преподаванию тюркских языков в русских учебных заведениях (XVIII—начало XX в.). Заключительная глава книги («Из истории тюркского языкознания в России») включает обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий, трудов по фонетико-грамматическому строю и лексике тюркских языков, а также очерк истории изучения памятников рунического и древнеуйгурского письма; автором рассматриваются классификации тюркских языков в трудах отечественных тюркологов, работы по описанию тюркских рукописей и исследованию тюркизмов в русском языке.

Огромный фактический материал, проанализированный А. Н. Кононовым, позволяет ему заключить, что «отечественная тюркология дооктябрьского периода начала свой долгий и трудный путь с практического изучения тюркских языков, усвоенных нашими далекими предками в процессе многовекового общения русских с тюрками», и далее: «За два с лишним века своего существования научное востоковедение в России — и в том числе тюркология... пришли к Великой Октябрьской социалистической революции с общепризнанными достижениями, которые стали надежной основой для успешного развития отечественного востоковедения в послеоктябрьскую эпоху»²⁰.

Непосредственно к этому капитальному труду А. Н. Кононова примыкает его ранее изданный очерк истории отечественной тюркологии за пятьдесят лет Советской власти²¹.

Автор подчеркивает, что уже с первых лет Советской власти изучению тюркских языков в нашей стране уделялось огромное внимание. Перед советской тюркологией вставали теперь новые, сложные задачи. Для их разрешения создавались новые и реорганизовывались старые востоковедные учреждения и учебные заведения. Особое внимание уделялось созданию новой письменности для тюркоязычных народов СССР. Со временем все явственнее утверждался курс «не только синхронистического, но и диахронистического изучения тюркских языков»²². Это определяло и направленность тюркской филологии в СССР: фонетика и грамматика современных тюркских языков, лексикография и лексикология, диалектография и диалектология, история формирования тюркских национальных языков, изучение и издание памятников тюркской письменности, историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков, «алтайская теория» и тюркское языкознание, описание тюркоязычных рукописей, хранящихся в библиотеках СССР, история и библиография отечественной тюркской филологии.

¹⁹ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 7.

²⁰ Там же, стр. 254, 256.

²¹ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968.

²² Там же, стр. 9.

Очерк А. Н. Кононова содержит краткое историографическое освещение итогов и задач исследовательской работы советских тюркологов в указанных направлениях.

Говоря о создании истории отечественной тюркологии, А. Н. Кононов отметил, что работа эта ведется «по следующим главным темам-направлениям: 1) востоковеды, их жизнь и деятельность; 2) история развития русской тюркской филологии; 3) история развития тюркологии в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье; 4) история преподавания и изучения тюркских языков в России и СССР; 5) востоковедные (в том числе и тюркологические) общества, кружки и пр.»²³.

Заметим, что этот краткий историографический очерк может стать программой для создания будущего капитального исследования по истории тюркской филологии в СССР.

Новейшим по времени издания и одним из наиболее фундаментальных справочно-библиографических трудов по истории тюркологии в России является словарь отечественных тюркологов, вышедший в свет в 1974 году по инициативе, под руководством и при непосредственном участии А. Н. Кононова²⁴.

По словам самого А. Н. Кононова, идея составления словаря отечественных тюркологов возникла у него «не без влияния опыта Г. Г. Гульбина, написавшего словарь русских арабистов»²⁵ и опыт этой работы «оказался весьма полезным для составителей „Библиографического словаря отечественных тюркологов“»²⁶.

Словарю предпослано обширное (стр. 9—90) введение А. Н. Кононова, посвященное истории изучения тюркских языков в России. Сам словарь содержит библиографические данные о 314 ученых, любителях-краеоведах и других, осуществлявших ту или иную работу в области тюркологии; свыше шестидесяти словарных статей написано самим А. Н. Кононовым²⁷.

Данный словарь и книга «История изучения тюркских языков в России», взаимно дополняя друг друга, «дают... довольно полное представление о развитии отечественной тюркологии и ее деятелях»²⁸.

И книга, и словарь, несомненно, на многие годы останутся важнейшим пособием для всех, кто интересуется историей отечественной тюркологии, а для тюркологов-специалистов — постоянным спутником и советчиком в их научной деятельности.

Особо следует отметить такие, носящие историографический характер, работы А. Н. Кононова, как его введение к публикации текста «Родословной туркмен» Абу-л-Гази²⁹ и статья, посвященная другому сочинению Абу-л-Гази, — «Родословная тюрков»³⁰.

²³ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР, 1917—1967. М., 1968, стр. 2, см. также: А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского Комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 3—12.

²⁴ «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». Под редакцией и с введением А. Н. Кононова. Составители В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, А. Н. Кононов. Ю. А. Ли. М., 1974, 342 стр.

²⁵ А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 7. Имеется в виду составленный Г. Г. Гульбиным и оставшийся в рукописи «Библиографический словарь русских и советских арабистов» (1940) под редакцией акад. И. Ю. Крачковского.

²⁶ «Библиографический словарь...», стр. 5.

²⁷ Подробнее о словаре см. в рецензии автора («Советская тюркология», 1975, № 1, стр. 90—92).

²⁸ А. Н. Кононов. «История изучения...», стр. 7.

²⁹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 7—32.

³⁰ А. Н. Кононов. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков». — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 3—12.

Перу А. Н. Кононова принадлежит историографический очерк изучения классического творения Махмуда Кашгари «Словарь тюркских наречий»³¹.

Обзор трудов А. Н. Кононова по истории дореволюционного и советского востоковедения, в том числе тюркологии, был бы неполным без упоминания о публикациях, посвященных жизни и деятельности ряда видных востоковедов: «Памяти тюрколога профессора А. П. Поцелуевского», 1949³², «Памяти А. П. Поцелуевского», 1951, «Александр Петрович Поцелуевский», 1975, «Памяти Сергея Ефимовича Малова», 1958, «Слово о Николае Иосифовиче Конраде. К 75-летию со дня рождения», 1966, «Михаил Семенович Михайлов. К 70-летию со дня рождения», 1966, «Памяти Д. А. Магазаника», 1968, «В. В. Бартольд — выдающийся востоковед», 1970, «Василий Владимирович Бартольд. К сорокалетию со дня смерти», 1971, «В. В. Радлов и отечественная тюркология», 1972, «А. Н. Самойлович — грамматист», 1973, «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология», 1973, «Памяти Гылыба Гылыбова», 1974 и др.

Должна быть отмечена также деятельность А. Н. Кононова как редактора историографических изданий. Он является редактором сборника статей «Востоковедение в Ленинградском университете»³³, работы С. Н. Иванова о жизни и деятельности Н. Ф. Катанова³⁴, книги А. П. Базиянца, посвященной истории московского Лазаревского института³⁵, и др.

Нельзя обойти вниманием и большую работу, проводимую А. Н. Коновым на посту члена и заместителя председателя редакционной коллегии девятого собрания сочинений В. В. Бартольда. Он является также ответственным редактором V и IX томов, содержащих работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов, и др. (М., 1968).

Отмечая в 1966 г. 60-летие со дня рождения Андрея Николаевича Кононова, его коллеги и ученики подчеркивали, что ему свойственна «подлинная влюбленность в тюркологию — дело всей его жизни», и эта влюбленность, помимо всего, находит свое яркое выражение «в знании (им) мельчайших деталей истории развития идей в мировой тюркологии, в поразительной осведомленности о жизненных путях всех, кто оставил в любимой науке хоть какой-то след»³⁶.

И теперь, когда Андрею Николаевичу Кононову исполняется 70 лет, его многочисленные почитатели горячо желают юбиляру новых больших успехов как в области исследования проблем тюркской филологии, так и в изучении истории отечественной тюркологии.

³¹ А. Н. Кононов. Изучение «Дивану лугат ит-түрк» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 3—9.

³² Некролог написан в соавторстве с С. Е. Маловым.

³³ «Востоковедение в Ленинградском университете». — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 296. Восточный факультет. Серия востоковедческих наук, вып. 13. Л., 1960, 208 стр.

³⁴ С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов (1862—1922). Очерк жизни и деятельности. М.—Л., 1962, 107 стр.

³⁵ А. П. Базиянец. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, 223 стр.

³⁶ «Ученый, педагог, организатор науки». — В кн.: «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова». М., 1966, стр. 7.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. К. КЕНЕСБАЕВ, Т. Д. ДЖАНУЗАКОВ

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ПЛАСТАХ ОНОМАСТИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В ономастике казахского языка в той или иной степени нашла отражение многовековая культурно-историческая жизнь народа. Нижеследующие слова, сказанные об ономастике русского народа, могут быть с полным правом отнесены и к казахской ономастике: «Имена и их формы, восходящие к различным эпохам истории русского народа, красноречиво отражают состояние тогдашнего общества, а вместе с тем и классовую структуру общества. Пожалуй, ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно и непосредственно связана с его историей, как область ономастики»¹.

Материалы топонимии, антропонимии, этнонимии и космонимии любого языка могут служить, как известно, ценным источником и для исторического изучения отдельных лексических пластов. Значение ономастической лексики для общей истории языка велико не только в генетическом плане, но и для установления ее места в словарном составе.

Анализ лексического состава казахской ономастики позволяет выделить в ней на основе лексической номинации и по окостеневшим формам словообразовательных аффиксов следующие пласты:

1) древнейшие названия, в основном труднообъяснимые, восходящие, по-видимому, к разноструктурным мертвым языкам;

2) древние названия, отразившие как исконные собственные казахские имена, так и монгольские, арабо-иранские, а частично и тибетские заимствования;

3) новые названия, составляющие современную ономастическую систему.

Несмотря на те изменения, которые претерпевает активный запас лексики в процессе исторического развития, ее пассивный запас, включающий так называемые собственные имена, оказывается весьма устойчивым, переходя из поколения в поколение в устном или письменном виде. Об этом красноречиво говорит наличие в языке многочисленных собственных имен людей, географических, родовых и племенных названий, по грамматической структуре и по фонетическому облику являющихся древними и не функционирующими в современном литературном языке. Раскрытие их первоначального значения, установление фонетических деформаций позволяют получить сведения о составе словарного фонда казахского языка в прошлом.

В имеющихся материалах по ономастике казахского языка древние пласты лексики шире представлены в антропонимии и этнонимии, нежели в топонимии и космонимии.

¹ В. К. Чичагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, стр. 8.

В системе казахской ономастики наиболее распространены и богаты по составу имена, образованные от исконно казахских слов.

Лексические формы и модели, распространенные в ономастике современного казахского языка, несколько отличаются от более древних.

Эти лексические особенности по составу и структуре различны. Они могут быть разбиты на семантические группы как по происхождению, так и по другим признакам и свойствам, ибо лексика каждой из областей ономастики характеризуется своими особенностями. В антропонимии имеется немало имен и фамилий, относящихся к древней эпохе, но сохранившихся до настоящего времени в говорах в качестве реликтов. Например: *Ораз* (др.-тюрк. *oɣuz||ɣuz* 'счастье'), *Жабырбай* (др.-тюрк. *žabyr* 'поляна'), *Алай* (др.-тюрк. *alaɣ* 'полк'), *Бодан* (др.-тюрк. *bidun* 'народ'), *Сыланов* (др.-тюрк. *slan* 'прямой, стройный'), *Кожыков* (др.-тюрк. *kožu'k* 'большой, громадный'), *Букеев* (др.-тюрк. *böke* 'герой, атлет') и другие.

Вместе с тем встречается ряд фамилий и имен, не имеющих литературных эквивалентов в современном казахском языке, как, например: *Дадан*, *Дүйіс*, *Дәдей*, *Лазым*, *Сыпатай*, *Сатыбай*, *Сыбақұл*, *Абыланов*, *Бошаев*, *Бөжсеев*, *Даленов*, *Додақов*, *Дүрегенев*, *Мамажанов*, *Масанов*, *Машабаев*, *Сағыров*, *Тоқасов*, *Түкеев*, *Шәкеев*, *Шүкеев*, *Шолтыров*, *Шайдаров*, *Шойбеков* (здесь компонент *Шой*) и многие другие.

Лексико-семантический и этимологический анализ показывает, что многие из этих имен и фамилий относятся к древнетюркской эпохе. Личное имя *Ораз* в качестве апеллятива встречается в орхон-енисейской письменности в форме *oɣuz*² или *ɣuz* 'счастье'³. В современном казахском литературном языке оно сохранилось в пословицах *болсаң оразымсың — болмасаң қоразымсың* 'либо пан, либо пропал' (перевод Ильминского), *ораздының баласы он бесінде баспын дер, тоғышардың баласы отызында жаспын дер* букв. 'сын счастливца считает себя с пятнадцати лет главой, а сын ничтожного и в тридцать лет считает себя молодым'. Слово *ороз*, *орозлу*, *ороздуу* имеется в татарском и киргизском языках и употребляется в значении «счастливый, удачливый»⁴.

Древнее слово *bögä* 'силач, атлет, богатырь', в современном узбекском языке *бока*, уйгурском *bökä* 'силач, борец', в алтайском *mökö*, *pökö* 'сильный, силач, герой, мужественный'.

В осетинском языке данное слово встречается в форме *bogal* 'силач'. В. И. Абаев предполагает, что это слово восходит к *bog-gal* букв. 'бугай-бык' и сравнивает его с тюркским *vökä*, монг. *vöx* 'силач, борец'⁵.

Казахская фамилия *Бөкеев*, на наш взгляд, является видоизмененной формой древнетюркского титула *bögü*, означающего 'мудрый, мудрец, гений, умный'. Сравнительные материалы этого древнего слова показывают, что *bögä* и *bögü* в современных тюркских языках употребляются в различных вариантах, образованных в результате фонетической деформации. Отметим ряд фонетических чередований *в/б*, *п/м*, *о/у*, *г/к*, *и/е*, *о/ө*.

Широко распространенные у казахов личные имена и фамилии типа: *Дәркенбай*, *Дарханбаев* (*Дәркембаев*) или *Джабаев*, *Дадай*, *Дадабаев* также хранят в себе определенный смысл. Первые компоненты *дар-*

² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 95.

³ И. А. Батманов и др. Современная и древняя Енисеика. Фрунзе, 1962, стр. 230.

⁴ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 578.

⁵ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 264.

хан и *дэркен* восходят к древнетюркскому титулу *taγxan* 'привилегированное лицо, наделенное правом свободного входа во дворец хана'.

Древними в лексическом отношении являются фамилии: *Дадабаев*, *Дадаев*, *Жабаев*, распространенные преимущественно в южных областях республики.

Слово *dada* встречается во многих разноструктурных языках. В индо-иранских: др.-инд. *tata* 'отец', перс. *dādu*, *dada* 'дядька'; в европейских языках: русск. *татя*, *дядя*, укр. *tata* 'отец'; в кавказских языках: каб. *dada*, абх. *dad* 'дедушка', осет. *dada* 'дедушка', 'тятя'; в тюркских языках: в уйг. *dada* 'дед', тув. *ada*, алт. *ada*, хак. *ada*, шор. *ada*, *aba* 'дед', 'отец', казах., кирг. *ata* 'дед', 'дедушка' и др.

Следует отметить, что слово *бабай* в значении «дедушка» тесно связано с *ada*, *dada* как по значению, так и по функции. Редко употребляющаяся фамилия *Жабаев*, по-видимому, имеет тесную связь с древнетюркским титулом *Jaβu*. В связи с этим А. Н. Кононов отметил близость по значению слов *жабагу* и древнетюркского *jaβu*. «*Иавы*, вероятно, прозвище, или звание, может быть, его можно сблизить с титулом *йабгу*, *ябгу* (<*йабгу*> *йавгу*> *йавы*). Не исключено и другое предположение, что *йавы* <*йабы* (<*йавагу*) есть название одного из огузских родов, которое могло быть связано с указанным выше титулом»⁶.

Этнонимы также богаты разнообразными морфокомпонентами, относящимися к различным слоям лексики словарного фонда языка. Из них древнейшими являются: *уйсун*, *канглы*, *дулат*, *кыпчак*, *найман*, *аргын*, *алишын*, *конурат* и др. Корни некоторых из них (*уйсун*, *канглы*) восходят к II—I вв. до н. э. К этнонимам более позднего периода относятся: *керей*, *адай*, *жалаир*, *албан*, *суан*, *сыбан*, *каржас*, *каракесек*, *табын*, *таздар* и др. Древними являются и многие этнотермины, например: *казах*, *жуз*, *ру*, *ел* и др.

Насчет происхождения термина *жуз* существуют различные точки зрения. Так, например, В. В. Радлов писал: «Если моя концепция правильна, то *гузы* (*узы*), может быть, все равно, что „юз“, то есть „сто племен“»⁷. Историк-филолог В. Григорьев на основании данных арабского историка X в. Ахмеда пишет: «„Жуз“ в арабском языке „часть, ветвь чего-нибудь“»⁸.

С. А. Аманжолов также считает, что слово *жуз* восходит к арабскому *جذ* (*жуз*), означающему «часть или ветвь общего ствола». Отсюда и *улы жуз* — большая или старшая ветвь, *орта жуз* — средняя ветвь, *киши жуз* — младшая ветвь.

В. В. Востров и М. С. Муканов писали: «Мы вполне разделяем ту точку зрения, что *жуз* — не 'сотня', не 'сто племен', а 'часть', 'ветвь'»⁹.

Слово-термин *žuz* распространено во многих тюркских языках. Например: узб., хак., алт. *юс*—*юз*, каз. *жуз*. Сопоставление многих материалов и исторических источников подводит к выводу, что первоначальной основой термина *žuz* является древнетюркский этнотермин *oγuz*. По поводу последнего термина академик А. Н. Кононов писал: «Слово *огуз* первоначально могло означать просто „племена“, „объединение племен“, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: *токуз* — *огуз* 'девять разных племен', *уч-огуз*

⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Л., 1958, стр. 94.

⁷ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 117.

⁸ В. Григорьев. Караханиды в Мавераннахре. СПб., 1874, стр. 208.

⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, стр. 15.

‘три (разных) племени’. Исходной основой собирательного этнического имени *огуз* является *ог* ‘род, племя’, которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом *оу* ‘мать’, к этой же основе восходят слова *оуул* ‘потомство, сын’ и *оууш* ‘сородич’»¹⁰.

Данный термин в древнетюркском языке, встречаясь в формах *оуш* $\approx$ *оуш* $\approx$ *оуш*, означал: *оуш* — 1) род, племя; 2) каста; 3) род, класс, порода; *оуш* — этн. племя и объединение племен¹¹.

Относительно происхождения этнотермина *оуш* мы разделяем мнение А. Н. Кононова, сводящееся к следующему: «Слово **об** (ок) ‘род’, ‘племя’ получило оформление аффиксом множественного числа (-у)з, который находится и в составе этнического термина **кырбыз**»¹².

Следовательно, этнотермин *жуз* является видоизмененной формой старотюркского *оуш*.

Можно предположить следующую фонетическую эволюцию данного слова: *оуш* $\rightarrow$ *уш* $\rightarrow$ *жш* $\rightarrow$ *шш* $\rightarrow$ *ш* $\rightarrow$ *жш* $\rightarrow$ *шш*. Все эти фонетические варианты встречаются в исторических источниках, относящихся к далекому прошлому тюркских народов. По-видимому, они были связаны с особенностями произношения и фонетической структурой языка племен, говоривших на разных тюркских языках. В некоторых из них начальный гласный не произносился, и слово выступало в форме *уш*. В дальнейшем начальный согласный *у* чередовался с согласным *ж*. Таким образом, в языке казахов вместо *гуз* укоренилось слово-термин *жуз*.

Остановимся коротко на других древнейших этнонимах: *уйсун*, *канглы*, *дулат*, *аргын*, *алишын*, *кердери*, *абдалы*, *албан*, *керей*, *кимак* и т. д. Считаем необходимым отметить здесь, что предлагаемые нами этимологии не являются окончательными и, возможно, нуждаются в дальнейших уточнениях.

Истории расселения уйсуней посвящены исследования Н. Я. Бичурина, Ч. Ч. Валиханова, В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама, Н. В. Кюнера, Б. Г. Гафурова, К. А. Акишева, Ю. А. Зуева и др.

Однако этимология самого этнотермина *уйсун* до конца еще не выяснена. А. Н. Бернштам в своей статье «К вопросу об усунь/кушан и тохарах» указал на различные варианты этнонима *уйсун*. По мнению ученого, слова *кушан*—*кусан*, употребляющиеся в тохарском языке, являются фонетическими вариантами этнонима *усун* (*usun*)¹³.

Б. Г. Гафуров по этому поводу пишет: «Этноним „усунь“ в среднекитайском должен был звучать как *uosiwep*, а в древнекитайском как *o—swep*»¹⁴. В работе «Қазақ тіліндегі жалқы есімдер» утверждается, что «этноним *уйсун* состоит из двух самостоятельных компонентов. Первый компонент его *уй/ой*, второй компонент *сын* (*син*). Компонент *уй/ой* сопоставляется с компонентами этнонимов *ойгыр* ~ *уйгир*, *ойрат*, *оймаут*, а второй компонент *сын* ~ *син* с компонентами этнонимов *алишын*, *байсын*»¹⁵.

В монгольском и бурятском языках слово *ой* означает ‘лес’, ‘роща’, а *рат* ~ *арат* ‘народ’. Наличие в современном казахском языке топонимов с компонентом *ой*, как, например, *Ойкарагай*, *Ойкайын*, *Ойжайлау* (в Алма-Атинской области), по нашему мнению, не случайно. В данном случае компонент *ой* означает «лес», «роща», следовательно, *Ойкарагай*

¹⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 84.

¹¹ «Древнетюркский словарь». М., 1969, стр. 365.

¹² А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 84.

¹³ А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь/кушан и тохарах. — «Советская этнография», 1947, № 3.

¹⁴ Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая и средневековая история. М., 1972, стр. 131.

¹⁵ Т. Жанұзақов. Қазақ тіліндегі жалқы есімдер. Алматы, 1965, стр. 23.

‘еловая роща’, *Ойкайын* ‘березовая роща’, *Ойжайлау* ‘лесное джайлау (пастбище)’. Второй компонент *сын* ~ *син* этнонима Уйсун — Уйсин, на наш взгляд, является не аффиксом, а самостоятельным корневым словом, о чем свидетельствуют фонетические варианты данного слова, сохранившиеся в тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, которые восходят к основе *зон* ‘народ’.

Приведем примеры: монг., бур. *зон* ‘народ’, тунг.-маньчж. *зон* ‘народ’, як. *зон* ‘народ’, ‘люди’, ‘племя’¹⁶, тув. *чон* ‘народ’, ‘племя’, чув. *сын*, *шын* ‘люди’, ‘народ’. Н. К. Антонов компонент *дун* > *дьон* в этнотермине *будун* считает самостоятельным словом, означающим «люди», «народ». По этому поводу он пишет: «Нам кажется, что тюрко-монгольское *йон*, *дьон*, *чон*, *сын* можно бы сравнить еще с хуннским *жун*, имевшим, по-видимому, значение „народ, люди, племя“»¹⁷.

Следовательно, слово *сын* генетически связано со словами *зон* (*дьон*, *йон*, *жун*, *чон*). Однако его фонетическая деформация требует особого уточнения.

В процессе изменений данного слова наблюдается чередование звуков: |з||д||й||ж||ч||с или |з||ж||д||й||ч||ш||с. Если считать эти чередования закономерным явлением, то компонент *сын* (*син*) в этнониме *уйсин* следует признать фонетическим вариантом первоначального *зон* ‘народ’, ‘люди’.

Таким образом, в результате сравнительного исследования материалов можно предполагать, что этноним *уйсун*—*ойсын* является древнейшим названием крупного племени и означает «лесной народ», «лесные люди».

Одним из древнейших этнонимов казахов является *канлы*. В исторических материалах (летописи восточно-азиатских исследователей) встречаются его варианты: *кан*, *канка*, *кангюй*, *ханакарь*, *кангар*, *кангит*. П. Карпин в своей работе «Путешествие к татарам» отмечал, что *кангиты*, *канглы*, *ханакарь*, *кангар* — это одно и то же название.

Б. Г. Гафуров, описывая историю канглов, писал: «Одним из народов, который в тяжелый час пришел на помощь ферганцам, были кангюйцы, жители Кангюя (древнее звучание Khankia)»¹⁸.

Приведенные выше данные показывают, что основой всех указанных вариантов является корень *кан*. Это подтверждают многочисленные факты о существовании в III—II вв. до н. э. на территории Туркестана и Индии племен *кан* и *канка*¹⁹. Производные формы от него: *канка*, *кангар*, *кангюй*, *канлы* — явление позднего времени (кангюй — китайская транскрипция)²⁰. Для того, чтобы определить, какой из вариантов является древним, а какой более поздним, следует обратиться к грамматической форме этих этнотерминов. Если мы примем за корневую основу *кан*, то морфологическими показателями ее будут: -к, -р (*ар*), -т (*ют*, *ут*), -лы. Именно эти грамматические формы являются древними показателями множественного числа.

Исходя из исторического преобразования данных показателей множественности, можно предположить следующую последовательность появления форм: *Канка* (*Ганга*), позднее *Кангар*, еще позднее *Кангюй* и, наконец, на казахской почве — *Канлы*.

¹⁶ Э. Пекарский. Словарь якутского языка, т. III, стр. 365.

¹⁷ Н. К. Антонов. Исследования по исторической лексике якутского языка. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972.

¹⁸ Б. Г. Гафуров. Указ. раб., стр. 137.

¹⁹ В. В. Григорьев. О скифских саках. СПб., 1871, стр. 43.

²⁰ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава казахов Большой орды и каракиргизов. — «Живая старина», вып. III и IV. СПб., 1894, стр. 403.

Показатели множественности *-к (-ак), -р (ар, ер)* часто встречаются в родовых и племенных названиях V—X вв. Другой показатель множественности *т (-ат, -ит)* особенно характерен для этнонимов X—XVI вв. Что касается показателя *лы*, то он является казахским аффиксом собирательности, широко употребительным в этнонимах XVI—XIX вв.

По поводу возникновения этнонима *Канглы* высказывались разные точки зрения и гипотезы. Средневековые историки и ученые (Рашид-эд-дин, Абу-л-Гази, Махмуд Кашгари) этот этноним связывали с названием телеги в древнетюркском языке — *кан* и мастера, делавшего телегу, — *канглы*. Отсюда, по их мнению, название народа — *канглы*. Такое объяснение возникло, конечно, на почве народной этимологии. Н. А. Аристов этноним *канглы* считал произошедшим от распространенного на Алтае названия реки *Кан*. Действительно, древние тюрки называли Енисей *Кан (каң)* или *Гян*. В тунгусо-маньчжурских языках река называется *кан*.

В настоящее время, в некоторых восточных тюркских языках, слово *кам||кан* — кем употребляется в значении «река». Подытоживая вышесказанное, отметим, что этноним *канглы* состоит из двух морфокомпонентов. Его первый компонент *кан (каң)* 'река', а второй *лы* — показатель множественности и собирательности. Таким образом, этноним *канглы* означает «племя, живущее на берегу реки», то есть «речники».

Этноним *аргын* известен по исторической и этнографической литературе. О нем писали: Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, С. А. Аманжолов, С. Г. Кляшторный, Г. Г. Мусабаев. Некоторые лингвисты пытались установить этимологию этнонима *аргын*. Так, Г. Г. Мусабаев слово *аргын* возводит к монгольскому *аргуй* 'скотовод', Н. А. Аристов связывает его с названием реки *Аргун* на Алтае.

В статье, посвященной этнониму *аргын* в первом томе «Казахской Советской Энциклопедии», это слово разбивается на два компонента: *аруг* (арык) 'чистый', 'прозрачный' и *гун* — название древнего племени. Во всех исторических источниках встречаются варианты этого этнонима: *аргу, аргун, аргын, аркагут, арганут, аркануд*. Эти фонетические варианты, видимо, возникли в различное время.

Судя по структурной форме, этноним *аргын* является адаптацией *аркагун*. Схема его фонетической деформации, очевидно, следующая: *аркагун* < *арган* < *аргын* < *аргу* < *арка*.

По поводу *аркагун* А. Н. Кононов пишет: «*Арка* 'поколение', где *бун* — аффикс множественности, собирательности»²¹.

В приведенных выше вариантах этнонима выступали два показателя множественного числа: во-первых, *гун* (его адаптированный, то есть первоначальный основной вариант *-н*), во-вторых, *т, д* (с вариантами *ут-уд*). Первый из них является древним показателем множественности, относящимся, по-видимому, к периоду урало-алтайской общности языков²², а последние — показатели множественного числа тюрко-монгольских языков. Разделяя мнение А. Н. Кононова, мы также возводим основу термина *аркагун* к древнетюркскому *arqa*. В древнетюркском языке слово *arqa* означало «множество, некоторое количество, совокупность, толпа, группа»²³.

Таким образом, казахский этноним *аргын* является, на наш взгляд,

²¹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 81.

²² А. П. Дульзон. Происхождение алтайских показателей множественного числа. — «Советская тюркология», 1972, № 2.

²³ «Древнетюркский словарь». М., 1969, стр. 53.

усеченной формой или фонетическим вариантом от *арган*, *аркагун* со значением «племенное объединение», «племенной союз», «множество племен». Первоначальной основой данного этнотермина, думается, следует считать *arqa*, а *аргу* — его видоизмененным фонетическим вариантом. Здесь выступает чередование $q||\kappa||r||\varepsilon||$; $a||y$.

Этноним *алишын* в исторических источниках встречается в различных формах: *алишын*, *алачын*, *алачен*, *алазын*. Н. А. Аристов сопоставлял его с восточным *бома* или *пома* «пестрый народ». Эту точку зрения поддерживает Ю. А. Зуев. По мнению Ю. А. Зуева, *бома* является китайским переводом этнонима «пегий конь». Впоследствии этот термин распространился в формах: *алачи*, *алак-булак*, *алка-булак*, *булакай*, *алан*, *алачин*. Ю. А. Зуевым сообщаются данные о расселении одной части племени «пегого коня» (в VII в.) на Севере Алтая, а другой его части (в VIII в.) на Западе. Им приводятся также исторические сведения о расселении алчинцев по берегам Черного и Азовского морей и на западной стороне Днепра.

Еще Геродот указывал на расселение в V в. до н. э. по берегам Черного моря племени *алазон* (или *алазонес*) — скифского племенного союза²⁴. Эти исторические данные наводят нас на мысль, что казахский этноним *алишын* может быть фонетическим вариантом упоминаемого Геродотом *алазонес*. Как известно, такая фонетическая модификация встречается во многих родовых и племенных названиях в младшем жузе, корни которых также уходят в глубь истории; например: *абдалы* (от Эфталит), *Кердер* (от Кирдар), *телеу* (от телес) и т. д.

По нашему мнению, этноним *алишын* является усеченной и видоизмененной формой названия *алазон*. Древнее племенное название *алазон* состоит из двух самостоятельных компонентов. Его первый компонент *ала* встречаем как детерминатив во многих этнонимах и топонимических названиях в алтайских и древнетюркских языках; например: *Ала даг* (у шорцев), *Ала яр* (у алтайцев), *Алатоо* (у киргизов), *Ала шакар* (у османских турков в названии города), *Ала чаам* (название округа)²⁵.

Слово *ала* во многих тюркских языках встречается в значениях «большой», «громадный», «великий»; например: башк. *оло*, якут. *улахан*, казах., кирг. *улы* «великий».

Топонимические названия с компонентами *ала* в казахском языке также выступают в значениях «великий» или «гора»²⁶. Например: *Алатау*, *Алакол*, *Алаарша* и др. Второй компонент *зон* в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, отчасти также в тюркских означает «народ», «племя», бытуя в различных фонетических вариантах (см. выше).

Третий морфокомпонент *ес* в индоевропейских языках является показателем множественного числа. В данном случае схему фонетической деформации можно представить следующим образом: *алазон* > *ализон* > *алзон* > *алсын* > *алишын*. Конечный гласный *а*, первого компонента *ала*, в индоевропейских и русском языках перешел в лабиальный *и*, а на последующем этапе подвергся гаплогонии. Начальный согласный *з*, второго компонента *зон*, в тюркских языках переоформился в согласные *с* > *ч* > *ш* (чередование *с||ш* — закономерное явление в тюркских языках). Суммируя сказанное, можем предположить, что этноним *алишын* является видоизмененной формой первоначального *алазон*, означающего «сбо-

²⁴ Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М., 1972, стр. 191.

²⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря., т. I, ч. I. СПб., 1893, стр. 352.

²⁶ Е. Койчубаев. Краткий словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.

рище племен», «большое племя». В составе племени *младшего жуза* числились роды: *абдалы*, *кердери* и *телеу*, происхождение которых непосредственно связано с историей древнейших племен *юечжицев* и *эфталитов*.

По материалам Н. И. Веселовского, П. И. Лерха, С. П. Толстова, *кердери* являлись древнейшим племенем, таким же, как гунны и уйсуну. Это вторичное название древних юечжицев. В некоторых источниках говорится о первичности названия *кидары* > *кидарит*. Н. А. Бронников полагал, что название *кидары* произошло от имени царя юечжи — *Кидало* или *Кидар*. По утверждению С. П. Толстова, *кидарит* произошло не от имени царя, а от географического названия *Кердери*, расположенного на востоке от Амударьи. *Кердери* в X в. был известен еще под вторым названием *Неукерде*, что означало «новый город» (ир. *ноу* 'новый', древн.-инд. *керд* 'город'). Итак, слово *кердер* означало «город», «городские жители»²⁷. Следует отметить, что в памятниках древнетюркской письменности, а также в системе топонимии и антропонимии тюрков встречаются названия, связанные со словом *кер*. Так, в древнетюркском письменном памятнике Моюн-Чур встречается название *Керди*²⁸; на Алтае, примерно в ста километрах от города Ачинска, встречаются географические названия *Большой Кер* и *Малый Кер*²⁹, в уйгурском юридическом документе, относящемся к XII—XIV вв., — имя *Керік*³⁰. Все эти данные говорят о тесной связи указанных названий и их образовании от общего корня, которым, несомненно, является слово *кер* 'город'.

Этноним *абдалы* обозначает подрод племени байулинцев. А. Ю. Якубовский, Б. Г. Гафуров, В. В. Востров, М. С. Муканов указывали на непосредственную связь *абдалы* с эфталитами IV—V вв. Б. Г. Гафуровым приведены варианты этого названия, встречающиеся в различных языках. Он пишет: «В различных источниках эфталиты, помимо „белых гуннов“, называются по-разному. В сирийских источниках они именуются *абдел* и *эпталит*, в грекоязычных — *абдел*, *эфталит*; в армянских — *хептал*, *идал*, *тетал*; в среднеперсидских — *ефтал*, *хефтал*; в арабских — *хайтал* и *йафтал*; в таджикско-персидских — *хетал*—*хайтал*»³¹.

О происхождении этнонима *абдалы* В. В. Востров и М. С. Муканов пишут: «Вполне вероятно, что казахские и туркменские абдалы являются остатками когда-то крупного племени эфталов (эфталитов), расколовшихся на две части, из которых одна отошла к туркменам, затем через туркмен к казахам. Таким образом, эфталиты являются предками не только туркмен, но и абдалов — младшего жуза казахов»³². Этимология названия этого племени, игравшего некогда видную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии и Восточного Туркестана, привлекала внимание многих ученых, в том числе А. Н. Бернштама, Б. А. Литвинского, Б. Г. Гафурова.

Б. Г. Гафуров склоняется к признанию этимологии, предложенной ученым X в. Балами, который писал: «Название *hayatila* является множественным числом от *haital*, что на языке Бухары означает „сила“, и это слово в арабском языке изменено в *haital*. Действительно, в восточно-иранском, хотано-сакском языке эти фонетически близкие слова означают „храбрый, доблестный“»³³.

²⁷ С. П. Толстов. Города гузов. — «Советская этнография», 1947, №№ 1, 3.

²⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 301.

²⁹ «Россия», т. XVI. СПб., 1903, стр. 23—44.

³⁰ «Древнетюркский словарь», стр. 301.

³¹ Б. Г. Гафуров. Указ. раб., стр. 206.

³² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. раб., стр. 98.

³³ Б. Г. Гафуров. Указ. раб., стр. 206.

Топонимы Казахстана, включающие сотни тысяч названий, содержат богатый материал, отразивший лексические пласты различных эпох: в лексике, в морфемах и в отдельных составных элементах. Е. Койчубаев разделяет топонимы Казахстана по моделям словообразования, словосочетания и характеру составных элементов на пять слоев³⁴. Полностью топонимический материал еще не собран: одних лишь гидронимов насчитывается свыше ста тысяч (по картотеке «Казахской Советской Энциклопедии»). В опубликованных словарях Е. К. Койчубаева и Г. Г. Конкашпаева охвачено не более 1,5 или 2 тысяч топонимов Казахстана, однако среди них мало древних географических названий, сохранившихся на обширной территории республики.

В кратком толковом словаре топонимов Казахстана Е. К. Койчубаева насчитывается не более сотни древних географических названий и небольшое количество арабо-иранских и монгольских заимствований. Древними по лексике, как утверждает автор, являются топонимы: *Ай, Айбет, Айгал, Айтау, Алтай, Аспара, Аязоз, Баган, Баканас, Балкаш, Бартогай, Баян, Бегазы, Биже, Дархан, Дегелен, Дегерес, Зангар, Иргыз, Каргалы, Кастек, Кеген, Кордай, Нарын, Нура, Огузсай, Ожар, Сагыз, Сауыр, Талгар, Усек, Чу, Ызбан* и многие другие.

Следует также отметить, что среди многих тысяч топонимов края есть топонимы, образованные от этнонимов, а также от антропонимов. Семантика происхождения таких топонимов рассматривается в отдельных исследованиях, справочниках и словарях: Н. А. Аристова, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Ч. Ч. Валиханова, Э. М. Мурзаева, Г. Конкашпаева, А. А. Абдрахманова, Е. Койчубаева и др. Е. Койчубаев в своем словаре дает толкование древних и древнейших топонимов и этнопонимов.

В топонимии республики имеются также иноязычные названия, тесно связанные с историей языка и его носителем — народом.

В системе ономастики казахского языка определенное место занимают имена, заимствованные из монгольского, арабо-иранского, русского языков. Особенности процесса заимствования проявляются в неравномерности пополнения различных ономастических подразделений. Так, в системе антропонимии наблюдается большой наплыв арабо-иранских личных имен, а в топонимии — преобладание русских и монгольских заимствований.

Личные имена, заимствованные из арабо-иранского языка, по составу и содержанию распадаются на несколько групп. Преобладает группа, образованная от общенародных бытовых слов; например: *Камар* 'луна', *Шамсия* 'солнце', *Жамал* 'красивая', *Раушан* 'светлый, ясный', *Мурат* 'цель, желание', *Азамат* 'гражданин, удалой', 'молодец', *Азат* 'вольный, свободный', 'независимый', *Акат* 'один, единственный', *Анар* 'гранат', *Нагима* 'любезная, вежливая' и др. Много слов связано с религиозным культом и именами пророков; например: *Махамбет, Мухамбет, Оспан, Омар, Жунис, Айша, Али, Фатима, Абдолла, Абдрахман, Газизолла, Гайса, Гарифолла, Айткали, Абдигали, Абдрасул, Анапия, Анипа, Муслима* и т. п.

Имена, заимствованные из арабо-иранских языков, в казахском языке подверглись значительным фонетическим изменениям; например, имя *Мохаммед* приобрело формы: *Мухамбет, Мухамед, Махамбет, Махмет, Мамбет*; имя *Абрам* — *Ибрагим, Ибрайым, Ибраим, Ибрай*; имя *Гай-*

³⁴ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 5.

ша — Айша, Кайша; имя Али. — Гали, Кали; имя Жусип — Нусип, Тусип, Дусип и др.

В системе ономастики обнаруживается немало монголизмов. Особенно это распространено в топонимии, антропонимии, частично, в космонимии и этнонимии, где имеются как прямые заимствования, так и лексические параллели, общие для тюрко-монгольских языков. О тюрко-монгольской языковой общности, казахско-монгольских языковых взаимоотношениях и взаимосвязях написано немало статей, в которых отмечается сходство и родство этих языков³⁵.

Монголизмы в системе антропонимии можно разделить на две группы. К первой группе относятся антропонимы, заимствованные непосредственно из монгольского языка; например: *Ноян* 'господин', *Нокербек* 'товарищ, друг', *Саин* 'хороший', *Баян* 'богатый', *Сыпатай* (измененная форма от Субедей), *Доненбай* и др. Вторую группу составляют антропонимы, образованные от общей лексики в следующих структурно-семантических группах: а) слова, связанные с животноводством; б) слова, обозначающие явления природы; в) названия диких и домашних животных; г) слова, обозначающие драгоценные камни и металлы; д) терминология флоры; е) термины родства и другие; например: *Бауыржан* (монг. *боор*), *Урімхан* (монг. *ур* 'потомство', 'потомок'), *Нагашбек* (монг. *нагс*, *нагац* 'дядя по матери'), *Болебай* (монг. *бөлу* 'дети двух сестер'), *Кудабай* (монг. *куда*, *худ* 'сват, кум'), *Ахабай* (монг. *ака*, *ах* 'старший брат'), *Бура* (монг. *бугура* 'верблюд-самец'), *Кунанбай* (монг. *гунан* 'трехлетняя лошадь'), *Бука* (монг. *бук-а*, *бугай* 'бык'), *Бота* (монг. *ботугу*, *ботго* 'верблюжонок'), *Тайлак* (монг. *тайлак*, *тайлаг* 'верблюжонок по второму году'), *Доненбай* (монг. *донун*, *донон* 'четырёхлетняя лошадь'), *Серке* (монг. *серке*, *сэрх* 'козел-вожак'), *Бокен* (монг. *боkun*, *бохон* 'сайгак'), *Бугыбай* (монг. *бугу*, *буга* 'олень'), *Жолбарыс* (монг. *барс* 'тигр'); *Тэнірберген* (монг., ст. монг. *тенгрі*, *халга*, монг. *тэнгер* 'небо, небесный покровитель'), *Булакбай* (монг., ст. монг. *булак*, *халк*, монг. *булаг* 'ключ, источник'), *Сара* (монг. *сара* 'луна'), *Боран* (монг. *бору-ган* 'буран'), *Арай* (монг. *ур* 'утренняя заря'), *Жылкелді* (монг., ст. монг. *жіл*, монг. *жил* 'год'), *Алтын* (монг. *алтан* 'золото') и др.

Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана встречаются часто. Данный вопрос рассмотрен в специальных статьях, а также в топонимических работах Г. Г. Конкашпаева, А. А. Абдрахманова и Е. Койчубаева. В новом «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» Е. Койчубаева встречаются отдельные топонимические названия монгольского происхождения как односоставные, так и двух- и трехсоставные; например: *Анракай*, *Баянаул*, *Баянкол*, *Далайты*, *Зайсан*, *Жамбыл*, *Кеген*, *Текес*, *Укирши*, *Алтынэмель*, *Котанэмель*, *Контажи*, *Муқыр*, *Муньке*, *Нарынкол*, *Толагай*, *Шаган* и др.

Современная казахская ономастика все больше обогащается за счет слов, возникших в советское время, и в основном заимствованных из русского языка, а также из языков народов братских республик. Все эти имена и названия казахским языком воспринимаются почти без изменений, с сохранением первичной основы. Говоря о закономерностях развития ономастики в языках народов СССР, Ю. Д. Дешериев спра-

³⁵ С. К. Кенесбаев. К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности на материале некоторых грамматических явлений казахского языка. — В кн.: «Проблемы общности алтайских языков». Л., 1971; Ш. Ш. Сарыбаев. Монгольско-казахские лексические параллели. — Там же; его же. К вопросу о монгольско-казахских языковых связях. — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 2. Алма-Ата, 1960; и др.

ведливо писал: «Из области ономастики можно назвать немало имен, которые получили широкое распространение в нашей стране после революции. Среди них есть имена, рожденные Великим Октябрем, имена, восходящие к русскому языку и через него к другим языкам: *Ким, Мая, Роза, Борис, Эльза, Луиза, Тамара* и т. д. Характерной особенностью распространения имен на языках народов Советского Союза является широкое проникновение исконно русских имен, а также греческих, латинских через русский»³⁶.

За последние 30—40 лет количество личных имен, заимствованных из русского языка, заметно возросло. Отметим, что наряду с русскими в казахский язык вошли также личные имена из языков народов братских республик — украинские: *Тарас, Денис, Олеся, Кирилл*; грузинские: *Дила, Тамара, Арсен, Серго*; татарские: *Файзулла, Габдулла, Рашид, Фариза, Ляля, Лола*; узбекские: *Тахир, Зухра, Фаркат, Зулхия*; таджикские: *Дидара, Раушан, Гафур* и др. Все это является убедительным свидетельством тесной взаимосвязи народов Советского Союза, общности их культуры, братской дружбы, основанных на интернационализме.

В настоящей статье затронуты лишь основные моменты казахской ономастики, специальное и углубленное изучение которой, безусловно, имеет большое научно-практическое значение. Развитие и формирование ономастики, а также обогащение ее состава неразрывно связано с нормами и закономерностями языка.

³⁶ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 300.

Л. С. ЛЕВИТСКАЯ

ЧУВАШСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Чувашская лексика так же, как фонетическая и морфологическая системы чувашского языка, многослойна: наряду с собственно древнечувашским (булгарским) пластом она содержит элементы, восходящие к другим тюркским языкам, в частности, к татарскому (поздние заимствования), а также к ряду нетюркских языков: арабскому, персидскому, монгольскому, русскому, финно-угорским и т. д.

Значительный вклад в чувашскую историческую лексикологию внесли Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров, финский тюрколог М. Рясанен и другие ученые. Однако до сих пор не создан относительно полный, составленный хотя бы на базе Thesaurus'a Н. И. Ашмарина, сравнительно-этимологический словарь чувашского языка. Осуществление подобного исследования, видимо, дело будущего. Наша же цель — подготовить дополнительные материалы к этимологическому словарю В. Г. Егорова¹ и привлечь внимание тюркологов к актуальным для чувашской лингвистики темам: «Татарские заимствования в чувашской лексике», «„Кыпчакизмы“ чувашского словаря», «Арабские и иранские заимствования, пути их проникновения в чувашский язык и особенности их фонетического и семантического освоения»².

В качестве частичной реализации этого замысла и предлагаются этимологические разработки нескольких чувашских слов.

Śərme: śərme rujaŋ 'очень богатый'.

В словаре Н. И. Ашмарина (XIII, стр. 108) śərme значится как неизвестное слово, встречающееся в «соединении»: śərme rujaŋ 'крепкий богач', śərme rujaŋlāx 'богатство'. В «Этимологический словарь» В. Г. Егорова śərme не включено. Нет его и в словаре М. Рясанена.

Śərme является производным от глагола śəg- 'гнить' ~ общетюрк. çü:gi-||çi:gi-, ср. тат. çəgəŋ baj 'прогнивший богач' (об очень богатом человеке), кум. bajluyundan çigimek 'быть очень богатым', дословно: 'гнить от своего богатства'.

Этимология, предложенная М. И. Скворцовым (стр. 148): <перс. سرمایه sāg-maje 'капитал', представляется спорной.

¹ См.: Л. С. Левитская. Чувашские этимологии. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 80—84.

² Первая тема уже была затронута в работах В. Г. Егорова, Г. Рамстедта, М. Рясанена, Н. Поппе. Арабские и персидские заимствования изучались В. Г. Егоровым, М. Р. Федотовым, М. И. Скворцовым и другими, но выявлены пока не полностью. «Кыпчакизмы», а также огузские элементы чувашского словаря, насколько нам известно, еще не были объектом специального исследования.

Šūmen 'бойкий', 'резвый'. Слово не попало в этимологический словарь В. Г. Егорова. Оно сопоставимо с баш. диал. **saṁap** 'проворный' (о лошади) < *čaṁap (эта же праформа восстанавливается и для чувашского слова: **šūmen** < čuṁap < *čaṁap, u > ü под влиянием š).

Баш. диал. **saṁap** представлено и в литературном языке фонетическим вариантом **sapaṁ**, но уже с противоположным значением 'ленивый' (о лошади), сюда же относится ног. **šapaṁ** 'ленивый', 'упрямый', туркм. **čapaṁ** 'ленивый', 'вялый', 'медлительный', чув. **čapaṁ** < тат. и т. д. (см.: М. Ряснен, VEWT, стр. 98a).

К семантике «бойкий», «резвый» || «ленивый» ср. тат. лит. **jaṁap** 'плохой', 'плохо', но диал. 'хороший', 'хорошо', тат. лит. **paṁap** 'лукавый', 'хитрый', 'пронырливый', но диал. 'ленивый', 'лодырь'.

Təgə 'вышивка', 'узор'. В своем этимологическом словаре В. Г. Егоров правильно отождествляет его с кирг. и каз. **tür** 'вид', 'форма', 'орнамент'. Эти данные могут быть дополнены следующими примерами (см.: РСл, III, стр. 1555): алт., тел., кир., (-каз.), чаг. **tür** 'рисунок на материях', 'вышитое украшение', пестрые рисунки на кошме'; каз. 'цветы на кошме'; ст. узб. **tür** 'узор на занавесе или двери'; (РСл, III, стр. 1288): казан. **tör** 'вышивка', 'узор'; узб. **turlä-** 'подбирать по цвету' (например, шелка при вышивании); кир. **türdö-** 'наносить орнамент' и т. д.

Kəskə 'нагрудная вышивка на женской рубашке'. Сопоставление с туркм. **kešde** 'вышивка'; кир. **kešte** и т. д. (В. Г. Егоров, стр. 109; М. И. Скворцов, стр. 144—145) по фонетическим причинам нами не принимается.

Нельзя ли сопоставить **kəskə** с тюрк. **küzgü** ~ чув. **kəskə** 'зеркало'? Семантически это как будто находит подтверждение в туркм. **aṁagöl** 'название коврового орнамента' (**aṁa** 'зеркало' + **göl** 'название коврового орнамента'), а также в некоторых этнографических данных. Например, Н. И. Ашмарин (Сл., VII, стр. 302) в словарной статье **kəskə** писал, что «по словам старых чуваш, рисунки узоров изображают солнце как подателя жизни» (см. также: П. В. Денисов, стр. 22 и сл.).

В якутском языке известно слово **kühäyä||kühäñä** 'общее название кружков на спине шаманского кафтана, изображающих солнце, месяц, прорубь и пр.', 'железный кружок, пришиваемый к шаманской одежде и означающий солнце' (Пекарский, Сл., II, стр. 1340). Это слово сопоставимо с шор., саг., койб., кач. **küzäñä** 'зеркало' (РСл, II, стр. 1506), тур. диал. **güzünke, gözüñge**, сред. тюрк. **közñü idem**.

У тюркских народов были распространены круглые металлические зеркала, нередко украшенные орнаментом.

Xuṣṣä 'кострика', 'очески', диал. **xuṣa, xəṣa** < *kaṣu, *kaṣa, ср. тат. диал. **kaṣu**, мокшан. **kaṣa** < тат.

Параллели, приведенные в этимологическом словаре В. Г. Егорова, кажутся нам маловероятными.

KəDevle 'в долг' < **kəDev** — отглагольное имя от глагола **kət-** 'ждать' + наречный аффикс **-le**, ср. **kəDesle** (В. Г. Егоров, стр. 111), а также баш. **kötäk, kötäsäk** 'долг' (< **köt-**, < **küt-**).

JəDer-, диал. **iDer-** 'сосать' (о теленке), ср. тув. **et-** 'давать молоко' (о домашних животных), хак. **is-** 'давать молоко' (о корове), туркм. **ijdir-** 'приливать' (о молоке коровы), кир. **ij-** 'спустить молоко', кум. **ij** 'приливать' (о молоке), як. **iet-** 'быть расположенной к доению'.

В чувашском языке як. **iet-**, тув. **et-**, хак. **is-**, кум. **ij-** должны были бы быть представлены в виде ***ig-**, то есть **irder** > **ider** > **iDer-**, где **-der** — аффикс каузатива. Возможно, что **jəDer-** попало в чувашский из какого-то кыпчакского языка и восходит к **ijder-**.

KuVarža, koVarža 'седалище', 'ягодица'.

В. Г. Егоров в своем этимологическом словаре ссылается на Х. Паасонена, сопоставлявшего это слово с татарским глаголом *кабаг*- 'вздвигаться', 'подниматься' (?). Того же мнения придерживается и М. Р. Федотов (стр. 92). Не лучше ли сближать чув. *kuVarža* с русским *купер*, *купр* 'крестец', 'копчик' (см.: М. Фасмер, стр. 420), откуда и морд. эрзян. *копорь* 'круп лошади', морд. мокш. *копорь* 'спина'. Из чувашского, вероятно, заимствовано мар. *kovagše* 'круп лошади' (М. Ряснен, стр. 248—249).

Kavar 'уговор', 'соглашение', 'заговор', вероятно, восходит к русскому «сговор», в ряду значений которого у В. Даля (ТСл., IV, 164) приводятся: 'переговоры для соглашения', 'уговор'.

Сочетание звуков *sg*, невозможное в чувашском анлауте, упростилось (ср. *truk* < *вдруг*), гласные закономерно переданы как *a* (ср. *salat* < русск. *солод*).

Сближение с тюркским глаголом *kawuř-* 'встречаться', 'сходиться', предложенное в этимологическом словаре В. Г. Егорова, кажется нам несколько искусственным.

Xalar 'сказка', 'разговор', 'беседа', 'рассказ', 'новости', 'слово'.

Это слово не включено в этимологический словарь В. Г. Егорова. В чувашском языке употребительны его производные: *xalarla-* 'говорить', 'разговаривать', 'беседовать', 'рассказывать', *xalaršĕ* 'сказочник', 'рассказчик', 'пустомеля', 'говорун', 'краснобай'. В чувашских говорах наряду с *xalar* встречается *xallar*, которое, на наш взгляд, ближе к первоисточнику. Чувашское *xallar*||*xalar*, вероятно, можно сблизить с отмеченным в языке татар Западной Сибири *kallap* 'шутник', 'балагур', восходящим, как и чувашское слово, к арабскому *قالب* (*qallab*) 'подвижный', 'непостоянный', 'изменчивый', перс. *قلاب* (*gāllab*) 'обманщик', 'плут' (> уйг. *kāllar* 'обманщик', 'жулик', 'мошенник', узб. [по К. К. Юдахину] *kāllab* 'жулик', 'лжец').

В чувашском *xalar* можно предположить контаминацию двух форм **kalp*, **kalyp*³, 'ложь' → 'небылица' → 'сказка' → 'рассказ' и **kallap* 'лжец' → 'балагур' → 'сказочник'.

В семантическом плане это слово можно сравнить с чувашскими *jotax*||*jutax* 'сказка', 'рассказ', 'разговор' и *sojala-* 'разговаривать': *soja* 'разговор', *sija* 'ложь'.

М. Ряснен (VEWT, стр. 1606) также считает *xalar* заимствованием из арабского, но возводит его к *خلاف* (*hilāf*) 'противоречие', 'разногласие', 'расхождение' (во взглядах), откуда и тур. *xilaf* 'ложь'. Ср. также перс. *خلافی* (*helaf*) 'неправда', 'несогласие' и т. д. (<араб.).

Tayāt диал. 'мощь', 'сила', 'средства', 'состояние', тат. диал. *daxat* 'терпение', *taxat id.* < перс. *طاقت* (*tagāt*) < араб. *طاقة* (*taqat*) 'сила', 'мощь', 'выносливость', 'терпение', ср. также тур. *takat* 'сила', 'мощь', туркм. *ta:kat* 'терпение', 'выдержка', узб. *takat* и т. д., восходящие к тому же источнику.

Xərt, xəDə 'секира', 'сабля', ср. осет. *kard* 'нож', 'сабля', др.-русс. *кордъ* 'род меча'⁴.

В «Этимологический словарь» В. Г. Егорова это слово не вошло.

³ См., например, кирг. *kalp* 'небылица' (фольклорный жанр).

⁴ Подробнее об этом см.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, том 1. М.—Л., 1958, стр. 571.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Н. И. Ашмарин, Сл. — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. 1—17. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
- В. Даль, ТСл. — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1955.
- П. В. Денисов — П. В. Денисов. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969.
- В. Г. Егоров — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Пекарский, Сл. — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, тт. I—III. М., 1958—1959.
- РСл — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
- М. Рясänen — М. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremisschen. MSFOu, XLVIII. Helsinki, 1920.
- М. Рясänen, VEWT — М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969.
- М. И. Скворцов — М. И. Скворцов. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. — «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 39. Чебоксары, 1969.
- М. Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. I—IV. М., 1964—1973.
- М. Р. Федотов — М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чебоксары, 1965; ч. II. Чебоксары, 1968.

Э. А. УМАРОВ

РИФМА И РЕДИФ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ

Использование лексических вариантов фразеологизмов объясняется стремлением писателей повысить экспрессивность языка, его эмоциональное воздействие. Вводя во фразеологизм новый компонент, автор придает ему новый семантический оттенок в рамках уже известного значения, достигая тем самым соответствующего эффекта в ассоциативном и эмоциональном отношении¹.

В языке Алишера Навои лексическая вариантность фразеологизмов представлена очень широко. Достигается это разными путями. Например, целый ряд фразеологических вариантов возникает под воздействием рифмы и редифа. В данном случае имеются в виду, конечно, поэтические произведения. Остановимся на конкретных примерах.

В произведениях Навои для выражения понятия «отречься» обычно употребляется фразеологизм *илик ювмоқ*:

*Дайр аро чун мугбача эл ёри бўлди, эй кўнгул,
Юв муғона май била ул номусулмондин илик* (ФС 346).

‘О сердце, раз та красавица стала в кабачке другом для всех,
Отрекись от вина и от этой нечестивицы’.

Этот фразеологизм был литературной нормой для языка XV века. Он встречается не только в поэзии Навои, но и в творчестве предшественников поэта, например, Лутфи:

*Илик мендин ювунг, эй меҳрибонлар,
Жонимдин не тиларсиз, эй фалонлар*².

‘Проститесь со мной, о любезные,
Что вы хотите от меня, о люди’.

Но вместе с тем у Навои встречается и вариант *илик йиғиштур*:

*Эй чоранамо, илик йиғиштур
Ким дардима чора-сағб иштур* (ЛМ 389).

‘О лекарь, отрекись,
Средство от моего страдания — терпение’.

Этот вариант возник под влиянием рифмы *иштур* ‘это работа’. Заменяя слово *йиғиштур* словом *ювмоқ* ‘мыть’, поэт в новом варианте добивается изменения тональности. Этот фразеологизм носит оттенок фамильярности, грубоватости.

¹ И. И. Чернышева. Фразеология современного немецкого языка. М., 1972, стр. 127.

² «Лутфий». Нашрга тайёрловчи С. Эркинов. Тошкент, 1958, стр. 167.

Литературной нормой одного из фразеологизмов со значением «быть несчастным» является сочетание *димоғидин дуд чиқмоқ*. В поэме «Лисон ут-тайр» поэт, исходя из рифмы первой строки *бутун* 'целый', употребляет это сочетание в форме *чиқти димоғидин тутун*, то есть персидское слово *дуд* 'дым' заменяется тюркским эквивалентом *тутун*:

*Оҳ уруб чиқти димоғидин тутун,
Тош ила қўймоди атзосин бутун* (ЛТ 199).
'Застонал он, извергая дым и скорбя,
И камнями жестоко он себя избил'.

Случается, что один и тот же фразеологизм поэт употребляет под воздействием рифмы в двух, а иногда и в трех авторских вариантах. Обще-литературный фразеологизм *бел боғламоқ* 'приняться с усердием' (он употребляется и в современном узбекском языке):

*Дайр пири хизматига, эй кўнгул, бел боғладиң
Билким ушбу боғламоққа бор эди зуннор шарт* (НШ 285).
'О сердце, ты усердно взялось служить хозяину питейного дома,
Знай, чтобы привязаться к нему, *зуннар* — необходимое условие'.

Этот фразеологизм употреблен в произведениях Навои еще в трех авторских вариантах: *маҳкам айламоқ*, *бел*, *белни руст айламоқ*, *белни маҳкам этмоқ*:

*Лайли отаси кўруб элин суст,
Чора сари боғлади белин руст* (ЛМ 399).
'Лейли, увидев плохое состояние отца,
Стала усердно искать пути излечения'.
*Қуларга ўзумни ҳамдам эттим,
Қуллуққа белимни маҳкам эттим* (БА 164).
'Я стал другом рабам,
Стал усерден в рабском служении'.
*Харён киши чоптуруб йиғиб эл,
Ким амрида маҳкам айлабон бел* (ЛМ 398).
'Отовсюду согнал он людей,
Твердо решил отомстить'.

Как видно из примеров, первый вариант возник под воздействием рифмы *суст* 'медлительный' — *руст*, второй — под влиянием составной рифмы *ҳамдам эттим* 'я удружил' — *маҳкам эттим*, третий — обусловлен рифмой *эл* 'народ' — *бел*. По отношению к литературной форме фразеологизма последние три варианта должны считаться просторечными.

Фразеологизм в форме *юз суйин сочиб* 'потерять авторитет' является индивидуальным авторским вариантом:

*Ё улус ичра юзи суйин сочиб,
Ё олибон бошину бир ён қочиб* (ХА 77).
'Либо потерять свой авторитет в народе,
Либо бросить все и уйти'.

Этот фразеологизм из поэмы «Хайрат-ул-аброр» сложился под воздействием рифмы *қочиб* 'убежав' — *сочиб*. Обычно же он употреблялся в форме *юз суйини тўкмоқ*. Сравните, например, употребление этого фразеологизма в турецком языке: *yüz suyu dökme* 'терять авторитет'³, *içtiğin üzüm suyu tu, döküğün yüzün suyu tu?* 'выпил ли вино, потерял ли авторитет'⁴. Кстати, этот фразеологизм отмечен и в найманском

³ Omer Asım Aksoy. Atasözleri ve deyimler. Ankara, 1965, стр. 285.

⁴ «Ata sözleri ve özlü sözler». Sofya, 1960, стр. 86.

говоре узбекского языка (Самаркандская область): *юзингни сувини тўк-ма* 'не теряй авторитет'⁵.

Фамильярный стилистический оттенок имеет фразеологизм *силкар энг* 'отречься'.

*Силкибон эл яхши — ёмонига энг
Англаб улус йўқию борини тенг* (ХА 65).

'Людей, отрекшихся и от доброго, и от злого,
Народ считает безразличными к тому, что есть и чего нет'.

Этот вариант из «Хайрат-ул-аброр» Навои создал под воздействием рифмы *тенг* 'равно' — *энг*. Общепринятой литературной формой этого фразеологизма является *илик силкимок*, характерный для языка поэзии XV века.

В прозаических произведениях варианты фразеологизмов встречаются редко. Они отмечаются только в текстах, написанных в форме *сажесъ* — рифмованной прозы. В «Махбуб ул-кулуб» просторечный фразеологический вариант *бўйун қўймағай* 'непокорный' появился вместо *буюн сунмоқ*, под воздействием рифмующегося слова *тўймағай* 'не насытиться'.

Ҳақнинг ҳеч амрига бўйун қўймағай ва шаётиннинг барча буйруғин бажо келтиур-дин тўймағай (МК 47).

'Он не устал уклоняться от любых указаний бога и выполнять все повеления шайтанов'.

Фразеологизм *илгидин ихтиёри бормоқ* 'упустить возможность' под влиянием рифмовки с *етти* 'достиг' — *кетти* употреблен в форме *иликдин беихтиёрона кетти*:

Чун муҳлик интизоридин жон оғзига етти ва шекиболиғ ихтиёри иликдин беихтиё-рона кетти (МШ 94).

'Когда от ожидания смерти душа поднялась к устам и терпение вдруг выскользнуло из рук воли'.

Новые лексические варианты могут возникнуть и под воздействием редифа. В следующем примере появление фразеологизма *қон айлама* на месте обычного *қон қилмоқ* 'истерзать' объясняется наличием редифа *айлама* 'не делай':

*Захмлиғ бағримни юз минг пора айлаб тийғ ила
Зулмдин ҳар порасин бир қатраи қон айлама* (ФК 555).

'Лезвием изрезал на сто тысяч кусков мою несчастную печень,
Не терзай каждый кусок, не мучай'.

Употребительность новых вариантов подобных сочетаний ограничена, тогда как общепринятая литературная форма используется широко.

Редиф газели *ўртади* 'горевать' позволил создать фразеологический вариант *қоним ўртади* вместо *қони қайнамоқ* 'рассердиться'.

*Лағли маҳлул айлагандин ўт ёқиб хошок ила,
Ҳажри жоним куйдуруб жисмимда қоним ўртади* (БВ 603).

'От пламени ее рубинов огнем занялось мое тело,
Разлука сожгла мою душу, в теле свернулась кровь'.

Как видно из примеров, образование лексических вариантов фразеологических выражений под воздействием рифм и редифа характерно для языка произведений Навои. Примерно две трети всех фразеологических вариантов возникли именно таким путем. Все они, являясь автор-

⁵ По сообщению К. Расулова.

ски-индивидуальными вариантами, придают языку поэта еще большую красочность и выразительность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БВ* — Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат («Диковины средних лет»). Тошкент, 1959.
ВА — Алишер Навоий. Вақфия («Вакуфная запись»). Тошкент, 1966.
ФС — Алишер Навоий. Ғаройиб-ус-сиғар («Диковины детства»). Тошкент, 1959.
ЛМ — Алишер Навоий. Лайли ва Мажнун («Лейла и Меджнун»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
ЛТ — Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр («Язык птиц»). Тошкент, 1966.
МК — Алишер Навоий. Маҳбуб-ул-қулуб («Возлюбленный сердец»). Тошкент, 1966.
МШ — Алишер Навоий. Муншоат («Письмо»). Тошкент, 1966.
НШ — Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб («Редкости юности»). Тошкент, 1959.
ФК — Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар («Назидание старости»). Тошкент, 1960.
ХА — Алишер Навоий. Хайрат-ул-аброр («Смятение праведных»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
-

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ БАЯН-КОЛА (ТУВА)

В 1971 г. во время работы Саяно-Тувинской экспедиции Академии наук СССР в южных отрогах Уюкского хребта, северо-восточнее Баян-кола, автором была обнаружена стела с рунической надписью¹. Стела находилась на небольшом плато на восток от погребения с оградкой из пластин сланцевых пород. В северо-восточном направлении от стелы было установлено несколько камней-балбалов. Трещины расслоили стелу, и два пластинчатых ее обломка лежали в 1—2 м от памятника. Обломки были укреплены нами на участках скола [установленные обломки легко различимы на фотографиях по трещинам (см. фото 1)].

Стела светло-серого цвета, высотой 2 м 30 см, слегка наклонена к западу. На восточной и южной сторонах ее имеются крупные процарапанные знаки. На северной стороне просматриваются мелкие слабые резы, нанесенные чем-то тонким и острым. Надпись выполнена опытной рукой, специально подобранными инструментами, об этом свидетельствуют одинаковая высота букв и промежутков между ними, ровные строки, отсутствие следов повторных резов и срывов руки на кривых линиях и пересечениях.

На западной стороне стелы видны рельефно высеченные, но сильно поврежденные выветриванием две тамги и характерные для тюркских племен стилизованные изображения горных козлов, выполненные точечным способом. В настоящее время стела, расколовшаяся на четыре части, хранится в Тувинском республиканском краеведческом музее в г. Кызыле (инв. №№ 21, 23, 26, 27).

Южная сторона (фото 1):

1 ǃ ǃ ǃ ǃ ǃ . 1

I. Bāñy tas

I. 'Вечный камень'.

В кратком, плохо сохранившемся тексте этой стороны стелы сле-

¹ Предварительное сообщение о памятнике см.: «Тезисы конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Института востоковедения АН СССР». М., 1973, стр. 102—104.

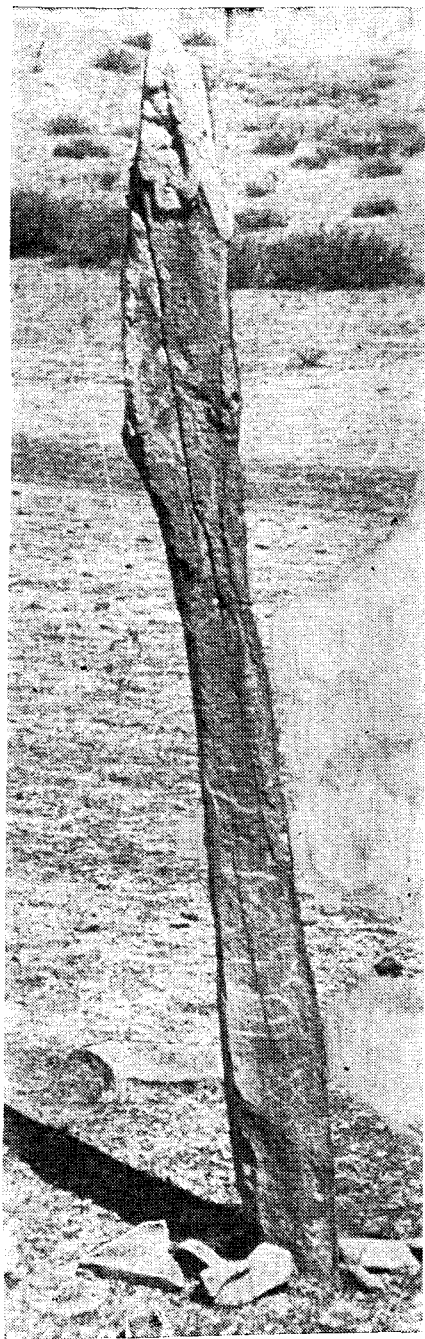

Фото 1.

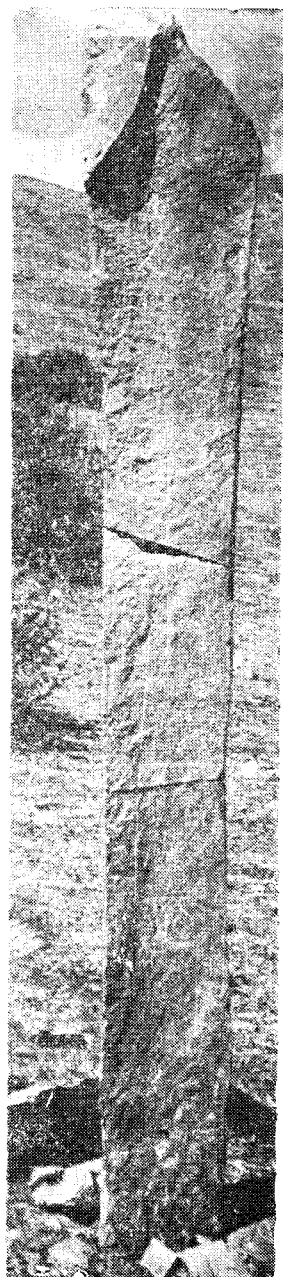

Фото 2.

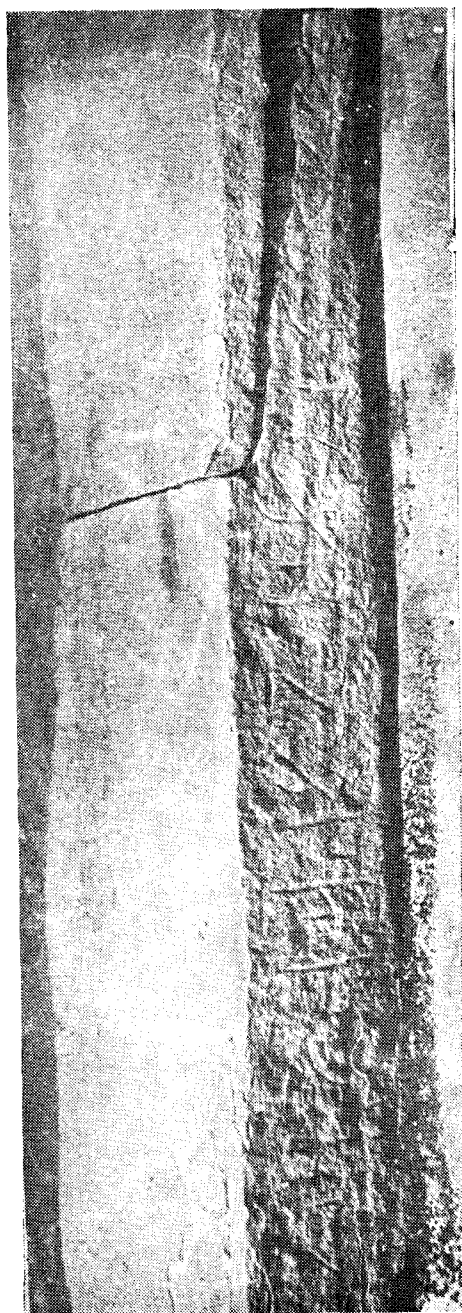

Фото 3.

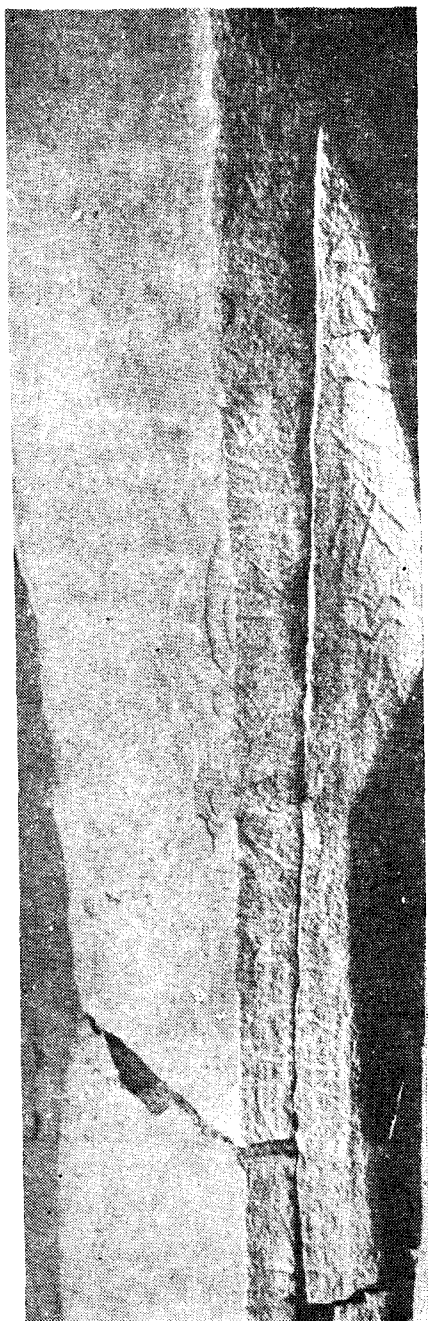

Фото 4.

⇒ x ⇒ B x — подобное написание без обычно регулярной в первом слове графемы для губной встречается, например, в памятнике с р. Уюк-Туран¹², территориально наиболее близком к данному.

⊗ ⊗ ⊗ ⋈ > h1Y nXN ⊗ Y X N ⊗ n n ⊗ o n o l ⊗ Y X N ⊗ x n h j o h Y' > ⊗ . 1

1. 'Теперь я удовлетворился там моим рвением к верности (порядку), и сам, унизившись (пав), я не поселил в себе рвения к славе'.

Эпитафия, представляющая собой, по-видимому, малую дидактическую форму, композиционно делится и образует две однородные группы *tüzüm qizîyim* и *ünüm qizîyim*. Отглагольное имя *qizîq*¹³ является здесь составной частью в парных сочетаниях: *tüz qizîq* 'горение, ярость, рвение к верности' и *ün qizîq* 'горение, ярость, рвение к славе'.

⊙ ↯ (в тексте памятника встречаются оба варианта — ↯ и ↯).

Предложенный порядок чтения сторон стелы логически объясним: 1) называется объект; 2) указывается, кто захоронен (известный человек из алты-азов); 3) собственно эпитафия, связанная с биографией последнего.

¹¹ По замечанию В. В. Радлова, «имеют, как флексивные знаки в конце слова, различное значение». Он устанавливает для них в этих случаях значения *г, г, н, н, ны, ни*, что позволяет предположить здесь и наличие аффикса дательного падежа. Но это замечание было высказано В. В. Радловым в ранней работе и впоследствии им не подтверждалось. (W. W. Radloff. *Altürkischen Inschriften der Mongolei*, I. StP., 1894, стр. 2).

¹³ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 450: qüz-.

¹⁵ Там же, стр. 455.

З. КЛЕЙНМИХЕЛЬ

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ В «МАРЗУБАН-НАМЕ» И У ЯКАБА НАДЬ ДЕ ХАРШАНЯ

Исследования в области истории турецкого языка всего несколько десятилетий тому назад ограничивались преимущественно вопросами морфологии. С развитием фонологии возникли попытки использовать ее достижения и для изучения языка анатолийско-тюркских письменных памятников.

Однако синтаксис старо- и среднеосманского языка по сей день остается вне поля зрения ученых. Синтаксическим особенностям не придается особого значения, их объясняют прежде всего влиянием персидского языка. В то же время выясняется, что некоторые различия в валентности староосманского и современного турецкого языков привели к различным синтаксическим образованиям.

Рядом авторов заведомо исключается возможность синтаксических исследований некоторых текстов. Так, например, считается, что тексты, транскрибированные нетюрками, не являются достаточно достоверным, с синтаксической точки зрения материалом. Поскольку транскрибированные тексты часто отражают языковой стиль, не получивший иного письменного выражения, их материал, разумеется, представляет интерес лишь в зависимости от степени его достоверности. До тех пор, пока мы не будем располагать достаточным числом специальных синтаксических исследований, невозможно будет составить целостное представление об историческом развитии синтаксиса анатолийско-тюркского языка.

В предлагаемой статье предпринята попытка исследовать глаголы говорения (в широком толковании этого термина) и их валентности на материале двух памятников, очень различающихся по времени возникновения, содержанию, манере записи, цели изложения, а также по стилю. Речь идет о книге «Colloquia familiaria Turcico-Latina...» Якаба Надь де Харшаня (XVII в.), текст которой был опубликован в монографии Г. Хазаи, посвятившего ей специальное исследование¹, и о «Марзубан-наме» (староосманский памятник XIV в.)². Вследствие названных различий и из соображений осторожности, с которой нужно подходить к исследованию транскрибированных текстов, вряд ли следует особенно полагаться на частоту употребления отдельных форм при сравнении

¹ G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert. Untersuchungen an den Transkriptionstexten von Jakab Nagy de Harsány. Budapest, 1973.

² См.: Zeynep Korkmaz. Sadru'd-din Seyhoğlu. Marzuban-nâme tercümesi. İnceleme — Metin-Sözlük, Tıpkıbasım. Ankara, 1973 и S. Kleinmichel. Untersuchungen zu phonologischen, morphophonologischen und morphologischen Problemen im Marzuban-nâme. Dissertation. Berlin, 1970—1971.

обоих текстов. Однако эта частота все-таки в известной мере характеризует характер каждого текста, поэтому мы не считаем излишним называть в каждом отдельном случае число обнаруженных примеров.

Глаголы, насколько это позволял материал, анализировались, согласно следующим критериям:

(1) Глаголы говорения перед непосредственно следующей за ними прямой речью.

(2) Глаголы говорения в сочетании с союзом *ki/kim*:

- для передачи прямой речи,
- для передачи сообщения, которое не является ни определенно прямой, ни определенно косвенной речью,
- для передачи косвенной речи.

(3) Глаголы говорения в повелительном наклонении:

- в сочетании с другим глаголом в желательном наклонении, в 3-м лице (-косвенная речь);
- в сочетании с другим глаголом, морфологически не отличающимся от глаголов, входящих в состав прямой речи, но который по смыслу должен передавать косвенную речь.

(4) Глаголы говорения с распространенным прямым дополнением:

- в функции которого выступает придаточное предложение,
- в функции которого выступает глагольное имя на *-dik* или *-yacak*.

(5) Глаголы говорения с коррелятом *anıñcın* и в сочетании с придаточным предложением, которое вводится посредством союза *ki/kim*:

- для выражения цели,
- для выражения причины.

(6) То, что сообщается (то, о чем спрашивают), выражается прямым дополнением.

(7) Тот, кому о чем-то сообщается (которого спрашивают), выражается посредством:

- дополнения в дательном падеже,
- дополнения в исходном падеже (дополнения в винительном падеже).

(8) Тот/то, о ком/о чем сообщается или спрашивается, выражается посредством:

- прямого дополнения,
- дополнения в исходном падеже,
- дополнения в дательном падеже,
- дополнения в местном падеже,
- дополнения, представленного именем с послелогом.

(9) Глаголы говорения с двумя обязательными дополнениями.

Наиболее часто употребляемый глагол говорения в «Марзубан-наме» — глагол *eyitmek* 'сказать, рассказывать'.

(1) То, что сообщается, 563 раза встречается непосредственно после личной формы как прямая речь, то есть как другой уровень повествования. Это может быть началом нового рассказа, который вставляется в обрамляющее повествование, либо сообщением о персидских или арабских стихах, арабских цитатах из корана или цитатах из комментария к корану на турецком или арабском языке. Стихи 8 раз также выделяются при помощи слова *beut*, помещенного между *eyitdi*—*eyitmişdür* и самим стихотворением.

В некоторых случаях прямая речь после *eyitmek* заканчивается личной формой глагола *demek*. Нередко прямая речь передается несколькими предложениями и глагол *demek* служит для того, чтобы указать на начало прямой речи. Дважды (596, За 4) соответствующая форма *demek*

вставлена в прямую речь. В каждом случае при этом форма *eyitmek* и *demek* согласуются в лице, числе и времени — *eyitdi ... dedi*: 26 14, 66 5, 12a 2, 12a 6, 136 11, 146 9, 146 13, 16a 10, 21a 1, 21a 4, 21a 12, 356 1, 356 3, 386 13, 40a 9, 466 7³, 47a 12, 596 9; *eyitdiler... dediler*: 10a 12, 386 5, 3a 4; *eyitdüm... dedüm* 36 7; *eydürdi... dëridi*: 116 7, 60a 9.

Если начатое предложение первого уровня повествования после прямой речи имеет продолжение, то прямая речь может заканчиваться деепричастием. Например: *eyitdi... dëyüb* 136 2, 646 3; *eyitdi... dëyü* 296 10, 606 13; *eyitdiler... dëyü* 54a 7; *eyitdiler... dediler... dëyü* 3a 4. В некоторых случаях глаголу *eyitmek* предшествует другой глагол говорения в личной форме. Здесь глагол *eyitmek* теряет свое лексическое значение и только вводит прямую речь *çağırdı eyitdi* 356 10, *çağırdılar eyitdiler*: 19a 6; *cevāb vërdi eyitdi* 67a 11; *sordı eyitdi* 196 3; *münādi: kıldılar eyitdiler* 386 7. В одном случае между обоими глаголами стоит *ki*: *çağırdı ki eyitdi* 526 2.

(2) Прямая речь может также передаваться с помощью глагола *eyitmek* в сочетании с союзом *ki/kim*. Это наглядно демонстрируют следующие пять примеров: *eyitdi ki: işitdüm* 166 13 '(он) сказал: «Я слышал...»»; *ëydür kim: oğurluk eylemedüm* 376 1 '(она) говорит: «Я не кра-ла»»; *dilkü eyitdi: yalūñuz ol iş degül dahi eydürmiş kim: bir ayruğile dü-zildi dëyüb aduñ yavuz eylermiş* 146 5 'Лиса сказала: «Не только это, он еще сказал: она сделала это с другим и тем самым опозорила твое имя»»; *balıkcıl ağzın açub eydince ki: eyit* 306 14 'как только цапля открыла рот, сказала: «скажи...»»; *eydürdi ki: beyt* (далее следуют персидские стихи) 106 14, 'он говорил: [бейт]'.

В двух первых случаях изменение формы лица при одном и том же реальном объекте показывает, что уровень повествования меняется. В примере 146 5 прямая речь включена в другую прямую речь, следовательно, появляется третий уровень повествования, который завершается глаголом *dëyüb*. В примере 306 14 глагол в повелительном наклонении, следующий за глаголом говорения, указывает на прямую речь. Примеры, подобные 106 14, но без *ki*, рассматривались выше. В них прямая речь передается иначе — без *ki*.

В то же время имеются такие случаи, когда различие между прямой и косвенной речью, по-видимому, не является релевантным. В языках с четко выраженной границей между прямой и косвенной речью прямая и косвенная речь могут выражаться по-другому. В исследуемом тексте с глаголом *eyitmek* имеется два таких примера: *gerçek eyitmişlerdür ki... gerekmez* 156 9, 'Правильно сказали, что... не следует...'; *eydürsin kim... necisdür* 37a 9, 'ты говоришь, что (он) нечист'.

(3) Особое положение занимает глагол *eyitmek* в повелительном наклонении. Если в этом наклонении после глагола *eyitmek* следует глагол в 3-м лице в желательном наклонении, то это свидетельствует о косвенной речи. Например: *Qargaya eyit gelsün* 58a 6 'Скажи вороне, пусть придет'; *Şudaykaya eyit vaşıyyet eylesün* 69a 5 'Скажи Зедеке, пусть де-лает завещание'; *Şudaykaya eyit bir kulına buyursun* 69a 14 'Скажи Зе-деке, пусть прикажет какому-нибудь своему рабу'; *Acıbe eyit 'avratın öldürtsün* 69a 14, 'Скажи Аджибу, пусть убьет свою жену';

В другом случае контекст указывает на то, что имеется в виду косвенная речь, которая, однако, передается точно так же, как прямая: *yā şeyh eyit şimdi kaçna vardı* 68a 3 'О шейх, скажи, куда он сейчас ушел?'

В двух случаях можно бы было ожидать косвенную речь, так как некое сообщение предназначено для передачи устно через третье лицо,

³ В издании З. Коркмаз в этом месте пропущен глагол *dedi*.

причем автор сообщения говорит о себе в первом лице, однако тот, к кому обращена речь, обозначается, как и в прямой речи, вторым лицом. Таким образом, несмотря на то, что излагается информация, которая должна быть передана устно через третье лицо, и здесь имеет место прямая речь: *Aña eyitgil cihānuñ pişvāsi benven* 236 13 'Скажи ему: [он сказал:] «Я вождь всего мира»'; *eyit aña etrāf-ı 'ālemde bugün zāhir ve rüşendür ki ben ceng-cūy ve şafflar yırtıcı* 476 9 'Скажи ему: [он сказал:] «Сейчас во всем мире (всем) абсолютно ясно и понятно, что я — жажду сражений и обладаю способностью громить (боевые) ряды»'.

(4) Интерес представляют случаи, когда то, о чем сообщается, передается придаточным предложением с глаголом в личной форме (четыре примера): *Evde ne görse ev issine eydivērūr* 356 1 'Обо всем, что он видит в доме, он говорит хозяину дома'; *Evde ne görse baña eydivērūr* 356 3 'Все, что он видит в доме, он говорит мне'; *Evde ne görse ev issine eydürimiş* 356 6 'Все, что он видит в доме, он будто бы говорит хозяину дома'; *Nice ki sıcan dēdi eyitdi* в 61a 11⁴ 'Он сказал (всё) так, как говорила мышь'. Подобную роль может также играть форма глагольного имени на *dik*: *Ben dañi eydem қandan alduğum* 68a 3 'Я же говорю, откуда я (это) взял'.

(5) Исследованию способов выражения цели и причины может быть посвящен отдельный раздел. Здесь же будет кратко показано, как такие значения передаются с помощью глаголов говорения.

В «Марзубан-наме» шесть раз встречается оборот *bu hikāyeti anuñ-çün eyitdüm kim/ta*. В двух примерах передается цель. В них после этого оборота следует глагол в форме времени на *-ya-* (206 6, 386 8). В четырех примерах называется причина (только с союзом *kim*), и тогда глагол стоит в аористе (336, 9), в прошедшем времени (66 8) или следует именное сказуемое (186 1, 31a 13).

(9) В одном примере глагол *eyitmek* имеет два облигаторных дополнения и означает «что-то, чем-то называть, считать»: *Ol eyitdūguñ belā'lar hi:c eydürim* 626 9 'Несчастья, о которых ты говорил, для меня — ничто'.

Глагол *söylemek* 'рассказывать', лексически, по-видимому, мало отличающийся от глагола *eyitmek*, в личной форме встречается только 15 раз. При введении прямой речи этот глагол без *ki* не употребляется.

(2) Один раз данный глагол встречается в сочетании с *ki* перед сообщаемым (406 7), и в этом случае нет заметного различия между прямой и косвенной речью.

(4) Как и при глаголе *eyitmek*, при глаголе *söylemek* сообщаемое выражается придаточным предложением: *Her ne kim dilegi varidi söyledi* 376 12 'Он рассказывал обо всех желаниях, которые у него были'. Примеров, в которых глагольное имя на *-dik-* выступало бы в функции прямого дополнения, нет.

(6), (8) Любопытен случай, когда глагол *söylemek* употребляется с исходным падежом для передачи того, о чем сообщается. Например: *Yeñi vākı alardan söylediler* 126 14 'Они рассказали о новых событиях'. Глагол *söylemek* здесь, очевидно, употребляется в значении глагола *bahsetmek* 'говорить о чем-то, о ком-то, толковать о чем-то', в то время, как в остальных случаях, когда он стоит в сочетании с прямым дополнением (21a 10, 35a 9, 35a 10, 376 11, 49a 6, 66a 8), означает «сказать что-то, о чем-то».

(1) Глагол *demek* 'сказать, говорить' в «Марзубан-наме» употребляется, как и глагол *eyitmek*, для введения прямой речи, но значительно реже (25 раз). Между прочим, арабские пословицы и поговорки вводят

⁴ Знак препинания (точка после *dēdi*) в этом месте у Зейнеп Коркмаз, по-видимому, поставлен ошибочно.

ся с помощью слов *nitekim demişlerdür* (*dérler*) 26 5, 8a 8, 116 5, 266 7, 32a 12, 656 5) или *egerci demişlerdür* (296 1). Арабские и персидские стихи тоже вводятся подобным образом, при этом, как и в случае с глаголом *eyitmek*, слова *beyt* (106 10, 186 2, 27a 6, 30a 11, 536 4), *musrâ* (76 3), *rubâ'i*: (156 1) или *beyt 'arabî* (15a 3) могут занимать позицию между глаголом и стихами. Среди примеров, иллюстрирующих употребление глагола *eyitmek*, приведены такие, в которых прямую речь, вводимую этим глаголом, завершает какая-либо форма глагола *demek*. В четырех случаях прямую речь, вводимую другим глаголом говорения, также завершает форма глагола *demek*. Особый интерес представляет случай, в котором нет согласования во времени: *Ögüt vèrürdi kim... dedi* (15a 9), '(Он) всегда советовал ему...' Завершение прямой речи формой глагола *demek*, несмотря на то, что она вводится союзом *kim*, можно наблюдать и в случаях употребления глагола *eyitmek* (см.: 146 5). См. также: 66 13, 35a 8, 696 12.

Одно предложение, вводимое глаголом *işitdi*, также заканчивается глаголом *düyü* (21a 6).

Глагол *demek* может завершать прямую речь и в тех случаях, когда прямая речь никак не вводится (в 25 примерах), например: *Eşek gerçek eydürsin dedi* 6a 8 'Осел сказал: «Ты говоришь правду»'.

Часто другой уровень повествования представлен всего лишь одним словом: ... *Gercekdür dedilerdi* 156 1 'Они сказали: «Это — правда»'; *Oğlancuklarum sūd düyü ağlaşırlar* 3a 10 'Мои дети плачут, прося молока'. См. также: 6a 11, 86 2, 206 1, 22a 6, 27a 12, 34a 14, 386 3, 43a 1, 43a 2, 43a 3, 43a 5, 48a 6, 51a 3, 51a 9, 546 12, 566 7, 61a 7, 626 9, 68a 3, 686 10, 3a 7.

В трех случаях слово *düyü* завершает прямую речь, которой предшествует союз *ki/kim*. В отличие от приведенного выше примера (15a 9), союз *ki* здесь выполняет функцию указания на начало прямой речи, так как глагол, вводящий ее, отсутствует: *Elin Nevharenüñ gögsine vurdi ki: destür yokdur, ayruğ gelme düyü* 116 13 'Он ударил рукой в грудь Нуахара и сказал: «Нет разрешения, больше не приходи», *Gêrû gendüzün uyıra urdi ki: ya'ni: benümiçün ne dëyeler düyü* 266 2 'Он снова притворился спящим, подумав: «Что они скажут обо мне»'; *Bu fikirdeyiken kim: 'aceb nice iş işleyem düyü* 54a 3. 'Когда (она) думала так, а именно: «Как же мне это сделать?...»'

(2) Глагол *demek* в сочетании с *ki/kim* так же, как и глагол *eyitmek*, в этом же сочетании вводит прямую речь: *Ammâ kaplan dedi kim şebhün kılalum* 466 4 'Но тигр сказал: «Нападем-ка мы ночью»'; *Var ol arslana de ki: sen ma'reke erenler meclisin kıanda gördüñ* 48a 8 (прямая речь имеет продолжение с другими глаголами во 2-м лице) 'Иди к тому льву и скажи: «Где ты видел собрание боевых соратников»'; *Ve iş bilür kişiler demişlerdür ki: 'çeri çoğindan endişe eylemegil* 486 9 (далее следует еще один глагол в повелительном наклонении) 'И сведущие люди сказали: «Не страшись того, что войско большое»'. Указанными тремя примерами исчерпывается иллюстрация подобной функции глагола *demek*. Если слова *demişlerdür ki/kim* используются для введения пословицы или поговорки или оборота, также выражающего, как и пословицы, житейскую мудрость (186 3, 186 4, 19a 12, 226 7, 266 5, 406 6, 41a 12, 41a 14, 45a 7, 53a 3, 576 13, 596 13, 62a 8), или если форма *dèridi* употребляется для введения пословицы (23a 5) или же сочетание *demişlerdür ki/kim* вводит новый рассказ (7a 4, 76 11, 8a 12, 63a 3), то не имеет никакого значения — прямая это речь или косвенная.

(4) Глагол *demek* может иметь при себе (так же, как и глагол *eyitmek*) распространенное прямое дополнение в виде придаточного предло-

жения (3 примера): *Her ne kim dedüñise benüm dınçlıgım ve rāhatlıgım içün dërsin* 34a 12 'Все, что ты сказал, ты говоришь ради моего здоровья и благополучия'; *Her ne ki dërsin sevgüden ve şefkatden dërsin* 53a 14 'Все, что ты говоришь, ты говоришь из любви и сострадания'; *Sıçan ayudan deveden ne kim işitti idi dedi* 61a 8 'Мышь рассказала все, что она слышала от медведя и верблюда'.

Этим примерам противостоят два предложения, в которых распространное прямое дополнение вводится глагольным именем на *-dık*; *işittügin dedi* 57a 8, 58b 12. 'Он (она) сказал (а) то, что слышал (а)'.

(5) После личных форм глагола *eyitmek* так же, как и после личных форм глагола *demek*, может стоять придаточное предложение причины и цели. Это предложения типа *bu hikāyeti anuñçün dedüm ki/kim*, которые в «Марзубан-наме» встречаются 30 раз. Из них в 20 случаях выражается цель. Глагол, следующий за этим оборотом, всегда стоит в форме времени на *-ya*: *Bu hikāyeti anuñçün dedüm kim bilesin...* 37b 4 'Эту историю я рассказал для того, чтобы ты знал, что...' Примеры: 8a 6, 12a 4, 13b 12, 21a 13, 22b 11, 28a 8, 29a 5, 31a 1, 35a 9, 39a 5, 46b 3, 47b 4, 49b 12, 55b 9, 56a 8, 56b 4, 63b 4, 64b 6, 67a 14. Только в одном случае цель выражается другим способом: *Bu kadar naşihat emîn söz ki söyledüm, padişahlar ayını⁵ ve devletlüler kânüni yerine gelsün deyü dedüm* 48a 6 'Я высказал столько увещаний и советов, чтобы выполнялись указания падишаха и законы вельмож'.

Десять раз при помощи оборота *bu hikāyeti anuñçün dedüm ki/kim* выражается причина. За этим оборотом следует или именное сказуемое (23a 14, 35b 14, 40a 10, 45b 8), или глагол в настоящем-будущем времени (11a 7, 14b 11, 52b 10, 59b 7), или же, наконец, глагол в форме времени на *-ya*, выражающей в этом случае будущее время (22a 14, 34b 1). Например: *Bu hikāyeti anuñçün dedüm kim... mülküñde heybet ve düşman arasında korku kalmaya* 34b 1 'Я рассказал эту историю для того, чтобы в твоём царстве не было почитания власти, а среди врагов — страха'.

(8) Если прямое дополнение относится к глаголу *demek* и, несмотря на это, дальше следует прямая или косвенная речь, которая передает сообщаемое, то объект разговора выражается прямым дополнением: *Bugün bunu ölüñ dedüñ ölmemiş* 68b 10 'Ты сказал, что он сегодня умрет, а он, оказывается, не умер'.

Объект разговора может выражаться и иначе — при помощи имени с послелогом *hakkinda* (7a 7) или *içün* (26b 2).

(9) Глагол *demek* с облигаторным дополнением в неопределённом падеже и с облигаторным дополнением в дательном падеже, которое может опускаться, но подразумевается, означает «что-то называть чем-то»; например: *buña devligec dërler* 35a 14 'Его называют ястребом'. В этом значении глагол *demek* выступает в примерах: 9b 13, 25a 1, 25a 2, 25a 4, 25a 5.

Кроме названных, в «Марзубан-наме» встречаются еще нижеследующие глаголы говорения.

Geleci etmek. Это сочетание употребляется без прочих дополнений в значении: «говорить, беседовать, разговаривать» (33a 12, 61b 26). Такое же значение имеет оборот *söz ve geleci etmek* (53b 8).

(8) Значение «говорить о ком-то» передается при помощи послелога *hakkinda* (58b 14).

⁵ З. Коркмаз читает: *emîni*, что едва ли верно.

⁶ В этом примере есть слова: *hakğ geleci edüñ*. Слово *hakğ* здесь следует рассматривать как наречие: «говорить правдиво, истинно». Во всяком случае в *Tarama Sözlüğü* (IV. Ankara, 1969, стр. 2401—2403) нет примеров с прямым дополнением при этом глаголе.

Глагол *bağs etmek* 'говорить о' встречается только дважды.

(8) То, о чем идет речь, выражается один раз исходным падежом (24а 3) и один раз — местным падежом (22б 13).

Глагол *bağs-ü-münâzare kılmak* 'спорить' встречается только один раз (23а 3). В этом случае то, о чем уже говорилось, никак не выражается.

Глагол *çağırtmak* 'кричать что-либо'⁷.

(2) Выражение *çağırdı ki/kim* в 4 примерах вводит прямую речь. Из контекста видно, что говорящий обращается непосредственно к другому лицу. В 3 примерах прямая речь содержит глагол в повелительном наклонении (10б 7, 35а 6, 52а 8) и в одном случае — глагол в прошедшем категорическом времени во 2-м лице множественного числа (59а 13). В примере 35а 6 прямая речь заканчивается глаголом *dedi*. В одном случае (13б 10⁸) нельзя определить, передает ли сообщаемое, после выражения *çağırdı ki*, прямую или же косвенную речь; оно содержит именное сказуемое с аффиксом сказуемости 3-го лица.

Дважды глагол *çağırtmak*, служащий для введения прямой речи, сочетается с другим глаголом говорения: *çağırdı eyitdi* 35б 10⁹, *çağırdı ki eyitdi* 52б 2. Без прямой речи и без дополнения глагол *çağırtmak* употреблен дважды (59б 4, 69б 2).

Глагол *çağrışmak* 'кричать вместе'.

(1) Однажды он используется для введения прямой речи (15б 13¹⁰), в другой раз выполняет эту же функцию в сочетании с глаголом *eyitmek*: *çağrışdılar eyitdiler* 19а 6.

Глагол *kığırtmak* 'заставить звать'.

(2) В сочетании с союзом *ki* применяется для введения предложения, которое можно понимать и как прямую, и как косвенную речь (40а 9, 54а 5).

Два раза этот глагол употреблен без прямой речи и без дополнения. Прямое дополнение, необходимое в других случаях, выявляется здесь из контекста (54а 4, 54а 6).

Глагол *danışmak* 'договариваться'.

(2) Этот глагол встречается только один раз в сочетании с союзом *kim* и вводит косвенную речь: *danışdılar kim gelicek anı öldüreler* 18а 14 'Они договорились, что как только (он) придет, они его убьют'.

Глагол *şoğbet etmek* 'беседовать' встречается только один раз, без дополнения (12б 13).

Глагол *şormağ* 'спрашивать'.

Употребляется для введения прямой речи, без союза *ki* (45б 5, 68а 2). Один раз он стоит в сочетании с глаголом *eyitmek* перед прямой речью: *şordı eyitdi* 19б 3.

(2) В сочетании с союзом *ki/kim* для введения прямой речи глагол *şormağ* встречается чаще, чем без союза *ki*. В следующих примерах глагол в вопросительном предложении поставлен во 2-м лице, или же в вопросительном предложении имеется именное сказуемое с аффиксом сказуемости 2-го лица, и контекст показывает, что к этому второму лицу и

⁷ Значение «звать кого-либо» передается глаголом *kığırtmak*. Прямое дополнение при этом глаголе указывает лицо, которое зовут (11б 14, 17б 11, 54б 9, 54б 10, 57а 10, 58а 14, 60а 12), если не имеется в виду, что оно определяется контекстом (8б 2, 8б 3, 8б 4).

⁸ В издании Зейнеп Коркмаз неверно поставлена точка, она должна стоять после *halâşına*.

⁹ Двоеточие в издании Зейнеп Коркмаз должно стоять после *'avratı*.

¹⁰ В тексте *çağrışdılar*, а не *çağırdılar*.

обращена речь: 19а 11, 21а 8, 24а 5, 24а 11, 28а 5, 28б 12, 33а 7, 33а 8, 36а 5, 40а 4, 42а 9, 51б 7, 58а 6, 63а 5, 65а 13.

Вокатив после *şordı ki* также указывает на прямую речь: *Sordı ki: ey yigit oşbu melâletüñ sebebi nedür* 54а 13 'Он спросил: «О юноша, в чем причина твоей печали?»'.

В одном случае аффикс принадлежности 2-го лица, а также контекст показывают, что следует прямая речь (45б 4). И, наконец, в одном случае 3-е лицо заменяется 1-м лицом, хотя имеется в виду один и тот же реальный объект (57а 1).

В вопросительных предложениях (35а 14, 35б 5, 38б 5, 39а 2, 45б 2), следующих после слов *sordı ki/kim*, имеется указательное местоимение *bu*, также указывающее на прямую речь: *Sordı ki: bu ne kuşdur* 35б 5 'Он спросил: «Что это за птица?»'.

В трех примерах нет указаний, прямая это речь или косвенная (24б 5, 24б 14, 59б 9). В одном примере контекстом подсказывается, что предложение, следующее за глаголом *şormağ* в повелительном наклонении с союзом *kim*, скорее косвенная, нежели прямая речь: *Şorma kim başmakçı hâli ne oldı* 35б 13 'Не спрашивай, что стало с башмачником'.

(5) В одном случае глагол *şormağ* в сочетании с союзом *kim* указывает причину. Глагол, следующий за ним, стоит в настоящем-будущем времени: *Anıñcün şoraram kim eger gendü sevüb aldıysa sözüm ve sâzum aña eşer eyler* 39а 3 'Я спрашиваю потому, что моя песня и мой саз повлияют на него, если он сам полюбил ее и женился на ней'.

(7) Значение «спрашивать кого-либо» один раз выражается исходным падежом (67б 10) и 4 раза — дательным падежом (19а 11, 19б 3, 36б 10, 57а 1).

(8) С прямым объектом и в значении «спрашивать о чем-либо, о ком-либо» глагол *şormağ* встречается 15 раз.

Три раза это же значение выражается дополнением в исходном падеже, например: *Rûzigâr zahmetinden şordı* 26 8 'Он спросил о трудностях судьбы'; *Yol zahmetinden şordı* 36б 10, 37б 10 'Он спросил о трудностях пути'.

Без дополнения глагол *sormağ* встречается дважды. В одном случае прямой объект выявляется из контекста (54а 3), в другом случае в этом нет нужды: *Sor, ne su'âlün varise eyit* 52б 4 'Спрашивай. Если у тебя есть какой-нибудь вопрос, скажи'.

Глагол *su'âl eylemek* 'спрашивать', 'задавать вопрос'.

(2) Этот глагол употребляется только дважды. Один раз с союзом *kim* он вводит прямую речь (25б 1). Местоимение *saña* в вопросительном предложении, а также контекст показывают, что передается прямая речь.

(8) В одном из примеров данный глагол управляет исходным падежом и означает «спрашивать о чем-либо»: *Esrâr-ı 'ulûmdan ve nesnelerüñ haqîqatinden aña su'âl eyleyet* 20а 7 'Я спрошу его о тайнах науки и о сущности вещей'.

Глагол *cevâb vermek* 'отвечать' в данном тексте встречается 11 раз.

(1) Один раз он вводит прямую речь без союза *ki* (16а 12) и однажды — в сочетании с глаголом *eyitmek* в той же функции: *cevâb vèrdi eyitdi* 67а 11.

(2) Дважды глагол *cevâb vermek* вводит прямую речь с союзом *ki/kim*. В одном случае контекст и тот факт, что предложение-ответ содержит вопрос, обращенный ко второму лицу, указывают на наличие прямой речи (14а 12). Во втором случае говорящий в предложении-ответе называет себя при помощи личного местоимения 1-го лица *benden* и *baña* (23а 11).

(7) Значение «отвечать кому-либо» выражается посредством дополнения в дательном падеже (246 4, 506 1).

У Якаба Надь де Харшаня глагол *eyitmek* отсутствует. Глагол *söylemek*¹¹ встречается в финитных формах 18 раз.

(3) Как и в «Марзубан-наме», имеются примеры, в которых глагол *eyitmek* стоит в повелительном наклонении, за ним следует косвенная речь, по форме не отличающаяся от прямой (стр. 23, 30, 44, 202).

(4) Всего один раз распространенное прямое дополнение представлено придаточным предложением и один раз — глагольным именем: *Ne kadar billerßen, ol kadar büjle* (стр. 366); *Büjlejegsegün büjlerßen* (стр. 102).

(6) Сообщаемое может выражаться прямым дополнением (стр. 198, 219, 401, 402).

(8) То, о чем говорится, может выражаться дополнением в исходном падеже (стр. 386—387). Из примера с глаголом *söylemek* («Марзубан-наме» 126 14) видно, что такой способ выражения также не был чужд староосманскому языку.

Глагол *demek*.

(1) Он служит для введения прямой речи (стр. 85, 347) и один раз заключает прямую речь: *Tembih itmistür ki... demis* (стр. 161). Только раз этот глагол встречается в середине прямой речи: *der ki... der...* (стр. 372). В трех случаях глагол *demek* завершает прямую речь, вводящуюся не посредством глагола говорения (стр. 48—49, 153). Это результат перестановки: глагол *demek* мог бы и предшествовать прямой речи.

(2) В сочетании с союзом *ki/kim* глагол *demek* в следующих 9 примерах вводит прямую речь: *İşte dedüm ki: ej şerabile doldur kadai* (стр. 67); *Demis ki: nigse bu gione gione çsicşeklerün ve otlarun baska rengi giozlerüme va bakkşeje hits bir zarar itmez, onun gibi çok turli dinlerden meşeblerden hits bir elem, kemlik bana ve memleketlerime dokunmaz* (стр. 160); *Demis anlara ki: Rimlerün efki zaptini kaldirmek iştmem* (стр. 198); *Demis ki: jarakünüz ve elinüzi düşmen üzerine kaldirmek gyerekşiniz* (стр. 198); *Demiş ki: halum harab oldi, zira Tangrinün ve Hristianların bas düşmeniüle ioldastiga gyirdüm* (стр. 1224); *Der ki: işte şeni... vekil diktüm... teşlim ettüm* (стр. 248); *Dedi kim: bujleişe, nicsün üldürmezşiniz* (стр. 372); *Vezir der ki: iok padişşahum... beşleriz* (стр. 372); *Padişşah isidüp der ki: pek ej ederşiniz* (стр. 372).

В первом предложении повелительная форма глагола указывает на прямую речь. В предложениях на стр. 160 и 198 с глаголами *iştmem*, стр. 224 и 248 и *beşleriz* (стр. 372) происходит явная смена уровня повествования (3-е лицо изменяется на 1-е при неизменном реальном лице). В предложениях на стр. 198 (с глаголом *gyerekşiniz*), стр. 372 с глаголами *üldürmerşiniz* и *ederşiniz* 2-е лицо стоит во множественном числе и указывает, как это следует из контекста, не на реальное лицо, участвующее в диалоге, а на второй уровень внутри повествования.

В большинстве случаев в предложении с глаголом *demek* в сочетании с союзом *ki* различие между прямой и косвенной речью не играет роли (29 примеров), то есть тогда, когда сказуемое придаточного предложения, следующее за личной формой глагола *demek* и союзом *ki/kim*, представлено именем или глаголом в 3-м лице, например: *Dediler ki, anlar jeni meşeb baglaiup, halka krallar kaldirmaga ügrediürler* (стр. 165). Имеется еще ряд подобных примеров на стр. 7, 45, 46, 49, 57, 120, 139,

¹¹ В данной статье глаголы приводятся в форме, соответствующей нормам современной турецкой орфографии. Примеры даны в транскрипции памятника. Они не снабжены переводами, поскольку публикация Г. Хазаи содержит полный перевод текста памятника.

156, 160, 165 (со словом *degildür*), 167, 169, 198, 224, 254, 346, 347, 372, 386, 434, 441, 442, 443. Сюда же можно отнести предложение ... *Deiüp ki, kimße Tangridan ziade iahod gair şej bilemeür...* (стр. 368)¹².

В четырех примерах явно передается прямая речь: *Dejverürßen ki, padişsaha göndörülmişen* (стр. 99); *Zira onlarun pegamberi der ki, ang-sak giaurdan harats alşınlar* (стр. 161); *Derler ki, symdiedek hits bir kitabta okumadilar* (стр. 342); *Gşebril Miriama irşal olunmis, dedi ki, gyebekalup, Işşaii, dogurşa gyerek* (стр. 442). Контекст показывает, что в этих примерах произошла замена местоимений, что позволяет рассматривать соответствующее предложение как косвенную речь.

(3) Глагол *demek* тоже может употребляться в повелительном наклонении для введения косвенной речи, не отличающейся по форме от прямой. Она выражается предложением с именным (стр. 30, 90) или глагольным сказуемым в настоящем-будущем времени (стр. 168, 405, 432).

(4) Сообщаемое всего один раз выражается глагольным именем: *Biz dejegsegümüzi dedük* (стр. 109).

(6) Сообщаемое может быть названо при помощи имени в качестве прямого дополнения: *Muradini dejverür* (стр. 407). Встречаются случаи, когда прямое дополнение сочетается с прямой речью.

Имя здесь — прямое дополнение — указывает на прямую речь: *Og-lan bu bözler derşe gyerek...* (стр. 421).

(8) Дополнением в дательном падеже обычно обозначается тот, кому адресована речь. В одном примере имя существительное в дательном падеже называет предмет, о котором говорится: *Ne derßen ol memleketlere* (стр. 71). Здесь уместно отметить, что глагол *şanmak* в «Марзубан-наме» в значении «думать о ком-либо» имеет при себе дополнение в дательном падеже (26а 4, 51а 4, 61б 7).

В двух примерах значение «говорить о ком-либо, о чем-либо» реализуется с помощью исходного падежа: *Ne der Türk bizim kitablarımızden* (стр. 120, 441). Точно так же может употребляться глагол *söylemek* как в этом тексте, так и в «Марзубан-наме».

Остановимся на других глаголах говорения у Якаба Надь де Харшаня.

Глагол *çagırtırmak* 'заставить позвать, кричать'.

(2) Один раз глагол *çagırtmak* употребляется с союзом *ki*, в следующем за ним предложении глагол стоит в 3-м лице¹³. Предложение может быть рассмотрено и как прямая, и как косвенная речь (стр. 211). В четырех других примерах этот глагол означает «заставлять, позвать кого-либо» (стр. 248—249, 252, 421).

Глагол *sohbet etmek* 'беседовать' встречается только один раз: *hajvanlarle böhbet iderler* (стр. 472).

Глагол *söyleşmek* 'разговаривать, беседовать, говорить друг с другом'.

(4) Глагольное имя на *-yasaq* при глаголе *söyleşmek* употребляется только один раз: *buşlejegsegümüzi şuşleştüük* (стр. 109). Придаточные предложения, передающие то же значение, здесь не встречаются.

(8) Глагол *söyleşmek* с дополнением в исходном падеже встречается 15 раз; он выражает то, о чем говорят, предмет беседы (стр. 5, 11, 171, 232, 235, 247, 249, 266, 285, 338, 361, 401, 432). Один раз то, о чем говорится, передается личной формой глагола с прямым дополнением (стр. 109). Без дополнения этот глагол встречается 3 раза (стр. 5, 80, 235).

¹² Деепричастие на *-ip* в исследуемом тексте часто употребляется с союзом *ki*.

¹³ Глагол *çagırtmak* в данном тексте означает только «кричать».

Глагол *lakirdi etmek* 'беседовать'.

(8) В трех примерах имеется дополнение в исходном падеже, передающее то, о чем говорят (стр. 43, 425, 472). Дважды этот глагол употребляется без дополнения (стр. 44, 144).

Глагол *müşavere etmek* 'обсуждать'.

(4) Этот глагол встречается два раза (стр. 105, 253). В обоих случаях то, что обсуждается, выражается придаточным предложением, содержащим вопросительное местоимение и глагольное имя на *-mak* в сочетании со словом *gerek*.

(8) В одном примере (стр. 253) он имеет также дополнение в исходном падеже.

Глагол *rivayet etmek* 'сообщать'.

(2) Он встречается дважды в сочетании с союзом *ki*, после которого следует предложение с именным сказуемым в 3-м лице (стр. 9), или с глагольным сказуемым в 3-м лице (стр. 85). Примеров с явным прямым сообщением нет.

Глагол *sormak* 'спрашивать'.

Этот глагол в данном тексте для введения прямой речи не употребляется, не встречается он и в сочетании с союзом *ki*.

(4) Четыре раза придаточное предложение вводится с помощью вопросительного местоимения: *Bor, ne ißter* (стр. 75); *emma borup nedur aßli* (стр. 342); *Bormis veziri, naßil herif olða gyerek* (стр. 371); *Kizi pek borarlar, kim bozmis kizligini* (стр. 408).

Примеров с глагольным именем в функции прямого дополнения нет.

(6) То, о чем спрашивается, при отсутствии придаточного предложения, как и в вышеприведенных примерах, выражается при помощи прямого дополнения (стр. 14, 233, 366).

(8) Лицо, к которому обращен вопрос, один раз выражается существительным в исходном падеже (стр. 233, 366) и дважды именем в винительном падеже (стр. 371, 408, см. выше). Наряду с этим глагол *sormak* употребляется без придаточного предложения и без дополнения (стр. 17).

Глагол *sual etmek (eylemek)* 'спрашивать'.

(4) Как и глагол *sormak*, этот глагол употребляется с придаточным предложением, которое содержит вопросительное местоимение или вопросительную частицу *mi*, например: *Boal iderße, ne jerliim* (стр. 30); *Boal iderler kogsafini, kizmi buldi ioldaşini* (стр. 408). Сюда же относятся примеры на стр. 59, 97, 100, 166, 387, 427.

Здесь также нет случаев с глагольным именем в функции прямого дополнения и сочетаний этого глагола с союзом *ki*. Как и при глаголе *sormak*, вопросительные предложения строятся как косвенные. Это видно либо из контекста, либо же на это указывает лицо глагольных форм или местоимений.

(6) Прямое дополнение, выражающее предмет или лицо, о котором спрашивают, встречается в примерах на стр. 11, 15, 37, 97, 215, 444. При этом на стр. 11 и 215 содержится еще и вопрос в виде прямой речи.

(7) Лицо, к которому обращен вопрос, выражается именем в исходном (стр. 169, 215) или винительном падежах (стр. 408, 427). Винительный падеж употребляется только в тех случаях, когда следует придаточное предложение, так как прямое дополнение обычно выражает то, о чем спрашивают.

Без дополнения глагол *sual etmek (eylemek)* встречается дважды (стр. 5, 366).

Глагол *cevap vermek* 'отвечать'.

(2) Один раз употреблен с союзом *ki*. За союзом следует косвенная речь, как это видно из контекста: *gsevar ider ki, iemin bozmaz* (стр. 387).

(7) Лицо, которому отвечают, в двух случаях передается дополнением в дательном падеже (стр. 6, 36).

Компоненты составного глагола могут отделяться друг от друга. Это происходит или в результате того, что слово *sevap* получает собственное определение (стр. 201, 254), или вследствие вклинивания между ними какой-либо группы слов (стр. 254).

Один раз предложение, передающее вопрос, употреблено постпозитивно: *Bana gsevab ver, hangi vilajetten gielürßen* (стр. 6).

Предпринятый анализ дает возможность составить представление о падежном управлении глаголов говорения на основании критериев 6—9. Однако число примеров все же относительно невелико. Для того, чтобы окончательно убедиться в правильности или ошибочности исследуемых транскрипционных текстов, следовало бы привлечь тексты средневековых османских авторов. Можно лишь утверждать, что употребление винительного падежа для выражения того, к кому адресован вопрос, при глаголах *sormak* и *sual etmek (eylemek)* у Якаба Надь де Харшаня (по-видимому) является ошибочным.

Критерии 1—4 дают возможность составить представление о способе передачи того, что должно быть сообщено. Установлено, что в обоих текстах очень часто после союза *ki* нет четкого разграничения прямой и косвенной речи, хотя для этого имеются соответствующие морфологические и синтаксические средства. Прежде всего это те случаи, когда в прямой и косвенной речи используется местоимение одного и того же лица. Наряду с этим в обоих текстах за союзом *ki* часто следует явная прямая речь. Но в обоих текстах встречаются также случаи, когда после глаголов говорения в изъявительном наклонении в сочетании с союзом *ki* следует косвенная речь. Глаголы со значением «спрашивать» в «Марзубан-наме» употребляются с прямой речью, которая вводится либо союзом *ki*, либо без него. Для Якаба Надь де Харшаня, напротив, характерно употребление придаточного предложения без союза *ki*, но с вопросительными местоимениями. Оно никогда не бывает организовано как четко выраженная прямая речь, но в некоторых случаях строится как явная косвенная речь.

Критерий 5 позволяет выяснить способ выражения причины и цели с использованием глаголов говорения в «Марзубан-наме». У Якаба Надь де Харшаня подобные предложения, зависящие от глаголов говорения, не обнаружены.

Перевод с немецкого В. Г. Гузева и Н. Залялиевой.

П. НУРМЕКУНД

НА ПОРОГЕ ЭСТОНСКОЙ АЛТАИСТИКИ

В данной статье кратко изложены результаты исследований эстонских ученых в области алтайских языков, к которым, как известно, относятся тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Следует иметь в виду, что становление эстонской алтаистики как науки связано с периодом оживленных дискуссий о родстве уральских (то есть угро-финских и самодийских) языков с языками алтайскими, возникших после выхода в свет в 1730 г. книги Ф. И. Табберта-Страленберга, в которой автор впервые устанавливал многочисленные соответствия, характерные для этих языков, тем самым положив начало так называемой урало-алтайской теории.

В древнем эстонском фольклоре упоминаются следующие тюркские этнонимы: *Турция* [то есть Türgi (-maa), Türgi (-maa, -moa), Türgü (-maa), Türgila], *турок* (то есть turk, türk), *турецкий язык* (то есть turgi keel, turgi kiel) и др.; *Татария* [то есть Tatra (-maa), Tatarî (-maa)], *татарин* (то есть tatarlane) и др.

Значительно чаще Турция и ее жители упоминаются в более поздний период развития эстонского народного творчества и литературы, черпавших материал из истории русско-турецких войн, в которые были вовлечены и значительные контингенты эстонских войск.

Эстонское название Турции — Türgi (-maa) встречается в литературе уже в 1849 году; Türgi keiserriik 'Турецкая империя'; Türgi 'Турция'; Türgi ma 'Турецкая страна'¹.

В большом «Эстонско-немецком словаре» академика Фердинанда Йохана Вийдемана (опубликован в 1869 году) можно прочитать: (1) tuŕgi mā 'Турция', tuŕgi-rahwas 'турецкий народ', tuŕk, turklane 'турок' и — (2) türgi-mā 'Турция', türk, türklane 'турок'², то есть здесь приведены соответствия статей русского и немецкого словарей.

В книге Б. Гильденмана «Учение о странах мира» упоминаются татары (алтайские народы: эст. Tatterlased; ныне tatarlased), о которых он пишет, что они родственны турецкому народу и проживают частично на территории «Казанского и Астраханского королевства», частично в «Таврической губернии и в Сибири». Другие татары — это смешавшиеся с монголами ногайцы (эст. Nogai-e-rid; ныне nogailased), кумыки (эст. Kumükkid; ныне kumõkid), башкиры (эст. Paskirid; ныне baskiirid), киргизы (эст. Kirgisid; ныне kirgiisid), якуты (эст. Jakudid; ныне jakuudid)

¹ B. Gildenmann. Mailma made õppetus. Isseärranis Ma rahwa koolmeistritte ja kolide tarwis wäljaandnud. Pernus, aastal 1849, стр. 22, 49, 52, 83.

² F. J. Wiedemann. Estnisch-deutsches Wörterbuch. St. Petersburg, 1869, столбцы 1353 и 1369.

и бухарцы (эст. *Puhharid*; ныне, видимо, *usbekid* 'узбеки'). Чувашей автор считает финским, а венгров — славянским народом³.

К монголам автор относит «истинных монголов» в Иркутской губернии; калмыков (эст. *Kalmükkid*; ныне *kalmõkid*), обитающих близ Каспийского моря в междуречье Дона, Волги и Урала; бурятов (эст. *Puredid*; ныне *burjaadid*) в Иркутской губернии (близ озера Байкал); тунгусов (эст. *Tungusid*, ныне *tunguusid*) в Восточной Сибири; ламутов (эст. *Lamudid*; ныне *lamuudid*) на побережье океана⁴.

В классическом «Эстонско-немецком словаре» академика Ф. И. Вийдемана можно встретить: *tatra-mä* 'Татария', *tatarlane*, *taterlane* 'татарин'; *kalmuka-mä* 'калмыцкая степь', *kalmuk*, *kalmukas* 'калмык', *kalmuka-usk* 'ламаизм, буддизм'⁵.

Основоположителем эстонской алтаистики следует считать доктора философии Карла Аугуста Хермана (*Karl August Hermann*), преподававшего с 1889 по 1909 г. эстонский язык в Тартуском (тогда Дерптском) университете.

Судя по печатным обзрениям лекций преподавателей Дерптского университета тех лет, К. А. Херман наряду с эстонским языком читал сверх программы ряд лекций по различным алтайским языкам: 1) грамматику маньчжурского языка со сравнительными ссылками на тунгусский и на другие угро-алтайские языки (I сем., 1890 г.); 2) турецкую грамматику со сравнительными ссылками на угро-алтайские языки (I сем., 1892 г.); 3) грамматику маньчжурского языка со сравнительными ссылками на тунгусский, турецкий, венгерский и финно-эстонский языки (II сем., 1892 г.); 4) эстонский язык в сопоставлении с финским, мордовским, черемисским, венгерским, турецким и маньчжурским языками (I сем., 1893 г.)⁶.

Кроме того, К. А. Херман время от времени выступал с докладами по различным вопросам алтаистики в Ученом Эстонском Обществе: 11 марта 1881 года им был сделан доклад, в котором он сравнивал маньчжурский язык с эстонским и финским; 3 июня 1881 года он говорил о сравнительном изучении тунгусского языка с финским и эстонским; 4 ноября 1892 года он выступил с докладом, в котором сравнивал турецкий язык с финским и эстонским⁷.

Исследования К. А. Хермана в области алтаистики написаны на немецком языке и опубликованы в ежегодниках Ученого Эстонского Общества. В своих работах К. А. Херман сопоставляет с финским и эстонским языками маньчжурский, тунгусский и турецкий языки⁸.

Ссылаясь на работы некоторых немецких ученых (В. Шотта, Ф. М. Мюллера, Х. и Г. фон дер Габеленцов и др.), К. А. Херман в своих

³ *B. Gildenmann*. *Mailma made õppetust*, стр. 22, 58, 83—84.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ *F. J. Wiedemann*. *Estonisch-deutsches Wörterbuch*, столбцы 214, 1241.

⁶ П. П. Нурмекунд. Краткий очерк истории востоковедения в Тартуском университете. — См.: «Труды по востоковедению I. Ученые записки Тартуского государственного университета». Выпуск 201. Тарту, 1968, стр. 8—9; *его же*. Китаеведение в Тартуском университете. — См.: «Труды по востоковедению II. Ученые записки Тартуского государственного университета». Выпуск 313. Тарту, 1973, стр. 479—480.

⁷ П. Нурмекунд. Китаеведение в Тартуском университете, стр. 480.

⁸ К. А. Hermann. *Die Mandschu-Sprache verglichen mit dem Finnisch-Estnischen*. — «Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat», 1881. Dorpat, 1882, стр. 38—58; *его же*. *Die Sprache der Tungusen und das Finnisch-Estnische*. — «Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat», 1881. Dorpat, 1882, стр. 111—125; *его же*. *Ueber die Vergleichung des Türkischen mit dem Finnisch-Estnischen*. — «Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat», 1892. Dorpat, 1893, стр. 93—110.

выводах идет еще дальше и полагает, что китайский, японский, корейский, маньчжурский, монгольский, турецкий и финно-угорские языки принадлежат к общей урало-алтайской семье. Впоследствии он причислил к этой же языковой семье также шумерский язык⁹.

В то время, когда К. А. Херман занимался изучением финно-угорских и алтайских языков, еще не был разработан соответствующий научный метод исследования, недостаточно полными были и языковые данные. Поэтому он иногда допускает неточности в определении принадлежности отдельных языков к той или иной языковой семье. Так, например, он относит остяцкий (хантыйский) и самодийский языки к алтайской семье¹⁰. В связи с этим он пишет следующее: «Теперь при чтении какого-нибудь этнографического произведения считается само собой разумеющимся, что финно-угорские народы, с одной стороны, и турано-алтайские — с другой, являются родственными между собой как по расе, так и по языку. Я не задаюсь целью подвергать сомнению возможность таких родственных отношений, но констатирую только, что для научного обоснования и толкования этих отношений до сих пор еще сделано слишком мало. Когда я более десяти лет назад на 479-м заседании Ученого Эстонского Общества сделал доклад о родстве маньчжурского и вскоре вслед за тем и тунгусского языка с финским-эстонским, то этот вопрос был настолько новым, что его постановка казалась крайне сомнительной... Однако, по мнению председателя Ученого Эстонского Общества, профессора Лео Мейера, в этой области предстоит сделать еще очень много для получения надежных научных выводов»¹¹.

К. А. Херман вполне согласен с тем, что попытки объединить уральские¹² (то есть финно-угорские и самодийские) и алтайские языки в единую языковую семью наталкиваются на значительные трудности, однако, по его мнению, здесь обнаруживается и целый ряд очевидных соответствий. К. А. Херман ставит своей целью выявление этих соответствий, а также отклонений между упомянутыми языковыми семьями и обмен мнений по данному вопросу.

1. Надежные соответствия внутри изучаемых языковых семей

(1) Агглютинация или суффиксация в словоизменении и словообразовании¹³.

(2) Гармония гласных, которая, по мнению К. А. Хермана, является важным признаком, объединяющим изучаемые языковые семьи¹⁴.

(3) Однородность анлаута или звуковые сходства. Здесь К. А. Херман прежде всего отмечает богатство гласных и бедность согласных звуков как важный признак, свойственный всем урало-алтайским языкам. Далее ученый обращает внимание на то, что в данных языках слово не может начинаться двумя или более согласными¹⁵.

⁹ См.: П. П. Нурмекунд. Краткий очерк истории востоковедения в Тартуском университете, стр. 9; *его же*. Китаеведение в Тартуском университете, стр. 481.

¹⁰ К. А. Hermann. Ueber die Vergleichung des Türkischen mit dem Finnisch-Estnischen, стр. 99; *его же*. Die Mandschu-Sprache verglichen mit dem Finnisch-Estnischen, стр. 38.

¹¹ К. А. Hermann. Ueber die Vergleichung des Türkischen..., стр. 99—100.

¹² Сам К. А. Херман данным термином не пользуется. Для проведения своих сравнительно-сопоставительных исследований в пределах данных языковых семей он делит весь существующий языковой материал на три группы: I — надежные соответствия; II — предполагаемые соответствия; III — несомненные отклонения.

¹³ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 105; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 124—125; «Die Mandschu-Sprache...», стр. 50—51.

¹⁴ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 105; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 125; «Die Mandschu-Sprache...», стр. 51—52.

¹⁵ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 104—105; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 122—123; «Die Mandschu-Sprache...», стр. 52—53.

(4) Однородность ауслаута. Она заключается в том, что в ауслауте преимущественно стоят или гласные, или же согласный п¹⁶.

(5) Одинаковое расположение ударения. Это положение относится лишь к маньчжурскому и тем уральским языкам, в которых главное ударение приходится на первый слог¹⁷.

(6) Отсутствие грамматического рода¹⁸.

(7) Одинаковое функционирование определения (атрибута). В изучаемых языках атрибут неизменяем и предшествует определяемому слову¹⁹.

(8) Глагольная основа, для получения которой следует исключить из любой глагольной формы все ее суффиксы²⁰.

(9) Местоимения и притяжательные (посессивные) суффиксы. К. А. Херман отмечает поразительное звуковое сходство личных местоимений во всех изучаемых языках. Посессивные суффиксы также обнаруживают много общего²¹.

(10) Отрицание. В тунгусском и финском языках отрицательное слово является самостоятельным спрягаемым глаголом, в то время как сам отрицаемый глагол не изменяется²².

II. Предполагаемые соответствия

(1) Односложная основа слова. К. А. Херман полагает, что односложность основ маньчжурского и финно-эстонского языков исконная и типичная для них, хотя, по его мнению, двусложные основы также могут быть древними²³.

(2) Склонение. Автор обращает внимание на большое сходство в образовании падежей во всех изучаемых языках²⁴.

(3) Спряжение. В данном случае К. А. Херман считает тунгусский и турецкий гораздо более близкими к финно-угорским языкам, нежели маньчжурский²⁵. Он особо отмечает ряд точных языковых соответствий в турецком и финно-угорских языках, а именно:

а) одинаковое образование имперфекта при помощи элемента *dlt*. В прибалтийско-финских языках данный элемент в положении непосредственно перед гласным *-i-* уже в глубокой древности был преобразован в *-si-*. Таким образом, как предполагает К. А. Херман, все эти формы следует возвести к турецкой форме имперфекта, как праформе²⁶;

б) тесная связь финно-эстонских партиципиальных форм на *-va/-ja* и глагольных обстоятельств с признаком *-s/-n-* с соответствующими венгерскими и турецкими формами²⁷;

в) личные окончания 1-го и 2-го лица единственного и множественного чисел в турецком, венгерском, саамском, финском и эстонском языках, в которых, по утверждению К. А. Хермана, весьма нетрудно рассмотреть тождественные формы²⁸;

¹⁶ «Die Sprache der Tungusen...», стр. 123; «Die Mandschu-Sprache...», стр. 53.

¹⁷ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 54.

¹⁸ Там же, стр. 54; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 123.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 54—55.

²¹ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 108; «Die Mandschu-Sprache...», стр. 55—56; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 123—124.

²² «Die Sprache der Tungusen...», стр. 124.

²³ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 46.

²⁴ Там же, стр. 46—47; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 119—120.

²⁵ «Die Sprache der Tungusen...», стр. 120—121.

²⁶ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 106—108.

²⁷ Там же, стр. 108.

²⁸ Там же

г) К. А. Херман считает поразительным тот факт, что окончанию эстонского глагольного иллатива или третьего инфинитива — в литературном эстонском языке — *-ma*, на одном южном (вырусском) диалекте — *-ma'* [знак (') означает гортанный взрывной], на финском языке — *-mahan*, *-mähän* — соответствует в турецком языке *-mak*, *-mek*. Далее он отмечает заметное сходство ряда инфинитивов, а именно: эст. *olema* (на юге *olema'*) 'быть', *uinuma* 'спать, засыпать, заснуть', *vaatama* 'смотреть'; соответственно по-турецки *olmak*, *uymak*, *bakmak*²⁹.

(4) Атрибутивное прилагательное в маньчжурском, турецком и венгерском языках является неизменяемым, так же как и в финских и эстонских диалектах, хотя в литературных языках этого нет³⁰.

(5) Родственные основы отдельных слов. По наблюдению К. А. Хермана, в маньчжурском и тунгусском языках существует лишь небольшое количество слов, имеющих незначительное корневое сходство с соответствующими финно-эстонскими. Сходными представляются некоторые суффиксы, например: а) локативный суффикс маньчж. и тунг. *-la*, *-lä*, финск. *-lla*, *-llä*, эст. *-l*; б) уменьшительный суффикс *-kan*, финск. *-kainen*, эст. *-kene*³¹.

Относительно общности словарного состава турецкого языка с финно-эстонским К. А. Херман отмечает, что количество подобных фонетически родственных слов, разумеется, не может быть велико, так как контактов между турками и финнами-эстонцами, а также другими угорскими народами не существовало многие сотни лет. Все же имеется некоторое число одинаковых или даже этимологически близких по звучанию слов, что не может быть случайным. Последнее положение подтверждается целым рядом примеров³².

(6) Некоторые обороты речи в маньчжурском и эстонском языках в значительной мере структурно совпадают. В этой связи К. А. Херман указывает на родительный падеж перед страдательным причастием прошедшего времени (в роли *potina agentis*). Кроме того, в обоих языках имеется значительное количество сходных пословиц, поговорок и т. д.³³.

III. Важнейшие отклонения внутри изучаемых языковых семей

(1) Звуковое своеобразие. Автора удивляет крайняя бедность согласных и полное отсутствие шипящих в финском и эстонском языках, что он все же не может признать изначальным. Со своей стороны, алтайские языки отличаются либо отсутствием звуков *ä*, *ö*, *ü*, повсеместно и *r* в анлауте (как в маньчжурском), либо переходом *d* в *r* (как в тунгусском) и т. д.³⁴.

(2) Звуковое несходство числительных³⁵.

(3) Расположение силового ударения. В турецком и тунгусском языках, как правило, силовое ударение падает на последний слог. В финском-эстонском и маньчжурском языках, наоборот, оно падает на первый слог. Что касается современных уральских языков, то в них силовое ударение может располагаться по-разному³⁶.

²⁹ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 108.

³⁰ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 47—48.

³¹ Там же, стр. 48—49; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 121—122.

³² «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 109.

³³ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 49—50.

³⁴ Там же, стр. 43; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 117; «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 103—104.

³⁵ «Die Mandschu-Sprache...», стр. 48—49; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 117—118; «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 103.

³⁶ «Die Sprache der Tungusen...», стр. 117; «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 102—103.

(4) Отсутствие личного склонения (в современном понимании). В маньчжурском языке оно заменяется причастными оборотами³⁷.

(5) Ограниченное число падежей в маньчжурском (пять падежей), в тунгусском (восемь ясно выраженных падежей) и в турецком (пять падежей) языках по сравнению с огромным количеством падежей в финском и эстонском языках³⁸.

(6) Своеобразный и непривычный для европейца склад маньчжурского языка и речи, затрудняющий восприятие маньчжурских текстов даже опытным филологом³⁹.

Исходя из всего приведенного выше, К. А. Херман приходит к заключению, что языки алтайской семьи и финно-угорские, несомненно, являются родственными и что время их разделения следует искать во втором или третьем тысячелетии до нашей эры. Разделение же маньчжурского и тунгусского языков произошло, по его мнению, в первом тысячелетии или чуть ранее⁴⁰.

К. А. Херман считает, что турецкий язык ближе к финскому и эстонскому, нежели маньчжурский⁴¹. Он полагает, что турецкий язык должен быть отнесен к урало-алтайским языкам, ибо он ближе к угорским, нежели к азиатско-алтайским языкам. Подобно географическому расселению турок между Европой и Азией, турецкий язык является переходным от европейско-угорских к алтайско-монгольским языкам⁴².

Существует мнение, что К. А. Херману как ученому не доставало основательных и точных знаний в изучаемой им области. В то же время никто не может отрицать того, что он был единственным дореволюционным ученым в Тартуском университете, занимавшимся исследованием алтайских языков, и первым эстонским лингвистом, применившим при этом сравнительно-сопоставительный метод⁴³.

Другой эстонский филолог и фольклорист М. И. Эйзен (Matthias Johann Eisen, 1857—1934) в своей книге «Род эстонцев» разделяет мнение К. А. Хермана, что алтайские и финно-угорские языки принадлежат к общей алтайской или туранской семье. В то же время он признает данное положение уже несколько устаревшим и пишет, что более поздние исследователи склонны отнести финно-угорские и самодийские языки к так называемой уральской семье языков.

Далее М. И. Эйзен указывает и на факты, свидетельствующие, что уральские языки ведут свое начало от общего с индоевропейскими языками источника. Однако, с другой стороны, имеются данные, подтверждающие родство уральских языков с алтайскими. Оба предположения в равной степени кажутся убедительными, хотя ни одно из них пока научно не доказано. Окончательное решение вопроса, по мнению М. И. Эйзена, является делом будущего⁴⁴.

³⁷ «Die Mandschu-Sprache..», стр. 44—45.

³⁸ Там же, стр. 46; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 119; «Ueber die Vergleichung des Türkischen..», стр. 107.

³⁹ «Die Mandschu-Sprache..», стр. 45.

⁴⁰ Там же, стр. 56—58; «Die Sprache der Tungusen...», стр. 125.

⁴¹ «Ueber die Vergleichung des Türkischen...», стр. 101.

⁴² Там же, стр. 110.

⁴³ «Eesti biograafiline leksikon». Tartu, 1926—1929, стр. 134, 145.

⁴⁴ Там же, стр. 80—82 (в частности, стр. 80, столбец 2 и стр. 81, столбец 2); М. И. Эйзен. Eestlaste sugu. Teine täiendatud trükk. Tallinn, 1922, стр. 8—10; 30—31.

Б. ЧАРЫЯРОВ, С. АЛТАЕВ

ТУРКМЕНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Туркменская лексикография, как и все туркменское языкознание, начала развиваться в основном после Великой Октябрьской социалистической революции. В начальный период ее формирования создавались двуязычные русско-туркменские и туркменско-русские словари. Следующим этапом была работа над русско-туркменскими терминологическими и отраслевыми словарями. В последние годы лексикографы готовили «Толковый словарь туркменского языка». До установления Советской власти в Туркмении был издан только один «Русско-туркменский словарь» И. А. Беляева (Ашхабад, 1913), включавший всего около 3.000 заглавных слов с переводом и транскрипцией в русской и арабской графике.

В 1929 году вышел в свет небольшой «Русско-туркменский словарь» А. Алиева и К. Бориева. Более полный «Русско-туркменский словарь» Ш. Батырова и Г. И. Карпова был издан в 1948 году. Однако эти словари не отвечали требованиям времени — для перевода общественно-политической, научной и художественной литературы с русского языка на туркменский был необходим более полный и совершенный словарь, отражающий основную, наиболее употребительную часть лексики русского литературного языка. Таким словарем стал «Русско-туркменский словарь», подготовленный Институтом языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР и изданный в Москве Государственным издательством иностранных и национальных словарей в 1956 году. В основу русской части этого словаря был положен словник для русско-национальных словарей, подготовленный издательством. Словарь содержит около 50.000 заглавных слов и богатую фразеологию русского языка, являясь в основном переводным.

Работа велась и в области создания туркменско-русских словарей. «Туркменско-русский словарь» Х. Байлиева и Б. Каррыева (Ашхабад, 1940) явился первым изданием такого типа словарей (если не считать «Карманный туркменско-русский словарь», — Ашхабад, 1939). В нем, однако, не были отражены в достаточной мере лексика современного туркменского языка, его богатая фразеология, пословицы и поговорки и т. д. Кроме того, в этом словаре не приводятся отдельные значения многозначных слов. Тем не менее словарь имел большое значение для изучения как туркменского, так и русского языков.

Наиболее полный «Туркменско-русский словарь» (Москва, 1968) был создан сотрудниками сектора лексикографии Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР в 1960—

1963 гг. Этот словарь является нормативным и включает около 40.000 заглавных слов в основном общеупотребительной лексики современного туркменского литературного языка. Из терминологической лексики в «Словаре» включены лишь термины, широко употребляющиеся в учебной и научной литературе, в сельском хозяйстве, ковроделии, ткацком производстве и т. п. Приводятся в «Словаре» и отдельные диалектные слова, а также архаизмы из классической туркменской литературы XVIII—XIX вв. и т. д. Этот словарь отличается от ранее изданных словарей подобного типа не только большим объемом лексического материала, но и полнотой разработки словарных статей. Он рассчитан на широкий круг читателей, изучающих туркменский и русский языки.

Большое внимание в республике уделяется также подготовке двуязычных терминологических словарей по различным отраслям науки.

Несомненным достижением туркменской лексикографии является издание русско-туркменских терминологических словарей по астрономии, ботанике, географии, геологии, лингвистике, математике, физике, химии, медицине, сельскому хозяйству, «Русско-туркменского словаря строительных терминов», словаря «Туркменские народные и научные названия растений», «Словаря литературоведческих терминов» и др. В настоящее время подготовлены к печати «Русско-туркменский словарь по хлопководству и агропочвоведению», «Русско-туркменский словарь по животноводству», «Туркменско-русский словарь по сельскому хозяйству» и др. Терминологические словари снабжены краткими толкованиями значений отдельных терминов.

Все вышеназванные словари содержат термины, входящие в школьные учебники, употребляющиеся в научной и научно-популярной литературе. Они играют большую роль в формировании и стабилизации единых норм отраслевой лексики туркменского языка.

Первый однотомный толковый «Словарь туркменского языка» был издан в 1962 г. Он охватывает активную часть лексики современного туркменского литературного языка.

В словарном составе туркменского языка особое место занимает пока еще мало изученная профессиональная лексика. Специальное исследование ее имеет исключительно важное значение для изучения современного туркменского литературного языка. Туркменскими лексикографами уже изданы: «Словарь по ковроткачеству и рукоделию» (С. Мурадова, Ашхабад, 1968), «Топонимический словарь Туркменистана» (С. Атанязов, Ашхабад, 1971).

В последние годы языковеды республики стали уделять много внимания исследованию фразеологического богатства туркменского языка. Написаны статьи и диссертации о классификации устойчивых словосочетаний, о подаче их в туркменских словарях и т. д.

В 1973 году был издан первый «Фразеологический словарь туркменского языка», охватывающий наиболее употребительные, устойчивые фразеологические словосочетания, идиоматические выражения, крылатые слова, взятые из туркменской художественной литературы, устного народного творчества и разговорной речи. Этот словарь рассчитан как на филологов и работников печати, так и на широкий круг читателей.

Сотрудниками сектора лексикографии Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР подготовлен и в 1963 году издан «Орфографический словарь туркменского языка», включающий около 80.000 слов. К словарю приложен свод правил по туркменской орфографии, принятый на Втором лингвистическом съезде Туркменистана, список словообразовательных аффиксов, сведения о принципах построения словаря, географические названия, собственные имена, аббревиатуры, алфавиты других тюркских языков.

В секторе диалектологии и истории туркменского языка института ведется большая работа по изучению диалектов и говоров туркменского языка. Подготовлен «Диалектологический словарь туркменского языка», в котором собраны диалектные слова, даны их транскрипция, пояснения на туркменском литературном языке, а также переводы на русский язык.

В настоящее время коллектив сектора лексикографии Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР завершил составление двухтомного «Русско-туркменского словаря». Словником для него послужили в основном материалы четырехтомного «Словаря русского языка» (М., 1957—1961). Разумеется, русско-национальный словарь не может охватить полностью весь словник толкового словаря русского языка. Поэтому составители двухтомного «Русско-туркменского словаря» исключили некоторые просторечные, разговорные, областные, архаичные и малоупотребительные слова, вульгаризмы. При составлении двухтомника были использованы ранее изданные русско-туркменские и туркменско-русские словари, а также русско-туркменские терминологические словари по различным отраслям знаний.

Новый «Русско-туркменский словарь» отражает активную часть лексики современного русского литературного языка. Он содержит около 65.000 заглавных слов с соответствующими иллюстративными примерами. В нем достаточно полно отражены и фразеология русского языка, и некоторые ныне устаревшие слова и выражения, встречающиеся в русской классической литературе. Увеличен по сравнению с прежними словарями и объем словарных статей, они разработаны более тщательно, с учетом последних достижений лексикографии. Словарь объемом около 280 печатных листов, будет издан в Москве в ближайшее время.

Двухтомный «Толковый словарь туркменского языка» охватывает активную лексику современного туркменского языка, отражающую различные стороны жизни туркменского народа. Критерием для включения слов в словник служила их употребляемость в современном туркменском языке. В словаре широко представлены интернациональные слова и термины, заимствованные туркменским языком из русского или через его посредство; большое место отведено профессиональной лексике, сельскохозяйственной терминологии и т. д. Словарь создан большим коллективом лексикографов с учетом опыта работы ученых братских республик и в первую очередь опыта русской лексикографии, на уровне требований современной лексикографической науки. Словарь снабжен богатым иллюстративным материалом, полно представлены фразеологические выражения, идиоматика, пословицы и поговорки.

Двухтомный «Толковый словарь туркменского языка» — ценное лексикографическое издание, имеющее большое значение для туркменского языкознания и тюркологии в целом.

PERSONALIA

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ

(К 70-летию со дня рождения)

А. Н. Кононов родился 27 октября 1906 г. в Ленинграде. В 1926 г. он становится студентом Ленинградского института живых восточных языков, который в 1927 г. был переименован в Ленинградский восточный институт. Здесь он слушал лекции академиков А. Н. Самойловича, В. В. Бартольда, членов-корреспондентов Академии наук СССР С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Е. Э. Бертельса. По окончании института в 1930 г. А. Н. Кононов был оставлен на преподавательской работе, а затем зачислен в аспирантуру.

Годы (1931—1938), проведенные в институте, А. Н. Кононов посвятил насущной тогда задаче — работе над созданием первых учебных грамматик и пособий по турецкому языку и подготовке научных кадров. Учебники, написанные тогда А. Н. Кононовым, долгие годы сохраняли свое значение.

Одновременно А. Н. Кононов приступил к глубокому изучению грамматической системы турецкого языка. Результатом этой работы явилась вышедшая в 1941 г. первая научная грамматика турецкого языка.

С 1938 г. основная научная деятельность А. Н. Кононова протекала в стенах Института востоковедения Академии наук СССР, хотя он по-прежнему не оставляет преподавания. В 1937 г. А. Н. Кононов приступил к чтению лекций на Восточном факультете Ленинградского государственного университета и с тех пор является профессором факультета. Все поколения ленинградских тюркологов, начиная с 1945 г., являются его учениками.

В Институте востоковедения Академии наук СССР в круг научных интересов А. Н. Кононова вошла еще одна важнейшая для того времени область тюркологии — культурное и языковое строительство в тюркоязычных республиках СССР. Уже в 1948 г. он издает первую научную грамматику узбекского языка и одновременно — сводный текст произведения великого узбекского поэта Алишера Навои «Махбуб уль-кулуб» («Возлюбленный сердце»).

Продолжая текстологическое, культурно-историческое и грамматическое изучение литературных памятников тюркских народов Средней Азии и Закавказья, А. Н. Кононов обращается к двум самым значительным из них — «Родословной туркмен» Абу-л-Гази и огузскому героическому эпосу «Книга моего деда Коркута». Изданием в 1958 г. сводного текста «Родословный туркмен», снабженного русским переводом, грамматическим очерком и историко-филологическим комментарием, А. Н. Кононов не только ввел в научный обиход важный источник по истории Средней Азии, но и внес значительный вклад в решение целого ряда историко-культурных и лингвистических проблем. В 1962 г. А. Н. Кононов совместно с академиком В. М. Жирмунским подготовил к изданию и снабдил обширным комментарием перевод другого памятника «Книга моего деда Коркута».

Параллельно с текстологическими исследованиями А. Н. Кононов продолжал вести большую работу по изучению грамматического строя тюркских языков. В 1956 г. вышла в свет капитальная «Грамматика современного литературного турецкого языка», в которой наглядно проявились основные стороны научной деятельности А. Н. Кононова: верность передовым традициям русского востоковедения и поистине энциклопедическое знание тюркологической литературы. В 1960 г. появляется новый грамматический труд А. Н. Кононова «Грамматика современного литературного узбекского языка», обобщивший многолетние исследования ее автора в области тюркского языкознания и многие явления узбекского языка на широком общетюркологическом фоне.

Особую группу работ А. Н. Кононова составляют статьи и монографии по истории русского востоковедения. В 1972 г. вышла из печати его книга «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период», а в 1974 году — «Биобиблиографический словарь отечественных тюр-

кологов», изданный по его инициативе и при его участии.

А. Н. Кононов — крупный организатор советского востоковедения. В настоящее время он является председателем Советского Комитета тюркологов; в течение многих лет А. Н. Кононов возглавлял кафедру тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета, был деканом этого факультета, заведовал Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР, был председателем Ученого совета и заведующим Тюрко-монгольским кабинетом отделения.

А. Н. Кононов — член редколлегии многих изданий и журналов, редактор большого числа монографий и сборников по тюркологии. Как крупнейший деятель отечественного востоковедения, А. Н. Кононов неоднократно представлял советскую науку за рубежом: на международных конгрес-

сах востоковедов в Лондоне и Париже, на конгрессах Турецкого лингвистического общества в Анкаре, активно участвовал в Международном конгрессе востоковедов в Москве, где руководил секцией алтаистики.

Заслуги А. Н. Кононова перед наукой, его вклад в развитие современной тюркологии получили широкое признание. С 1958 г. А. Н. Кононов член-корреспондент, а с 1974 г. — действительный член Академии наук СССР. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и многочисленными медалями.

Академик А. Н. Кононов — почетный член Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, почетный член Академии наук Венгерской Народной Республики, Венгерского востоковедного общества, Турецкого лингвистического общества, Польского товарищества востоковедов, член-корреспондент Финно-Угорского общества (Финляндия).

ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА А. Н. КОНОНОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОСЛЕ 1966 г.

Тюркская филология в СССР, 1917—1967 гг. М., 1968.

Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969.

Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969.

П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 16—23.

Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 3—12.

В. В. Бартольд — выдающийся востоковед. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 56—61.

Тюркское языкознание в Ленинграде, 1917—1967. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 5—28.

История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков». — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 3—12.

О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 3—12.

В. В. Радлов и отечественная тюркология. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 7—15.

История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.

Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-түрк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 3—17.

П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 7—17.

Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука (VIII в.). — В кн.: «Филология. Исследования по языку и литературе». Л., 1973, стр. 89—97.

Изучение «Дивану лугат ит-түрк» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 3—9.

А. Н. Самойлович — грамматист. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 37—48.

Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. — В сб.: «Восточная филология», III. Тбилиси, 1973, стр. 166—174.

В. Д. Аракин. Николай Константинович Дмитриев (Рецензия). — «Советская тюркология», 1974, № 1, стр. 93—94.

Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского Комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 3—12.

Тюркское языкознание в Академии наук СССР. — «Советская тюркология», 1974, № 3, стр. 3—18.

Тюркское языкознание в Академии наук. — «Вопросы языкознания», 1974, № 3, стр. 38—51.

Vladimir Drimba. Syntaxe somane (Рецензия). — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 107—110.

Актуальные тюркологические заметки. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 77—86.

Nuri Yüce. Gerundien im Turkischen. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 95—96.

Всесоюзная тюркологическая конференция (в соавторстве с С. К. Кенесбаевым и Г. Ф. Благовой). — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 3—9.

О природе тюркской агглютинации. — «Вопросы языкознания», 1976, № 4, стр. 3—17.

Подробная библиография работ А. Н. Кононова, вышедших до 1966 г., помещена в «Тюркологическом сборнике. 1966. К шестидесятилетию А. Н. Кононова». М.—Л., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Н. Кононов (Ленинград), С. К. Кенесбаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва). Всесоюзная тюркологическая конференция 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Э. А. Грунина (Москва). Роль глаголов е- и tur в сложении современных аналитических форм индикатива в тюркских языках юго-западной группы 10
- Л. Т. Махмутова (Казань). Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка 17
- А. фон Габен (Ангер, ФРГ). Местоименные основы в современном уйгурском языке 25
- Х. Г. Нигматов (Бухара). Включенное третье в морфологической системе тюркских языков 31

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Л. В. Дмитриева (Москва). Монголизмы в тюркской растительной лексике 37
- Д. Кара (Будапешт). Монгольский «дэрэсүн» — тюркский *jez* 41

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. Е. Мартынецв** (Ленинград). Об особенностях строфического оформления стихов Юнуса Эмре 44
- Н. Айзенштейн (Москва). Несколько наблюдений над литературным памятником анатолийских сельджуков «Житие Бахаэддина Веледа» 48
- М. И. Боргояков (Абакан). Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) 55

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. Н. Джанашиа (Тбилиси). О дистрибуции продуктивных показателей каузатива в турецком языке 60

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Э. Р. Тенишев (Москва). Академик А. Н. Кононов — ученый и организатор науки 66
- Б. В. Лунин (Ташкент). Академик А. Н. Кононов — историограф отечественной тюркологии и востоковедения 72

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- С. К. Кенесбаев, Т. Д. Джанузаков (Алма-Ата). О лексических пластах ономастики казахского языка 78
- Л. С. Левитская (Москва). Чувашские этимологии 89
- Э. А. Умаров (Ташкент). Рифма и редиф как фактор образования фразеологических вариантов 93
- Д. Д. Васильев (Москва). Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува) 97
- З. Клейнмихель (Берлин). Глаголы говорения в «Марзубан-наме» и у Якаба Надь де Харшана 102
- П. Нурмекунд (Тарту). На пороге эстонской алтаистики 114
- Б. Чарыяров, С. Алтаев (Ашхабад). Туркменская лексикография 121

PERSONALIA

- Андрей Николаевич Кононов 124

CONTENTS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad), <i>S. K. Kenesbayev</i> (Alma-Ata), <i>G. F. Blagova</i> (Moscow). All-Union conference of turkology	3
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
<i>E. A. Grunina</i> (Moscow). On the role of the verbs <i>e-</i> and <i>tur-</i> in formation of modern analytic forms of indicative in the turkic languages of south-west group	10
<i>L. T. Makhmutova</i> (Kazan). Forms of the Past Tense in the mishar dialect of the tatar language	17
<i>A. von Gaben</i> (Anger, FRG). Pronominal stems in the modern uigur language	25
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Bukhara). The inserted third in the morphological system of the turkic languages	31
<i>LANGUAGES IN CONTACT</i>	
<i>L. V. Dmitriyeva</i> (Moscow). Mongolisms in turkic vegetable vocabulary	37
<i>D. Kara</i> (Budapest). Mongolian <i>deresun</i> — turkic <i>jez</i>	41
<i>PROBLEMS OF LITERARY CRITICS AND FOLKLORISTUS</i>	
<i>A. E. Martynitsev</i> (Leningrad). On peculiarity of strophical design in the Yunus Emre poetry	44
<i>N. Aysenshteyn</i> (Moscow). Some observations at anatoliy seljuc manuscript «Life of Bakhaeddin Veled»	48
<i>M. I. Borgoyakov</i> (Abakan). Hun-turkic plot about grandparent-deer (bull)	55
<i>DISCUSSIONS</i>	
<i>N. N. Janashia</i> (Tbilisi). Towards distribution of productivity causativ forming in Turkish	60
<i>HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY</i>	
<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). Academician Andrey Nicolayevich Kononov	66
<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent). Academician A. N. Kononov — historiographer of native turkology	72
<i>REPORTS, SURVEYS</i>	
<i>S. K. Kenesbayev, T. D. Januzakov</i> (Alma-Ata). On the lexical layers of onomastics in the kazakh language	78
<i>L. S. Levitskaya</i> (Moscow). Chuvash etymology	89
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Rhyme and redif as factor of display of phraseological variants	93
<i>D. D. Vasilyev</i> (Moscow). Turkic runic inscription from environs of Bayan-Kola (Tuva)	97
<i>Z. Kleinmichel</i> (Berlin). The verbs of speak in «Marzuban-name» and at Yakab Nad de Kharshan	102
<i>P. Nurmekund</i> (Tartu). On the threshold of estonian altaistics	114
<i>B. Charyarov, C. Altayev</i> (Ashkhabad). Turkmen lexicography	121
<i>PERSONALIA</i>	
Andrey Nicolayevich Kononov	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСҚАҚОВ,
С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисицова*

Сдано в набор 20/VII 1976 г. Подписано к печати 20/IX 1976 г. ФГ 21567. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 4288. Тираж 3260. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.